КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗЕРНО".

Б. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

И

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ.

(1902—1906 гг.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1907.

Д[illegible]
БНА
Ч25
35

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня т-ва «Дѣло», Фонтанка, 96.
1097.

ГЛАВА I.

Узелъ крестьянскаго вопроса затягивается все туже и туже. Отживающій полукрѣпостническій строй дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы продлить насколько возможно свое существованіе. И чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и труднѣе удастся это ему. Одна за другой налетаютъ волны освободительнаго движенія, неумолимо подтачивая и размывая устои этого строя. Исторія послѣднихъ лѣтъ, богатая смѣной событій, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ о силѣ этого разрушенія и дезорганизаціи строя, и нигдѣ, быть можетъ, такъ ярко не сказалось банкротство бюрократическаго режима, какъ въ области крестьянскаго вопроса. Сорокъ пять лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, деревня голодала на нищенскихъ надѣлахъ, сорокъ пять лѣтъ выносила она на своей многострадальной спинѣ неуклюжее зданіе полуазіатскихъ порядковъ, и по оффиціальнымъ донесеніямъ все обстояло благополучно.

Правда, на этомъ фонѣ показного благополучія то тамъ, то тутъ появлялись симптомы протеста, но они не принимали серьезныхъ размѣровъ, не привлекали широкаго общественнаго вниманія и не внушали опасеній правительству. Потравы, порубки и т. д. помѣщичьихъ угодій не прекращались никогда и составляли наслѣдіе «великой реформы» 1861 г., оставившей крестьянское населеніе безъ необходимыхъ угодій (лѣсовъ, выгоновъ, водопоевъ и проч.) и лишившей его значительной части той земли, которой пользовалось при крѣпостномъ правѣ [1]). Неудивительно поэтому, что «положеніе крестьянъ стало хуже,

[1]) Въ среднемъ у крестьянъ было отрѣзано 20% той земли, которой они пользовались до реформы.

чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, когда они были по крайности сыты и когда помѣщики платили за нихъ подати» [1]).

Ухудшеніе это сказалось повсемѣстно,—какъ въ черноземной полосѣ, такъ и въ нечерноземной. По разсчетамъ проф. Янсона относительно нечерноземной полосы, «чтобы обезпечить продовольствіе и притомъ, если земля не очень уже плоха, не можетъ быть съ усадьбой менѣе 8 десятинъ (на душу), а между тѣмъ «средніе надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ этой цифры, у бывшихъ помѣщичьихъ —они наполовину менѣе» [2]). Точно также и «въ черноземной полосѣ надѣлы не обезпечиваютъ уплаты податей».

Это писалъ проф. Янсонъ еще въ 70-хъ г.г. Съ тѣхъ поръ положеніе измѣнилось къ худшему. Прежде всего, благодаря приросту населенія надѣлы страшно измельчали. Съ 4,83 дес. на мужскую душу въ 1860 г. они сократились къ 1880 г. до 3,55 дес. и къ 1900 г.—до 2,59 дес. [3]).

Эти среднія цифры не даютъ однако даже приблизительнаго понятія о размѣрахъ земельной нужды населенія. Прежде всего отдѣльныя группы крестьянъ (бывшіе государственные и удѣльные) обезпечены землей значительно выше средняго, съ др. стороны степень обезпеченія крестьянъ землей сильно разнится по отдѣльнымъ мѣстностямъ. Такъ, наприм., въ Таврической губ. средній надѣлъ въ 1900 г. былъ равенъ 3,6 на мужскую душу; въ Костромской—3 дес.; въ Казанской и Ковенской—2,7 дес.; въ Псковской, Тверской, Ярославской, Владимирской и Саратовской—2,6 дес.; въ Московской и Смоленской—2,5 дес.; въ Бессарабской и Воронежской—2,4; въ Екатеринославской и Минской—2,3 дес.; въ Гродненской, Витебской, Нижегородской и Херсонской—2,2 дес.; въ Калужской и Пензенской—2,1 дес; въ Тамбовской, Симбирской и Черниговской—2 дес. Въ остальныхъ губ. на каждую душу муж. пола приходилось менѣе 2 десятинъ, а именно:

Въ Виленской	1,9 дес.
» Могилевской	1,9 »

---

[1]) Ю. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. СПБ. 1877 г.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) „Матеріалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссіи».

Въ Харьковской	1,9	дес.
» Орловской	1,8	»
» Курской	1,7	»
» Волынской.	1,7	»
» Рязанской	1,7	»
» Тульской	1,6	»
» Полтавской	1,5	»
» Кіевской	1,2	»
» Подольской	1,2	»

Если еще въ 1877 г. проф. Янсономъ былъ констатированъ фактъ недостаточности крестьянскихъ надѣловъ для обезпеченія населенія, то тѣмъ болѣе это справедливо въ настоящее время. И дѣйствительно, въ большинствѣ губерній Европейской Россіи (въ 43 изъ 50) у крестьянъ не хватаетъ около 17% продовольственныхъ средствъ: при 20-ти пудовой нормѣ хлѣба на душу о. п. съ надѣла получается лишь 16,6 пуда[1]). О кормовыхъ средствахъ для скота нечего и говорить: ихъ не достаетъ ни въ одной губерніи.

Въ то время, какъ надѣлы все болѣе сокращались, крестьянскіе платежи непрерывно расли. Прежде всего крестьянству приходилось выносить на своихъ плечахъ огромный выкупной долгъ за полученную отъ помѣщиковъ землю. Всего до 1 января бывшими помѣщичьими крестьянами уплачено 1.544 мил. руб. выкупного долга, тогда какъ вся отведенная имъ земля, по цѣнамъ 60-хъ гг., стоила не болѣе 648 мил. р.[2]). На бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянахъ лежали также огромные выкупные платежи (1053 мил. и 51 мил. руб.)[3]).

Наряду съ выкупными платежами на крестьянахъ лежало и до сихъ поръ еще лежитъ масса др. налоговъ и податей, не находящихся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ его платежными силами. Однихъ прямыхъ налоговъ крестьяне платили въ 1903 году съ каждой десятины столько копеекъ [4]):

---

[1]) „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.“

[2]) А. Е. Лосицкій: „Выкупная операція“. СПБ. 1906 г.

[3]) Статья А. Е. Лосицкаго въ „Началѣ“ 1905 г., № 10.

[4]) См. „Опытъ приблизительнаго исчисленія народнаго дохода“. Изд. М. Ф. 1905 г.

Губерніи.	Казен. и выкупн.	Земскихъ.	Мірскихъ.	Страхов.	Всего.	Чистая доходн. 1 дес.
Сѣверныя	48	24	22	8	102	162
Восточныя	41	21	18	5	84	216
Средне-промышл. . .	104	31	50	30	214	384
Средне-черноземн. . .	125	37	58	17	237	672
Малороссійскія . . .	87	45	35	17	184	792
Прибалтійскія . . .	53	7	94	1	156	—
Сѣверо-западныя . .	77	12	43	18	150	360
Юго-Западныя . .	125	17	69	12	222	738
Южныя	73	28	64	6	172	750
Всего 50 губ. . .	77	26	40	12	156	438

Кромѣ указанныхъ выше прямыхъ сборовъ, на крестьянское населеніе падаетъ много другихъ повинностей—частью денежныхъ, а частью натуральныхъ. Подробныхъ данныхъ о размѣрѣ этихъ повинностей не существуетъ, но и тѣ немногія цифры, которыя имѣются на этотъ счетъ, рисуютъ яркую картину чрезмѣрнаго обремененія крестьянъ землею.

Какъ извѣстно, на обязанности сельскихъ обществъ лежитъ повинность по доставкѣ сотскихъ и десятскихъ для отбыванія полицейской службы. Въ 1901 г. эта армія полицейскихъ чиновъ достигала половины милліона. По разсчету министерства внутреннихъ дѣлъ, эта натуральная повинность крестьянъ оцѣнивается приблизительно въ 22 мил. руб. только для 46 губ. Европ. Россіи [1]).

Затѣмъ на обязанности сельскихъ обществъ лежитъ натуральная повинность по починкѣ дорогъ. По минимальному разсчету мин. вн. дѣлъ, эта повинность оцѣнивалась въ томъ же году въ 18—19 мил. р. для 46 губерній.

Далѣе на обязанности крестьянъ лежатъ такіе расходы, какъ содержаніе духовенства, доставка подводъ чиновникамъ, проходящимъ войскамъ и арестантамъ, явка на лѣсные пожары и т. д. Въ общемъ на каждую десятину надѣльной земли приходится не менѣе 67 коп. въ годъ этихъ повинностей. Вмѣстѣ

[1]) Бржесскій. „Налоги и натуральныя повинности крестьянъ“.

съ указанными выше платежами это составитъ около 2 р. 23 к., т. е. болѣе половины чистой доходности земли.

Прямыми сборами далеко однако не исчерпываются жертвы крестьянскаго населенія на алтарь отечества: сильнѣе, чѣмъ прямые налоги, массу населенія гнетутъ всевозможные косвенные налоги, непрестанно возраставшіе и въ настоящее время достигшіе неимовѣрныхъ размѣровъ. Въ 1902 г., напр., на каждую душу населенія приходилось налога и таможеннаго сбора столько:

На винѣ . . .	3 р.	75 к.
» сахарѣ . .	—	62 »
» керосинѣ .	—	38 »
» табакѣ . .	—	37 »
» спичкахъ .	—	6 »
» желѣзѣ . .	—	72 »
» чаѣ . . .	—	50 »
» ситцѣ . .	—	42 »
» проч. там. сб.	—	10 »

Кромѣ этихъ 6 р. 92 к. населенію приходится еще не мало переплачивать отечественнымъ промышленникамъ за дорогой уголь (около 50 к. съ души), сахаръ (37 коп.), ситецъ (1 р.), желѣзо (3 р. 73 к.) и т. д. Всѣ такія переплаты составляли въ 1902 г. по крайней мѣрѣ 5 р. 60 к. на душу населенія.

Принимая во вниманіе всѣ эти подати и налоги, выносимые на своихъ плечахъ крестьянствомъ, мы получимъ ясное представленіе о той кабалѣ, въ которой находится русскій крестьянинъ: крѣпостная зависимость отъ помѣщиковъ смѣнилась кабальной зависимостью отъ фиска. Назначеніемъ крестьянина стало—служить податнымъ животнымъ, «отбывать повинности».

Всему однако бываетъ предѣлъ; точно также давно уже перейденъ предѣлъ платежной способности крестьянина: съ него берется уже не столько, сколько онъ можетъ уплатить безъ ущерба для своего хозяйства и для своихъ насущныхъ потребностей, а берется столько, сколько можетъ «выколотить» полиція. Огромныя недоимки, накопившіяся на крестьянахъ, отдаютъ ихъ въ полное распоряженіе начальства и порождаютъ страшный произволъ, граничащій съ крѣпостной зависимостью.

Насколько велики эти недоимки и насколько, поэтому, ве-

лика зависимость населенія отъ «усмотрѣнія» чиновъ, показываютъ, между прочимъ, слѣдующія данныя. Въ концѣ 1900 г. недоимка казенныхъ сборовъ составляла такой °/о къ окладу:

Районы.	
Ср.-приволжскій . . .	388
Восточный	399
Ср.-земледѣльческій . .	147—177
Сѣверный	33
Юго-восточный . . .	9
Сѣверо-западный . . .	7

Особенно велика была недоимочность въ восточныхъ (Казанской, Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской и Уфимской) и центральныхъ губерніяхъ (Воронежской, Московской, Орловской, Пензенской, Рязанской и Тульской). Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ она превышала здѣсь годичный окладъ въ 4—5 разъ и даже въ 8—9 разъ[1]).

Чтобы отбывать казенныя и всякія иныя повинности, крестьянамъ, конечно, не хватаетъ надѣльныхъ земель. Съ цѣлью восполнить дефицитъ, они принуждены прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель на кабальныхъ условіяхъ. Насколько велика при этомъ переплата населенія, можно судить по слѣдующимъ характернымъ даннымъ. Въ 1900 г. средняя арендная плата за 1 десятину (при погодной съемкѣ) была такая[2]):

Земли:	
Казны . . .	1 р. 47 к.
Удѣловъ . . .	2 » 67 »
Помѣщиковъ .	9 » 14 »

И это при средней чистой доходности 1 дес. въ 4 р. 38 к.! Сотни милліоновъ, переплачиваемые крестьянами въ видѣ налоговъ, многіе десятки—въ видѣ высокихъ арендныхъ цѣнъ,—вотъ тѣ путы, которыя тяготѣютъ надъ массой населенія, порождая самыя тяжелыя формы кабалы, заставляющія, быть можетъ, пожалѣть о зависимости, существовавшей въ « реформенное» время.

Деревня нищаетъ, разоряется,—это давно уже не подле-

[1]) См. „Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.“.
[2]) Тамъ же.

житъ никакому сомнѣнію. Частые неурожаи послѣднихъ лѣтъ (1889—1892 г.г.; 1897, 1905 и 1906 г.г.), охватывающіе огромныя пространства, являются роковымъ показателемъ того, какъ далеко зашло это всероссійское разореніе. Въ теченіе 46 лѣтъ, протекшихъ со времени «освобожденія», дѣлалось рѣшительно все возможное, чтобы обезсилить крестьянство, истощить его производительныя силы,—и результаты этой политики теперь налицо.

Неурожаи—рѣдкіе въ 60—70-ые годы и участившіеся со второй половины 80-хъ годовъ—служили, какъ я сказалъ, симптомомъ надвигавшагося обнищанія широкихъ слоевъ деревенскаго населенія. Другимъ симптомомъ, проявившимся особенно замѣтно лишь самые послѣдніе годы, служатъ крестьянскіе «безпорядки».

До 1902 г. они не носили массового характера и спорадически проявлялись то тутъ, то тамъ въ видѣ порубокъ, потравъ, столкновеній изъ-за спорныхъ участковъ земли и т. д. Въ 1902 г. «безпорядки» впервые приняли массовый характеръ и открыли многимъ глаза на ту пропасть, къ которой неуклонно и стремительно приближалось крестьянство. Не открыли они глаза лишь правительству, которое увидѣло въ этихъ «безпорядкахъ» только «преступное посягательство» на права священной собственности помѣщиковъ. А между тѣмъ даже картина этихъ «безпорядковъ», нарисованная самимъ правительствомъ, должна была бы навести его на иныя мысли.

Согласно правительственному сообщенію, крестьянскія волненія 1902 г. въ Полтавской и Харьковской губ. протекали при слѣдующей обстановкѣ.

Около половины марта многіе крестьяне Константиноградскаго у. (Полтавской губ.) стали являться къ помѣщикамъ и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просили о даровой выдачѣ имъ хлѣба и корма для скота. Просьбы ихъ, конечно, не удовлетворялись. 28 марта крестьяне деревни Максимовки и другихъ сосѣднихъ прибыли на одинъ изъ хуторовъ герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго и увезли нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля.

Вслѣдъ затѣмъ подобному нашествію подверглись и многія усадьбы *Константиноградскаго* и *Полтавскаго* у. у. Обычно эта процедура совершалась слѣдующимъ образомъ. Крестьяне являлись группами, по 300—400 подводъ, брали

кормъ для скота, сельско-хозяйственныя орудія, иногда угоняли и скотъ. Причемъ нерѣдко слышались возгласы: «берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкахъ написано!»

30 марта въ названные выше уѣзды было отправлено 3 баталіона и 2 роты солдатъ, которымъ удалось возстановить «порядокъ» лишь черезъ нѣсколько дней—въ началѣ апрѣля, при этомъ въ столкновеніи съ войсками при дер. Ковалевкѣ было убито 3 и ранено 6 крестьянъ.

Всего за нѣсколько дней въ Полтавской губерніи подверглись разгрому 54 усадьбы. Изъ Полтавской губ. волненіе перекинулось въ смежные уѣзды Харьковской губ.—въ *Валковскій* и *Богодуховскій*. Въ Валковскомъ у. было «разобрано» 25 экономій, причемъ 2 усадьбы сожжены, а въ Богодуховскомъ у.—2. «Безпорядки» и здѣсь носили тотъ же характеръ голоднаго движенія. По прибытіи войскъ, во главѣ съ губернаторомъ кн. Оболенскимъ, «безпорядки» прекратились сами собой, такъ что войска, не прибѣгая къ оружію, лишь содѣйствовали сѣченію уже смирившихся крестьянъ.

Такова картина «безпорядковъ» 1902 г., явившихся предвѣстниками послѣдующихъ грозныхъ событій, разгромовъ и уничтоженій помѣщичьихъ усадебъ на пространствѣ многихъ уѣздовъ.

Въ правительственномъ сообщеніи о харьковскихъ и полтавскихъ событіяхъ 1902 г. главная причина «безпорядковъ» усматривается въ «противоправительственной (?) пропагандѣ», которая «свила себѣ гнѣздо» благодаря тому, что «хозяйственное положеніе крестьянъ, пережившихъ за послѣдніе годы нѣсколько недородовъ, не вполнѣ удовлетворительно». Пропаганда эта выразилась «въ усиленномъ распространеніи среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и изданій на малороссійскомъ языкѣ».— И только! «Недородъ» и «противоправительственная пропаганда»—вотъ виновники всего. А, между тѣмъ, если бы правительство было способно непредубѣжденно отнестись къ дѣлу, оно увидѣло бы болѣе глубокія причины, побудившія крестьянъ «разбирать» амбары. «Нѣсколько недородовъ» и «преступныя брошюры» не могли, конечно, вызвать такого широкаго массоваго движенія. Почва для него была, очевидно, хорошо подготовлена «не вполнѣ удовлетворительнымъ», говоря мягко, «хозяйственнымъ положеніемъ крестьянъ». Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что надѣлы крестьянъ въ Харьковской и Пол-

тавской губ. особенно ничтожны,—далеко ниже средняго уровня, какъ мы видѣли [1]).

Точно также и въ отношеніи обезпеченія хозяйственнымъ скотомъ, крестьянство названныхъ губерній занимаетъ самое неблагопріятное положеніе. Въ то время, какъ всего по 50 губ. Европ. Россіи % безлошадныхъ дворовъ въ концѣ 90-хъ г.г. составлялъ 32.2,—въ Полтавской губ. ихъ было 58,1 % и въ Харьковской—44.4%. Болѣе неблагопріятное положеніе было лишь въ Кіевской и Подольской губ., въ которыхъ широкимъ распространеніемъ пользуется батрацкій трудъ [2]).

Косвеннымъ показателемъ того, насколько «хозяйственное положеніе крестьянъ» названныхъ губерній «не вполнѣ удовлетворительно», является, между прочимъ, большое количество переселяющихся изъ этихъ губерній. По размѣрамъ выселеній крестьянъ Полтавская и Харьковская губ. всегда занимали одно изъ первыхъ мѣстъ.

Такимъ образомъ, въ полтавскихъ и харьковскихъ событіяхъ 1902 г. сказались результаты всей предшествовавшей многострадальной исторіи недоѣданія, нужды и т. д. «Нѣсколько недородовъ» послѣднихъ лѣтъ лишь обострили положеніе дѣла и послужили каплей, переполнившей чашу мужицкаго долготерпѣнія.

Въ 1902 г. крестьянскія волненія происходили также въ губерніяхъ: *Воронежской*, *Саратовской*, *Херсонской*, *Кіевской* и др., но нигдѣ они не получили широкаго развитія и, за исключеніемъ Саратовской губ., не выходили изъ рамокъ обыденныхъ деревенскихъ «недоразумѣній». Такъ, напр., въ *Бобровскомъ* у. (Воронежской губ.) крестьяне Ново-Курлакской волости начали въ февралѣ рубить лѣсъ у помѣщика Станкевича, заявляя, что лѣсъ принадлежитъ имъ на основаніи какого-то указа Петра I. При этомъ нѣкоторые сельскіе схода составили даже приговоры объ истребованіи у Станкевича документовъ на владѣніе землей. Помѣщикъ отказалъ, и на этой почвѣ, при порубкѣ лѣса, произошло столкновеніе.

На судебномъ разбирательствѣ выяснились интересныя обстоятельства, вскрывающія всю подкладку этой борьбы на основаніи легендарнаго царскаго указа. Оказалось, что крестьяне

---

[1]) Въ 1900 г. въ Полтавской губ.—1.5 дес. на душу муж. нас.; въ Харьковской—1.9 дес.

[2]) См. «Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.»

Ново-Курлакской волости имѣютъ на душу лишь по 10 саженъ земли, т. е. около 2/5 десятины. Въ силу этого, они вынуждались арендовать землю у Станкевича на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. По свидѣтельскому показанію священника Синявскаго, во время сдачи земли бываетъ такое громадное стеченіе крестьянъ окрестныхъ деревень, что незадолго передъ тѣмъ, напр., одинъ изъ толпы былъ задавленъ.

Въ Одесскомъ у. въ мартѣ 1902 г. крестьяне д. Коренихи препятствовали помѣщику пахать землю; въ Ветлужскомъ у.— не давали помѣщику Варшавскому рубить и увозить лѣсъ и т. д.

Болѣе крупныя волненія произошли въ Саратовской губ., въ Балашовскомъ и Сердобскомъ у.у.

Поводъ къ столкновенію въ *Сердобскомъ* у. послужило слѣдующее обстоятельство. Въ с. Ховапщинѣ полиція арестовала у крестьянина-ходока сундукъ, разсчитывая, со словъ самого ходока, найти тамъ документы, по которымъ можно оттягать землю у сосѣдняго помѣщика. На этой почвѣ произошло столкновеніе у крестьянъ съ полиціей. Прибывшій съ пѣхотой и казаками губернаторъ Энгельгардтъ произвелъ арестъ «зачинщиковъ» и при содѣйствіи нагаекъ и розогъ водворилъ спокойствіе. Изъ с. Ховапщины губернаторъ проѣхалъ въ с. Владыкино, гдѣ крестьяне требовали отъ помѣщицы сбавки арендной платы, и произвелъ въ большихъ размѣрахъ экзекуцію [1]).

Въ *Балашовскомъ* у. лѣтомъ 1902 г. подвергся нападенію домъ помѣщика Сафонова и затѣмъ въ сосѣднихъ деревняхъ началось «броженіе». Присланныя въ нѣкоторыя села на постой казаки лишь обострили положеніе дѣла и дали своимъ поведеніемъ толчокъ къ открытому нападенію крестьянъ на казачьи отряды. Въ с. Макаровѣ, напр., крестьяне съ крикомъ: «бей наемную шкуру!» вооружились кто чѣмъ могъ и прогнали казаковъ изъ села. Не надолго, однако: прибывшее подкрѣпленіе, во главѣ съ губернаторомъ, учинило экзекуцію, арестовало «зачинщиковъ» и такимъ образомъ водворило «порядокъ».

Такъ медленно, но неуклонно надвигались событія. Въ деревнѣ шло глухое броженіе, которое скоро должно было прорваться наружу и уже не въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ, а въ формѣ широкаго возстанія. Не трудно было предвидѣть это. Недаромъ въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности повсюду раздавались предостерегавшіе голоса.

---

[1]) См. «Русское Богатство», 1902 г., кн. 8.

«Надо быть слѣпымъ, говорилъ, напр., г. Бржзовскій въ уманскомъ комитетѣ: чтобы не видѣть, что темная и недавно непробудно спавшая у нашихъ ногъ масса подняла голову... Можетъ прійти время, когда эта масса громко скажетъ свое имя: милліонъ! и обратится къ представителямъ высшаго сословія съ такой претензіей: Canaille, tu mange mon pain! въ переводѣ на мѣстный языкъ съ соотвѣтствующими прибавленіями. Люди трезво смотрящіе на вещи, должны понять, что пришло время пойти навстрѣчу нуждамъ низшихъ сословій» [1]).

Такія же рѣчи говорились и въ др. комитетахъ, но призывъ «трезво смотрѣть на вещи» и пойти навстрѣчу нуждамъ низшихъ сословій», чтобы предотвратить грядущую катастрофу, не нашелъ себѣ отклика въ правительственныхъ сферахъ: на харьковскія и полтавскія событія оно реагировало своимъ излюбленнымъ пріемомъ—усиленіемъ репрессій, съ одной стороны, и отказомъ «пойти навстрѣчу»,—съ др. стороны.

На этотъ разъ во главѣ руководителей внутренней политики стояла яркая и опредѣленная фигура всесильнаго министра фонъ-Плеве.

Убійство Сипягина 2 апрѣля 1902 г. и назначеніе министромъ внутреннихъ дѣлъ Плеве отмѣчаетъ настроеніе «особливой дѣятельности и заботливости» правительства «о нуждахъ низшаго сословія». Плеве пришлось ликвидировать полтавскія и харьковскія событія, ему же предстояло намѣтить курсъ дальнѣйшей политики правительства. И кто хоть немного былъ знакомъ съ предшествовавшей дѣятельностью Плеве въ качествѣ вдохновителя реакціонныхъ реформъ 80-хъ гг., имѣвшихъ цѣлью обособить крестьянское сословіе, установить мелочную опеку надъ нимъ и т. д. (законъ 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ, 1889 г.—о земскихъ начальникахъ и проч.), тотъ ни минуту не могъ сомнѣваться относительно курса предстоявшей въ крестьянскомъ вопросѣ политики. Дѣйствительность не замедлила подтвердить опасенія.

Нужно сказать, что еще въ январѣ 1902 г. состоялось высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ законодательства о крестьянахъ съ цѣлью устранить такія узаконенія, «недостатки коихъ выяснены опытомъ, съ тѣмъ, чтобы пересмотръ этихъ узаконеній совершался на почвѣ основныхъ началъ положенія 19

---

[1]). С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи, стр. 89.

февраля 1861 г. и представлялъ собой ихъ дальнѣйшее развитіе».

Назначенная съ этой цѣлью *«редакціонная комиссія» подъ предсѣдательствомъ* товарища министра внут. дѣлъ *Стишинскаго* не проявила однако своей дѣятельности до іюня 1902 г. Но вотъ грянулъ громъ полтавскихъ и харьковскихъ волненій, «вѣдомства» перекрестились и принялись съ большимъ усердіемъ «за выполненіе по существу предположенной реформы».

Комиссія Стишинскаго, являвшагося правой рукой фонъ-Плеве, работала непрерывно съ іюня 1902 г. по октябрь 1903 г. Въ своихъ работахъ она считала нужнымъ исходить изъ «началъ... великой реформы 19 февраля 1861 г.» Но по вопросу о томъ, въ чемъ заключаются «начала», эта комиссія держалась своеобразнаго взгляда. По ея мнѣнію, «главными, одухотворяющими весь этотъ законодательный актъ, началами... должны быть признаны: обособленность крестьянскаго сословія и установленные въ соотвѣтствіи съ этимъ: особливый порядокъ управленія крестьянами и неотчуждаемость крестьянскихъ надѣльныхъ земелъ, а также неприкосновенность основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ всякаго ихъ коренного измѣненія».

Въ виду всего этого предстоящая реформа должна была, по мнѣнію комиссіи, имѣть цѣлью охранить прежде всего «обособленное положеніе и строго сословныя рамки» крестьянскаго управленія, администраціи и суда. Попутно комиссія Стишинскаго расточала особыя похвалы институту земскихъ начальниковъ. До 1889 г., т. е. до введенія земскихъ начальниковъ, «крестьянская жизнь, какъ полагала комиссія, была всецѣло предоставлена своему собственному теченію, оставалась внѣ всякаго надзора правительства, которое даже и не вѣдало многаго, что въ ней творилось». Съ другой стороны, цѣлью реформы должно было быть «охраненіе основныхъ формъ крестьянскаго землепользованія отъ насильственнаго ихъ измѣненія».

Все сводилось, такимъ образомъ, къ усиленію спасительной строгости и къ заботамъ о томъ, чтобы «сословный крестьянскій строй остался непоколебленнымъ».

Съ этой цѣлью проэктировалось между прочимъ «охраненіе деревни отъ насильственнаго вторженія въ ея составъ отбросовъ городской жизни» и «учрежденіе бдительнаго надзора за

всѣмъ ходомъ общественнаго хозяйства со стороны земскихъ начальниковъ.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на деталяхъ проэктированной комиссіей Стишинскаго реформы и подвергать ее серьезной критикѣ: первое не важно, а второе не стоитъ труда, такъ какъ достаточно указать на глубокомысленность «основныхъ началъ», чтобы получить полное представленіе о характерѣ творчества комиссіи.

Не вдаваясь поэтому въ подробности, я позволю себѣ однако отмѣтить одно небезинтересное противорѣчіе, скрывавшееся въ «мнѣніи» комиссіи. Съ одной стороны она полагала, что «крестьяне болѣе, чѣмъ представители какой-либо другой части населенія, всегда стояли и стоятъ на сторонѣ созидающихъ и положительныхъ основъ общественности и государственности и такимъ образомъ силой вещей являются оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни противъ всякихъ разлагающихъ силъ и безпочвенныхъ теченій»;—съ другой же стороны, она отмѣчала недостатокъ «въ сельскомъ населеніи чувства законности и уваженія къ чужимъ правамъ».

Мы видимъ отсюда, что полтавскія и харьковскія событія, бывшія за нѣсколько мѣсяцевъ до этого, ничему не научили комиссію. Близорукость помѣшала ей усмотрѣть въ этихъ событіяхъ большее, чѣмъ нарушеніе права собственности «смежныхъ владѣльцевъ». Иначе говоря: — политическое значеніе крестьянскихъ волненій 1902 г. не было понято бюрократіей, первый урокъ прошелъ для нея безслѣдно.

Выше я сказалъ, что «редакціонная комиссія» Стишинскаго окончила свои работы къ осени 1903 г., проработавъ около $1^1/_2$ года.

8 января 1904 г. послѣдовалъ высочайшій указъ объ образованіи «*губернскихъ совѣщаній*» для пересмотра законодательства о крестьянахъ въ губерніяхъ, въ которыхъ введено Положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ, Кіевской, Подольской и Волынской. Въ основу этихъ «совѣщаній» были положены «труды» комиссіи Стишинскаго. Для насъ не представляетъ интереса слѣдить за работами этихъ «губернскихъ совѣщаній». Бюрократическій составъ ихъ [1]), а также келейность засѣданій въ большинствѣ случаевъ

---

[1]) Предсѣдателями комиссій были губернаторы, а членами: предводители дворянства, предсѣдатель окружнаго суда, непремѣнный

содѣйствовали тому, что названныя совѣщанія проходили совершенно незамѣченными, какъ «въ обществѣ», такъ и въ крестьянской средѣ. Эти совѣщанія похоронили проэктъ Стишинскаго и Плеве.

14 іюля 1904 г. Плеве палъ отъ руки члена боевой организаціи соціалистовъ-революціонеровъ. Вслѣдъ затѣмъ измѣнились вѣянія въ правительственныхъ сферахъ, наступила «весна», и проэктъ Стишинскаго незамѣтно сошелъ со сцены.

Лишь въ одномъ—двухъ случаяхъ «губернскія совѣщанія по пересмотру узаконеній о крестьянахъ» сыграли видную общественную роль. Это именно въ тѣхъ случаяхъ, когда «либеральные» губернаторы приглашали на совѣщаніе крестьянъ. Такъ было въ Черниговѣ и въ Курскѣ. Въ данномъ случаѣ бюрократіи впервые пришлось столкнуться съ голосомъ сознательнаго крестьянства и услышать много горькихъ словъ по своему адресу. Особенный интересъ представляетъ *заявленіе черниговскихъ крестьянъ*, прочитанное ими въ губернскомъ совѣщаніи».

«Нанглавнѣйшая наша нужда, говорится въ этомъ заявленіи: это включеніе насъ въ особое, низшее сословіе, права котораго не ограждены ни судомъ, ни закономъ, а вся наша общественная и личная жизнь отдана на усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и полиціи.

Потомъ у насъ большая нужда въ землѣ, потому что въ нашей губерніи въ виду слабаго развитія народнаго образованія, земля является чуть ли не единственнымъ средствомъ къ жизни сельскихъ жителей. Мы непосильно обременены разными налогами, а въ особенности косвенными, которыми обложены и такіе предметы, безъ которыхъ не можетъ жить ни одинъ человѣкъ, даже самый бѣдный; послѣ же отдачи въ казну множества налоговъ не остается у насъ средствъ, чтобы завести для своихъ дѣтей школы, а изъ казны на это дѣло помощи не даютъ (церковно-приходскія школы мы не считаемъ за настоящія школы»).

Далѣе идутъ пожеланія объ уравненіи крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, о введеніи безсословнаго само-

---

членъ губернскаго присутствія, предсѣдатель губ. земской управы, выборные отъ дворянства и земства, земскіе начальники—по приглашенію губернатора, а также «лица, которыя, по мнѣнію губернатора, своимъ опытомъ или познаніями могутъ содѣйствовать успѣху возложенной на совѣщаніе задачи».

управленія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, о введеніи всеобщаго обученія, объ отмѣнѣ выкупныхъ платежей и о замѣнѣ всѣхъ налоговъ однимъ подоходнымъ.

Для разрѣшенія земельнаго вопроса въ заявленіи черниговскихъ крестьянъ проэктировалось устройство общесословнаго банка, изъ котораго выдавались бы ссуды всѣмъ желающимъ пріобрѣсти землю для обработки собственнымъ трудомъ, будь то съ помощью банка или безъ его помощи».

Заявленіе оканчивалось весьма рѣшительно. «Мы не вѣримъ, говорили крестьяне, чтобы чиновники улучшили нашу жизнь, такъ какъ они всегда позаботятся прежде всего о своей личной жизни и объ учрежденіи новыхъ чиновничьихъ мѣстъ для своего потомства и еще болѣе будутъ отягощать нашу жизнь. Единственнымъ для себя спасеніемъ мы признаемъ, чтобы для выработки законовъ, для составленія смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, раскладки налоговъ и контроля за правильностью расходованія денегъ были выбраны народные представители всѣми русскими подданными посредствомъ прямого и тайнаго голосованія, и все, что они сдѣлаютъ, чтобы было представлено прямо царю на утвержденіе помимо министровъ и всяческихъ совѣтовъ, а всѣ служащіе, начиная отъ самыхъ высшихъ, должны давать отвѣтъ народнымъ выборнымъ».

Заявленіе это было подписано 42 крестьянами изъ 49 присутствовавшихъ, по приглашенію губернатора, на совѣщаніи 17 іюня 1905 г. [1]).

Мы зашли однако далеко впередъ, и, чтобы послѣдовательно слѣдить за развитіемъ событій, намъ нужно вернуться къ началу 1903 г.

Я говорилъ уже, что отвѣтомъ на волненія харьковскихъ и полтавскихъ крестьянъ послужило, помимо непосредственныхъ репрессивныхъ мѣръ (экзекуціи, ареста «зачинщиковъ», наложенія на сельскія общества, участвовавшія въ разгромахъ, контрибуціи въ 800.000 р.),—возобновленіе работъ «редакціонной комиссіи» Стишинскаго.

Не дожидаясь окончанія этихъ работъ, правительство фонъ-Плеве провело въ жизнь нѣкоторыя мѣропріятія по части «урегулированія» крестьянскаго вопроса.

Къ числу наиболѣе значительныхъ мѣропріятій должны быть отнесены: 1) учрежденіе полицейскихъ стражниковъ и 2) от-

---

[1]) См. «Право». 1905 г. № 27.

мѣна круговой поруки сельскихъ обществъ за своихъ членовъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ.

Учрежденіе полицейскихъ стражниковъ закономъ 5 мая 1903 г. является достойнымъ вѣнцомъ всей системы фонъ-Плеве.

Мысль о реформированіи и усиленіи сельской полиціи возникла въ правящихъ сферахъ непосредственно подъ вліяніемъ «безпорядковъ» крестьянъ въ 1902 г. Усилившійся аграрный терроръ, особенно въ теченіе 1903 г. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской губ. (Петровскомъ, Балашовскомъ и др.), выразившійся въ поджогахъ помѣщичьихъ усадебъ, ускорилъ рѣшеніе правительства и уже 5 мая 1903 г. было опубликовано высочайшее повелѣніе объ образованіи стражи въ 46 губерніяхъ Европ. Россіи въ цѣляхъ «охраненія благочинія, общаго спокойствія, безопасности и порядка». Въ первую очередь (1903—1904 гг.) полицейская стража вводилась въ наиболѣе «безпокойныхъ» губерніяхъ: въ Полтавской, Харьковской, Саратовской, Пензенской, Курской, Черниговской, Воронежской, Тамбовской Орловской, Херсонской, Екатеринославской, Кіевской, Нижегородской, а также въ Волынской и Вятской. Въ остальныхъ губерніяхъ введеніе стражи должно было совершиться въ теченіе 1905—1908 гг. Въ настоящее время полицейская стража введена ускореннымъ темпомъ, вслѣдствіе быстраго развитія событій, уже во всѣхъ вышеуказанныхъ 46 губерніяхъ.

Основанія этой реформы представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ каждой волости имѣется одинъ урядникъ и «необходимое число» стражниковъ, не болѣе одного на каждыя $2^1/_2$ тыс. душъ населенія. Стражники могутъ быть пѣшіе и конные. Отъ поступающихъ на должность стражника требуется «умѣніе читать и писать и общее достаточное развитіе». Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право передвигать стражу изъ одной губерніи въ другую для «временнаго усиленія полицейской стражи»; въ предѣлахъ губерніи такое право принадлежитъ губернатору, въ предѣлахъ уѣзда—исправнику.

Осуществленіе этой реформы полностью связано для казны съ 10 милл. руб. ежегоднаго расхода. Кромѣ этого на крестьянское населеніе падаетъ обязанность доставлять квартиры «передвигаемымъ» для подавленія волненій стражникамъ, а на земство—обязанность давать имъ подводы.

Въ какой мѣрѣ роль стражниковъ оказалась революціонизирующей населеніе, намъ придется еще говорить немало; здѣсь

же я имѣлъ лишь въ виду отмѣтить то направленіе, котораго держалась политика фонъ-Плеве въ крестьянскомъ вопросѣ.

Въ сущности говоря, *законъ 3 мая 1903 г. явился единственнымъ крупнымъ шагомъ, предпринятымъ фонъ-Плеве* для «рѣшенія» этого вопроса: *комиссія Стишинскаго и губернскія совѣщанія, образованныя по высочайшему повелѣнію 8 января 1904 г., не имѣли,* какъ мы видѣли, *практическихъ результатовъ.*

Параллельно съ «твердой политикой» Плеве вело свою линію и министерство финансовъ во главѣ съ С. Ю. Витте. По иниціативѣ и подъ руководствомъ этого послѣдняго было образовано 22 января 1902 г. «*Особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности*», а затѣмъ губернскіе и уѣздные комитеты для совѣщанія о тѣхъ же «нуждахъ».

«Особое совѣщаніе» функціонировало въ теченіе 3-хъ слишкомъ лѣтъ и было закрыто 30 марта 1905 г., причемъ на смѣну ему выступило новое мертворожденное дѣтище бюрократическаго измышленія,—такъ называемое «Особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія» подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Горемыкина.

Намъ придется въ свое время говорить объ «Особомъ совѣщаніи» Горемыкина, о его задачахъ и боевыхъ цѣляхъ, а пока вернемся къ «Особому совѣщанію» Витте (1902—1905 гг.) и даже собственно не къ нему, а къ «мѣстнымъ комитетамъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности». Само «Особое совѣщаніе», состоящее изъ высшихъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ, не представляетъ сколько-нибудь значительнаго интереса и является лишь однимъ изъ образчиковъ обычныхъ «междувѣдомственныхъ» совѣщаній, главная цѣль которыхъ—сузить вопросъ, загнать его въ лабиринтъ мелочныхъ деталей, чтобы затушевать основные жизненные вопросы. «Особое совѣщаніе» Витте такъ и поступило: разсматривая «нужды сельско-хозяйственной промышленности» подъ угломъ зрѣнія крупнаго землевладѣнія, оно свело свои работы къ обсужденію вопроса о залежахъ хлѣбныхъ грузовъ, объ улучшеніи дорогъ, о меліораціяхъ, о размежеваніи земель и т. д.

Болѣе крупный общественный интересъ представляютъ «*мѣстные комитеты*». Въ данномъ случаѣ насъ интересуютъ не работы этихъ комитетовъ сами по себѣ, а ихъ обществен-

ное вліяніе или, точнѣе, вліяніе на пробужденіе крестьянскаго самосознанія и на организацію крестьянскихъ массъ.

Губернскіе комитеты, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, носили повсюду исключительно бюрократическій характеръ; бо́льшимъ сравнительно демократизмомъ отличались уѣздные комитеты, въ которыхъ принимали участіе земскіе гласные, земскіе служащіе и т. д.

Предложенія о привлеченіи къ работамъ комитетовъ возможно большаго количества крестьянъ не встрѣчали, за немногими исключеніями, сочувствія. Такъ, въ Галичскомъ комитетѣ предсѣдатель нашелъ приглашеніе крестьянъ «совершенно излишнимъ на томъ основаніи, что крестьянское населеніе въ бесѣдѣ съ своими участковыми земскими начальниками можетъ подробно высказать имъ всѣ свои нужды». Комитетъ все-таки постановилъ привлечь къ своимъ занятіямъ и крестьянъ. Въ Одесскомъ, Козельскомъ, Кузнецкомъ, Рузскомъ, Борисоглѣбскомъ и др. комитетахъ также сказалось нежеланіе привлечь къ работамъ крестьянъ въ виду того, что это можетъ «породить въ нихъ преувеличенные толки и надежды, нежелательные особенно въ настоящее время», и способствовать «распространенію ложныхъ слуховъ». Въ *Рузскомъ* комитетѣ кн. Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ, впослѣдствіи предсѣдатель комитета к.-д. партіи, полагалъ, что «въ настоящее время обращаться къ опросамъ волостныхъ сходовъ не слѣдуетъ, такъ какъ это можетъ вызвать въ народѣ неосновательные надежды и толки». Въ *Слонимскомъ* комитетѣ «выборный способъ избранія крестьянъ обществами или волостными сходами» для участія въ комитетѣ былъ отвергнутъ «во избѣжаніе распространенія возможныхъ превратныхъ толковъ среди сельскаго населенія о цѣляхъ и предметѣ занятій комитетовъ».

Только весьма немногіе комитеты не убоялись поставить свои работы шире, чтобы въ нихъ могла принять участіе значительная часть населенія. Лишь въ уѣздахъ: Новоузенскомъ, Опочецкомъ, Хоперскомъ, Черкасскомъ, Донскомъ и немногихъ другихъ въ работахъ комитетовъ принимали участіе выборные отъ волостныхъ и станичныхъ обществъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (напр., въ Радомысльскомъ) вопросы о нуждахъ с.-хоз. промышленности обсуждались предварительно въ волостныхъ комиссіяхъ. Въ *Кубанской области* было опрошено 394 станичныхъ и сельскихъ схода.

Въ общемъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Прокопоповичъ,

«вопросъ объ участіи крестьянъ въ работѣ мѣстныхъ комитетовъ болѣе или менѣе удовлетворительно былъ разрѣшенъ только въ немногихъ комитетахъ» [1]).

Мѣстные комитеты уклонились отъ «агитаціи» и въ другомъ отношеніи: за единичными исключеніями (напр., Торопецкій и Тотемскій комитеты), они не сочли даже нужнымъ оповѣстить населеніе объ организаціи комитетовъ и о томъ, чтобы крестьяне подавали въ эти комитеты свои соображенія о «нуждахъ» с.-х. промышленности.

Либеральная буржуазія еще не искала себѣ опоры въ массахъ; она стремилась лишь создать благопріятное «общественное мнѣніе», своей задачей она ставила «организацію» этого «мнѣнія». Задача эта отчасти ей удалась: *по поводу комитетовъ и въ самихъ комитетахъ* 1902—1903 гг. *начала сплачиваться земская либеральная оппозиція*, давшая толчокъ къ образованію либерально-конституціонныхъ теченій позднѣйшаго времени (союзъ 17 октября, партія демократическихъ реформъ, к.-д. партія).

Работамъ комитетовъ предшествовалъ земскій съѣздъ (въ маѣ 1902 г.), на которомъ была выработана платформа для агитаціи «въ обществѣ». Пять пунктовъ этой программы и легли въ основу работъ большинства уѣздныхъ комитетовъ [2]).

Крестьянство, о «нуждахъ» котораго шла рѣчь въ комитетахъ, оставалось, какъ я сказалъ, совершенно въ сторонѣ отъ этого движенія. Лишь позднѣе, когда крестьянство выступило самостоятельно на арену политической жизни, либеральная буржуазія, подобно правительству, *заговорила о воздѣйствіи на массы* и мѣстами пыталась осуществить это воздѣйствіе.

Такъ, напр., два года спустя послѣ того, какъ кн. П. Д. Долгорукій отклонилъ предложеніе опросить населеніе о его «нуждахъ»,—тотъ же самый кн. Долгорукій организовалъ бесѣды съ крестьянами на политическія темы. Удивляться такому

---

[1]) С. Н. Прокоповичъ. Мѣстные люди о нуждахъ Россіи, стр. 19.

[2]) Первый пунктъ трактовалъ объ «обезпеченіи правового положенія крестьянъ»; второй—«объ осуществленіи фактической общедоступности начальнаго образованія» и т. п.; третій — о реформѣ земскаго самоуправленія (о безсословности его, «приближеніи къ населенію», объ обезпеченіи «устойчивости и самостоятельности»), четвертый—объ «устраненіи недостатковъ финансовой и экономической политики государства» и пятый — о свободѣ «гласнаго» обсужденія экономическихъ вопросовъ. Подробнѣе см. въ моей книгѣ «Къ вопросу о классовыхъ интересахъ въ земствѣ», Вып. I, стр. 16—17.

обороту не приходится. За эти два года крестьянство сдѣлало большой шагъ впередъ, все болѣе и болѣе выходя изъ состоянія политическаго индифферентизма. Такимъ образомъ передъ либеральной буржуазіей выдвинулась задача—подчинить развивающееся движеніе своему вліянію, если его уже нельзя предотвратить. А вѣдь ни о чемъ другомъ, какъ о задержаніи нарождавшагося въ деревнѣ движенія либеральная буржуазія и не думала, когда въ 1902 г. хлопотала о томъ, чтобы мѣстные комитеты не сыграли агитаціонной роли въ широкихъ слояхъ населенія. Мы увидимъ далѣе, какъ по тѣмъ же соображеніямъ къ агитаціи въ крестьянствѣ приступили позднѣе и правительственныя сферы, которыя вначалѣ усиленно старались окутать свои проекты покровомъ таинственности.

Выше я говорилъ о томъ, что *въ періодѣ съ января 1902 г. до осени 1904 г. въ правящихъ сферахъ наблюдалось параллельно два теченія по крестьянскому вопросу*. Руководителемъ одного изъ нихъ являлся фонъ Плеве, вдохновителемъ другого—Витте. Созданіемъ рукъ перваго была комиссія Стишинскаго «по пересмотру узаконеній о крестьянахъ», [1]) затѣмъ «губернскія совѣщанія» съ той же цѣлью и наконецъ учрежденіе полицейскихъ стражниковъ. Подъ вліяніемъ же Витте было образовано «Особое совѣщаніе о нуждахъ с.-х. промышленности» и «мѣстные комитеты» — съ такой же задачей, а также окончательно отмѣнена круговая порука сельскихъ обществъ по уплатѣ окладныхъ сборовъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ *объ отмѣнѣ круговой поруки*, состоявшимся 12 марта 1903 г., «уплата окладныхъ сборовъ возлагается на отвѣтственность каждаго отдѣльнаго домохозяина въ селеніяхъ какъ съ общиннымъ, такъ и съ подворнымъ владѣніемъ землей». При этомъ «взиманіе окладныхъ сборовъ возлагается на должностныхъ лицъ волостного и сельскаго общественнаго управленія, подъ руководствомъ земскаго начальника и податного инспектора». Такимъ образомъ, полиція этимъ закономъ устранялась отъ самостоятельныхъ дѣйствій по взысканію податей и недоимокъ (въ томъ числѣ и выкупныхъ платежей) и могла лишь дѣйствовать по указанію земскаго начальника и податного инспектора.

Къ ограниченію круговой поруки шагъ былъ сдѣланъ еще

[1]) Напомню, что хотя комиссія эта была учреждена въ январѣ 1902 г., но приступила она къ работамъ лишь въ іюнѣ, при министрѣ вн. дѣлъ Плеве.

закономъ 23 іюня 1899 г., освободившимъ отъ нея мелкія селенія и поставившимъ примѣненіе ея въ остальныхъ селеніяхъ съ общиннымъ владѣніемъ въ болѣе узкія рамки. Отмѣна круговой поруки давно уже выдвигалась на очередь, какъ переставшая удовлетворять интересамъ фиска. И на дѣлѣ мы видимъ, что она задолго до своей отмѣны уже выходитъ изъ употребленія, такъ что законъ 12 марта 1903 г. имѣлъ, главнымъ образомъ, лишь моральное значеніе: надъ населеніемъ перестала висѣть угроза лишенія имущества за долги неисправнаго сосѣда. Но этотъ законъ имѣетъ и другую сторону: ослабляя зависимость крестьянина отъ сельскаго общества, онъ въ то же время усиливаетъ зависимость крестьянина отъ мѣстной администраціи, расширяя полномочія послѣдней за счетъ сельскаго самоуправленія.

Отмѣна круговой поруки закономъ 12 марта 1903 г. явилась осуществленіемъ одного изъ пунктовъ программы, выдвинутой манифестомъ 26 февраля 1903 г. Другіе пункты этой программы не представляли собой чего-либо опредѣленнаго: манифестомъ 26 февраля намѣчались только общія директивы для работы «губернскихъ» и иныхъ бюрократическихъ «совѣщаній» (развитіе дѣятельности крестьянскаго и дворянскаго банковъ и охраненіе общиннаго землевладѣнія), да и вообще названный манифестъ касался крестьянскаго вопроса только между прочимъ.

Если къ перечисленнымъ выше мѣропріятіямъ и предположеніямъ правительства по крестьянскому вопросу (за время съ января 1902 г. по августъ 1904 г.) мы добавимъ высочайшее повелѣніе 26 марта 1904 г. о сокращеніи операцій крестьянскаго банка [1]) и пріостановкѣ переселеній въ Сибирь по случаю войны съ Японіей, а также «законъ» 10 мая 1904 г. о «не воспрещеніи» сельскихъ работъ въ праздничные дни [2]), то мы исчерпаемъ весь арсеналъ бюрократическихъ потугъ Плеве и Витте по разрѣшенію крестьянскаго вопроса, все болѣе и болѣе обострявшагося.

Выше я уже говорилъ о томъ, что, *начиная съ 1903 г. участились случаи поджоговъ помѣщичьихъ усадебъ*, осо-

---

[1]) Была пріостановлена покупка имѣній за счетъ собственнаго капитала банка и повышенъ % по ссудамъ.

[2]) «Добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни, церковные и гражданскіе, предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ либо въ семъ препятствій».

бенно въ Саратовской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и другого рода «недоразумѣнія» въ деревенской жизни. Такъ, напр., крестьяне села Малой Приваловки Воронежск. у. оказали «сопротивленіе властямъ». Такое же столкновеніе произошло въ Васильковскомъ у. Кіевской губ. у крестьянъ дер. Барахты (при размежеваніи спорныхъ участковъ земли), затѣмъ въ Углицкомъ у. Подольской губ. у крестьянъ слободы Горичанской. Крестьяне дер. Горячовки Ольгопольскаго у. сожгли 21 ноября 1903 г. усадьбу помѣщицы. Но наиболѣе крупнымъ фактомъ крестьянскаго движенія за 1903 г. были *безпорядки въ Михайловскомъ у.*, Рязанской г., у кн. Гагарина [1]).

Крестьяне дер. Волосовки находятся въ полной кабалѣ у сосѣдняго помѣщика кн. Гагарина благодаря, главнымъ образомъ, тому, что не имѣютъ самыхъ необходимыхъ угодій. Безъ арендуемой у Гагарина земли крестьяне не имѣли бы вовсе выгона для скота и даже «встрѣчали бы затрудненіе въ пользованіи водопоемъ», какъ сказано въ обвинительномъ актѣ. Вслѣдствіе этого постоянно происходили потравы княжескихъ луговъ, и крестьянамъ приходилось расплачиваться за это высокими штрафами. Кромѣ того для охраны помѣщичьихъ луговъ были наняты черкесы, притѣсненія которыхъ вызывали вѣчныя жалобы со стороны крестьянъ, но жалобы оставлялись кн. Гагаринымъ безъ вниманія.

1 іюля 1903 г. по незначительному поводу одинъ изъ черкесовъ началъ бить крестьянина нагайкой. На помощь крестьянину явился его сынъ; въ свалкѣ черкесъ убилъ крестьянина кинжаломъ. Возмущенная толпа напала на усадьбу кн. Гагарина; разнесла флигель, въ которомъ помѣщались черкесы; перебила стекла въ барскомъ домѣ и въ довершеніе всего нанесла побои князю и княгинѣ.

Этому дѣлу въ высшихъ сферахъ было придано большое значеніе, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, жестокій приговоръ суда надъ «зачинщиками». По рѣшенію судебной палаты 22 крестьянина были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьму на срокъ 8 мѣсяцевъ и 2 къ заключенію на два мѣсяца. Сельскій староста приговоренъ къ отрѣшенію отъ должности.

Такъ обстояло съ движеніемъ крестьянъ въ 1903 г.; такъ же шло развитіе событій въ 1904 г.: рѣзкихъ массовыхъ высту-

[1]) См. «Право». 1904 г. №№ 6—8.

пленій еще не было, зато отдѣльныя вспышки то тамъ, то тутъ свидѣтельствовали о наростаніи волны. Не могли не видѣть это и власти, но онѣ по прежнему возлагали надежды на стражниковъ и усиленіе репрессій, не задумываясь нисколько о серьезныхъ реформахъ.

ГЛАВА II.

Выше, когда я говорилъ о полтавскихъ и харьковскихъ волненіяхъ 1902 г., мнѣ пришлось уже упомянуть о «преступныхъ» прокламаціяхъ, распространявшихся въ районѣ волненій. Правительственное сообщеніе объ этихъ волненіяхъ касается роли «преступной агитаціи» лишь вскользь, а между тѣмъ явленіе это заслуживало несомнѣнно большаго вниманія.

Вообще нужно сказать, что именно съ этого времени, съ конца 1901 г. и начала 1902 г., начала развиваться дѣятельность «подпольныхъ» агитаторовъ въ деревнѣ. Наиболѣе энергичной на первыхъ порахъ явилась партія соціалистовъ-революціонеровъ, которая сразу нашла большое сочувствіе среди демократически настроенной интеллигенціи—учителей, земскихъ служащихъ и т. д.

Съ конца 1901 г. партія с.-р. приступила къ изданію своего центральнаго органа «Революціонная Россія», а въ 1902 г. при партіи образовалась «*Аграрная лига*», которая стала выпускать большое количество агитаціонной литературы для крестьянъ.

Въ этихъ брошюрахъ («Бесѣда о землѣ», «Ко всему русскому крестьянству» и т. д.) въ радужныхъ краскахъ рисовалось то недалекое будущее, когда вся земля перейдетъ въ руки «трудящагося народа», когда создадутся «содружества» трудовыхъ хозяйствъ и т. п. блага, связанныя съ осуществленіемъ с.-р. программы минимумъ. Въ качествѣ средства для осуществленія этой задачи на первый планъ выдвигался аграрный терроръ, затѣмъ «братства» сознательныхъ крестьянъ и проч. Всѣ агитаціонныя брошюры «Аграрной лиги» были проникнуты наивной вѣрой въ спасительность аграрнаго терр ра,

причемъ мысль—добиться такимъ простымъ способомъ лучшей доли—встрѣтила во многихъ мѣстахъ сочувствіе и со стороны крестьянъ, результатомъ чего явились участившіеся въ концѣ 1902 и началѣ 1903 г.г. поджоги помѣщичьихъ усадебъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно Саратовской губ., гдѣ раньше всего и прочнѣе всего с.-р. удалось организовать работу въ крестьянствѣ. Затѣмъ наибольшимъ успѣхомъ с.-р. агитація пользовалась въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тамбовской, Пензенской, Курской, Тульской, Орловской, Воронежской и др. губерній центральной черноземной полосы. Ея почти не наблюдалось въ не черноземныхъ и южныхъ губерніяхъ.

Въ 1904 г. и затѣмъ въ послѣдующіе годы дѣятельность партіи с.-р. въ деревнѣ не ослабѣвала, несмотря на цѣлый рядъ предпринятыхъ фонъ-Плеве мѣръ противъ «третьяго элемента», являвшагося въ значительной своей части проводникомъ въ крестьянскую массу эсъ-эровскихъ идей. Однако вліяніе партіи было почти исключительно идейнымъ, такъ какъ попытки организовать движеніе съ помощью различныхъ «братствъ» не имѣли сколько-нибудь широкаго успѣха.

Такимъ образомъ крестьянство втягивалось, хотя медленно и неравномѣрно, въ кругъ политической агитаціи. Объективныя условія чрезвычайно благопріятствовали этой агитаціи. Голодовки, нищета и обѣднѣніе массъ создавали крайне благопріятную атмосферу для вспышекъ аграрнаго террора и т. п. эксцессовъ.

Съ началомъ войны агитація въ деревнѣ значительно усилилась, и чѣмъ дальше затягивалась война, чѣмъ сильнѣе русская армія несла пораженія,—тѣмъ болѣе повышалось настроеніе деревни, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло недовольство «начальствомъ» и прояснялось мало-по-малу политическое самосознаніе массъ.

Отвѣты земскихъ корреспондентовъ, газетныя сообщенія и т. под. свѣдѣнія полны указаніемъ на происходившую въ то время эволюцію въ деревнѣ. «Народъ возбужденъ, писалъ, напр., корреспондентъ изъ Бронницкаго у.: отовсюду слышны жалобы на притѣсненія и несправедливости». Другой корреспондентъ изъ московской губ. сообщалъ, что «въ обычныхъ разговорахъ люди, кромѣ разныхъ толковъ, осуждаютъ всякія власти во всѣхъ дѣйствіяхъ, равно правительственныхъ, военныхъ, административныхъ, полицію, земство и всѣ прочія учрежденія, чего до войны было очень мало».

Отрезвляющее дѣйствіе военныхъ неудачъ на населеніе

одинъ корреспондентъ изъ Коломенскаго у. характеризовалъ такъ: «мой взглядъ на жизнь мѣстнаго населенія таковъ, какъ будто человѣкъ шелъ по дорогѣ и вдругъ остановился въ недоумѣніи, куда ему итти—шагать ли впередъ или повернуть назадъ [1])».

Корреспондентъ изъ ковровскаго у. Владимірской губ. писалъ меланхолично: «война отразилась на всѣхъ, особенно съ паденіемъ Портъ-Артура люди сдѣлались унылые, все и во всѣхъ мѣстахъ только говорятъ о несчастливой войнѣ, замѣчается даже негодованіе на правительство, почему не предвидѣли такое дѣло и не подготовились къ войнѣ, какъ японцы [2])».

Подобныя сообщенія шли отовсюду; повсюду констатировалось наростаніе глухого недовольства и «даже негодованія» на правительство. Трудно было, правда, крестьянину разобраться во всемъ происходившемъ тогда: «патріотическая» ложь продажной прессы, болѣе всего имѣющей доступъ въ деревню (благодаря обязательнымъ выпискамъ и т. д.). агитація о «японскихъ милліонахъ», съ благословенія духовныхъ властей распространявшаяся по деревнямъ,—все это вносило невообразимую путаницу въ сознаніе рядового крестьянина. Намъ придется далѣе говорить объ этой агитаціи властей и духовенства подробнѣе, пока же ограничимся констатированіемъ того факта, что совокупными усиліями революціонной и черносотенной агитаціи, при благопріятныхъ объективныхъ условіяхъ, крестьянство все болѣе раскачивалось и выходило изъ состоянія общественнаго индифферентизма: китъ, на которомъ покоилось зданіе абсолютизма, началъ шевелиться и само зданіе поколебалось.

Правительство не могло не видѣть этого. Первое время, когда у власти былъ Плеве, оно ограничивалось принятіемъ соотвѣтствующихъ мѣръ «пресѣченія и предупрежденія», но съ уходомъ со сцены Плеве былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о другомъ курсѣ. Вопросъ этотъ однако не сразу получилъ разрѣшеніе; и на первыхъ порахъ правительство ограничилось тѣмъ, что, воспользовавшись рожденіемъ наслѣдника престола, — излило на крестьянъ особыя милости, превосходившія собой обычно расточаемыя въ такихъ случаяхъ. Я говорю о *манифестѣ 11 августа 1904 г.*, которымъ: 1) отмѣнялись тѣлесныя наказанія

---

[1]) См. „Экономическая Газета“ 1905 г. № 5.
[2]) То-же, № 4.

для крестьянъ по приговору волостныхъ судовъ и 2) складывались со счетовъ всѣ недоимки по выкупнымъ платежамъ, земскимъ и казеннымъ сборамъ, накопившіяся на надѣльныхъ земляхъ къ 1 января 1904 г.

Этимъ же манифестомъ была прощена также недоимка по контрибуціи, наложенной въ 1902 г. на полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ (800,000 р.).

За сорокъ пять лѣтъ, протекшихъ со времени освобожденія крестьянъ вопросъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній не разъ поднимался въ печати, земскихъ собраніяхъ и т. д., но правительство не обнаруживало ни малѣйшаго желанія разстаться съ этимъ варварскимъ орудіемъ, которымъ оно пользовалось въ широкихъ размѣрахъ для выколачиванія податей. Комиссія Стишинскаго (1902—1903 г.г.) тоже, какъ мы видѣли, не затронула этого вопроса, молчаливо признавъ, такимъ образомъ, «незыблемость» этой мѣры и ея пользу «въ особливыхъ» интересахъ крестьянства.

Въ виду такого направленія правительственной политики, отмѣна тѣлесныхъ наказаній манифестомъ 11 августа 1904 г. явилась большой неожиданностью. Отмѣна эта представляла собой шагъ къ уничтоженію сословной обособленности крестьянъ, и ея значеніе не слѣдуетъ цѣнить низко. На практикѣ тѣлесныя наказанія, конечно, не только не исчезли изъ обихода деревенской жизни, а наоборотъ получили широкое развитіе, но уже не въ качествѣ «законнаго» возмездія, а въ видѣ кары за аграрныя волненія и т. под. «преступленія». Поэтому, въ сознаніи населенія эта мѣра послѣ манифеста 11 августа должна была представляться вдвойнѣ произвольной, и ея воспитательно-агитаціонное значеніе достаточно велико.

Правительству стоило большихъ усилій отказаться отъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, отъ этого излюбленнаго орудія власти, и если оно, наконецъ, рѣшилось на это, то объясняется это исключительно желаніемъ дать нѣкоторую компенсацію за военныя пораженія и расположить въ свою пользу населеніе, броженіе въ средѣ котораго все болѣе и болѣе расло.

Такой же вынужденный характеръ носила и другая «милость» манифеста 11 августа,—сложеніе недоимокъ по окладнымъ сборамъ.

Сложивши безнадежныя къ поступленію недоимки («съ ущербомъ для казны», какъ сказано въ манифестѣ), правительство, конечно, вознаградило себя изъ др. источниковъ,

напр., повышеніемъ акциза на вино, увеличеніемъ др. косвенныхъ налоговъ и т. д., т. е. опять таки взяло все то, что требовалось взять съ населенія, но подъ другимъ соусомъ. Поэтому сложеніе недоимокъ по манифесту [1]) явилось лишь благовиднымъ способомъ ликвидировать тѣ долги, собрать которые не представлялось возможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ «явить милость», чтобы расположить въ свою пользу массу крестьянскаго населенія.

Оказывая «милости», правительство на этотъ разъ болѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе, считалось съ настроеніемъ крестьянъ, и въ этомъ отношеніи *отмѣна тѣлесныхъ наказаній и сложеніе недоимокъ за все время до 1 января 1904 г. являются первой уступкой крестьянскому движенію послѣ реформы 1861 г.*

Манифестъ 11 августа явился ласточкой наступившей въ правящихъ сферахъ «весны». 15 іюля 1904 г. былъ убитъ Плеве и его мѣсто въ началѣ сентября занялъ кн. П. Д. Святополкъ-Мирскій, открыто возвѣстившій наступленіе «весны» и новаго курса, политики «довѣрія». Въ чемъ должно было проявиться это «довѣріе» и какія реформы должны были послѣдовать—объ этомъ какъ Святополкъ-Мирскій, такъ и никто другой изъ руководителей политики «довѣрія», не обмолвился ни словомъ, да и врядъ-ли могъ сказать что-нибудь опредѣленное. «Я былъ бы неправъ, заявилъ Святополкъ-Мирскій американскому корреспонденту, если бы сказалъ, что у меня уже теперь есть опредѣленная программа... Если можно сказать, что у меня есть программа, то она состоитъ изъ двухъ словъ: благо народа».

Какъ извѣстно, наша бюрократія всегда руководилась исключительно «благомъ народа», такъ что заявленіе Святополка-Мирскаго само по себѣ не заслуживало бы вниманія, если бы не чувствовалось, что наступило колебаніе «твердой политики», неуклонно проводившейся въ теченіе долгихъ лѣтъ. И «общество» вздохнуло свободнѣе: вслѣдъ за правительственной «весной» наступила «весна» въ либеральныхъ сферахъ, началась эра торжественныхъ засѣданій городскихъ думъ, земскихъ собраній, банкетовъ и т. д. и т. д.

---

[1]) Всего недоимокъ къ 1 января 1904 г. числилось: по выкупнымъ платежамъ около 24 мил. руб. и по земскимъ 15—16 мил. р. Земству эта сумма была возмѣщена изъ казны.

Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ (сентябрь—ноябрь 1904 г.), и все это время деревня оставалась въ сторонѣ отъ либеральныхъ ликованій, движеніе въ крестьянствѣ продолжало развиваться своей дорогой; вниманіе какъ правительства, такъ и общества было отвлечено отъ деревни.

Лишь въ серединѣ декабря правительство, выступивъ съ заявленіемъ «весенней» программы, — обратилось опять къ крестьянскому вопросу.

12 декабря 1904 г. былъ изданъ высочайшій указъ съ обѣщаніемъ внести «въ законодательство существенныя нововведенія».—Въ отношеніи крестьянъ этотъ указъ ставилъ цѣлью «привести законы о крестьянахъ къ объединенію съ общимъ законодательствомъ Имперіи».

Какъ видимъ, задача совершенно противоположная той, которую преслѣдовала комиссія Стишинскаго, вѣрно отражавшая взгляды правительства Плеве на крестьянскій вопросъ.

Лишь за половину года передъ этимъ возвѣщалось, что при предстоящихъ реформахъ «сословный крестьянскій строй останется непоколебленнымъ», а теперь, при дуновеніи «весны», торжественно объявлялось, что «законы о крестьянахъ» будутъ объединены «съ общимъ законодательствомъ Имперіи».—Колебанія начались, и мы увидимъ дальше, какъ съ теченіемъ времени они усиливались: сегодня заявлялось одно, а черезъ какихъ-нибудь мѣсяцъ, два, а то и меньше—возвѣщалась иная программа, иной курсъ.

Собственно говоря, *указъ 12 декабря явился заключительнымъ аккордомъ „весны“*, какъ *манифестъ 11 августа —былъ ея первымъ аккордомъ*. Итого четыре мѣсяца «весны»!

На первый разъ это было слишкомъ продолжительно, пора было объявить перемѣну погоды, и это было сдѣлано три недѣли спустя послѣ указа 12 декабря: *31 декабря Святополкъ-Мирскій выступилъ съ циркуляромъ къ губернаторамъ*, какъ предсѣдателямъ «совѣщаній по пересмотру законодательства о крестьянахъ». Въ этомъ циркулярѣ министръ беретъ на себя трудную задачу примирить противорѣчіе между указомъ 12 декабря, намѣчавшимъ отмѣну сословныхъ ограниченій для крестьянъ, и указами и манифестами временъ Плеве, ставившими себѣ задачей «охранить сословный крестьянскій строй». Рядомъ умозаключеній онъ приходитъ къ тому выводу, что указъ 12 декабря «отнюдь не исключаетъ сохраненія крестьянскаго сословнаго строя».

Пріостановившіяся было работы «губернскихъ совѣщаній» продолжались послѣ разъясненія министра «неукоснительно»— тихо и келейно; исключеніе представляетъ лишь инцидентъ въ черниговскомъ «совѣщаніи» 17 іюня 1905 г. Рѣчь объ немъ была у насъ уже выше.

Кровавой бойней 9 января 1905 г. въ Петербургѣ была окончательно ликвидирована «весна».—Святополкъ-Мирскій сошелъ со сцены. Кончились банкеты и началась широкая народная борьба за свободную жизнь, за лучшую долю. Въ январѣ 1905 года по городамъ прокатилась широкая волна забастовокъ, а вслѣдъ за тѣмъ возникли въ различныхъ губерніяхъ аграрныя волненія.

ГЛАВА III.

Съ начала февраля 1905 г., т.-е. почти три года спустя послѣ перваго массового выступленія крестьянъ въ Полтавской и Харьковской губ.,—крестьянство, побуждаемое нуждой снова поднялось на борьбу противъ помѣщичьяго гнета.

Наиболѣе сильное движеніе имѣло мѣсто въ *Дмитровскомъ*, *Сѣвскомъ*, *Глуховскомъ и Трубчевскомъ* у.у. Подобно харьковцамъ и полтавцамъ (1902 г.), крестьяне названныхъ уѣздовъ шли «разбирать» помѣщичьи экономіи, побуждаемые къ тому крайней нуждой. На многократные вопросы властей: «чего вы хотѣли?» былъ одинъ отвѣтъ: «мы хотѣли и хотимъ ѣсть».

По словамъ корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» [1]) движеніе это возникло еще осенью 1904 г. Въ декабрѣ въ Дмитровскомъ у. (Курской губ.) начались массовыя порубки лѣса; въ январѣ и февралѣ 1905 г. онѣ продолжались. Порубки эти, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по характеру, выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Прежде всего, какъ отмѣтилъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»: въ этомъ движеніи сказалось вліяніе «революціонной пропаганды» с.-р., выразившейся въ распространеніи среди крестьянъ большого коли-

[1]) См. „Р. В.“ 1905 г. № 59.

чества прокламацій. Затѣмъ, по свидѣтельству того же корреспондента, главный тонъ движенію задавали крестьяне отхожники, «зараженные» пропагандой въ городахъ юга — въ Одессѣ, Екатеринославлѣ и проч., а также въ горномъ южномъ районѣ.

Постепенно назрѣвавшее движеніе разразилось наконецъ въ серединѣ февраля.

14-го февраля крестьяне с. Сальнаго Дмитровскаго у. явились на хуторъ Черникина и увезли оттуда весь овесъ. Вслѣдъ затѣмъ было «разобрано» 17 экономій на пространствѣ 150 кв. верстъ. «Бо́льшею частью, говоритъ г. Максимовъ: [2]) крестьяне предупреждали заранѣе владѣльца, что явятся къ нему тогда-то, причемъ иногда приходила предварительно небольшая группа, осматривала экономію и уже послѣ того заявляла, что крестьяне придутъ въ извѣстный день. Въ назначенный день недалеко отъ усадьбы зажигался ометъ соломы, куль или просто большой пукъ соломы на длинной жерди, и по этому сигналу собиралась толпа крестьянъ съ подводами; иногда съѣзжалось до 500—700 подводъ. Въ одномъ случаѣ сигналъ былъ данъ набатнымъ звономъ. Собравшись, крестьяне направлялись въ экономію; подходя къ ней, дѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, ломали замки у амбаровъ, нагружали хлѣбъ на подводы и уѣзжали. Присутствіе хозяина или управляющаго ни сколько ихъ не смущало; они дозволяли ему быть свидѣтелемъ происходящаго, не отгоняли отъ себя, но въ то же время не вступали съ нимъ ни въ какія объясненія. Грабили главнымъ образомъ хлѣбъ; другіе продукты увозили въ рѣдкихъ случаяхъ: поэтому никакихъ другихъ построекъ, кромѣ хлѣбныхъ амбаровъ, обыкновенно не трогали. Въ Прилѣпахъ крестьяне разграбили хлѣбъ, но не тронули сахарнаго завода; у Петровскаго тоже самое: увезли хлѣбъ и оставили въ покоѣ винокуренный заводъ. Въ дома обыкновенно не заглядывали. Денегъ не трогали, за исключеніемъ, кажется, одного случая, когда явившіеся крестьяне потребовали у владѣльца усадьбы денегъ и получили по рублю. Насилій никакихъ не дѣлали и только въ м. Витичѣ былъ легко раненъ урядникъ... Иногда подъ вліяніемъ возбужденія, опьяненія и особенно обостренныхъ отношеній страсти разгорались, и тогда происходилъ разгромъ въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова». Такъ были

[2]) Тамъ же.

разгромлены и сожжены: усадьба въ Гламаздинѣ, вмѣстѣ съ винокуреннымъ заводомъ; Хинельскій винокуренный и Михайловскій сахарный заводы.

Г. Максимовъ отмѣчаетъ между прочимъ то обстоятельство, что «главную роль играли тѣ крестьяне, которые лѣтомъ уходятъ въ отхожіе промыслы». Указываетъ онъ также и на большое распространеніе въ районѣ волненій прокламацій комитета с.-р. подъ заглавіемъ: «Братья крестьяне!»

Всего въ этомъ районѣ въ безпорядкахъ принимали участіе крестьяне слѣдующихъ деревень: Сальное, Прилѣпы, Б. Витичъ, М. Витичъ, Лобки, Троебортное, Хомутовка, Гламаздино, Ольховка, Сучкино, Романовка, Юдовка, Стрекаловка, Жиденевка, Калиновка, Дубовицы, Доброе Поле, Халзовка, Михайловка, Никислицы, Вѣта, Самофаловка, Алексино, Ярославка, Бордаковка, Доброволье и др.

Въ началѣ марта разгромы вспыхнули въ Трубчевскомъ у. Орловской губ. [1]) Началось и здѣсь съ массовыхъ порубокъ помѣщичьихъ лѣсовъ. Затѣмъ 2—3 марта были «разобраны» четыре экономіи. Порядокъ разгрома здѣсь былъ приблизительно слѣдующій: прежде всего опустошали хлѣбный амбаръ, затѣмъ разбирали кормъ для скота и въ заключеніе приводили въ негодность помѣщичій домъ, и вообще въ домахъ больше разрушали, чѣмъ грабили. Насилій и здѣсь надъ помѣщиками не производилось, не было также ни одного пожара.

Въ началѣ апрѣля волненія распространились и въ другіе уѣзды Курской и Черниговской губ. (Суджанскій, Стародубскій и Новозыбковскій), а также въ губерніяхъ: *Тульской* (Епифанскій и Богородскій у.у.); *Рязанской* (Ранненбургскій у.); *Саратовской* (Царицынскій у.), а также кое-гдѣ въ губерніяхъ: Люблинской, Сѣдлецкой, Витебской (Двинскій у.) и др. [2]) При этомъ дѣло не всегда ограничивалось «разборомъ экономій»: было нѣсколько случаевъ и поджога усадебъ (напримѣръ, въ Царицынскомъ, Богородецкомъ и Ранненбургскомъ у.у.), а также—винныхъ лавокъ (въ Сѣдлецкой губ., напримѣръ, сожжено около 40 лавокъ).

Наряду, съ этой погромной волной, *въ началѣ 1905 г. происходили массовыя порубки помѣщичьихъ лѣсовъ.* Въ особенности онѣ имѣли мѣсто въ уѣздахъ: Балашовскомъ,

[1]) См. „Русскія Вѣдомости“ 1905 г. № 71.

[2]) С. Н. Прокоповичъ. Аграрный вопросъ и аграрное движеніе, стр. 10—12, а также „Р. В.“ № 78.

Борисовскомъ, Двинскомъ, Игуменскомъ, Каменецкомъ, Лидскомъ, Люценскомъ, Волоколамскомъ, Нижнеломовскомъ, Полоцкомъ, Рузскомъ, Рѣжицкомъ и Харьковскомъ, а также кое-гдѣ въ губерніяхъ: Бессарабской, Калишской, Петроковской и Прибалтійскомъ краѣ.

Въ *Прибалтійскомъ краѣ* началось (въ февралѣ и мартѣ) кромѣ того сильное движеніе батраковъ и арендаторовъ. Рѣчь объ этомъ будетъ у насъ еще впереди.

Непосредственнымъ отвѣтомъ правительства на начавшееся движеніе послужили, конечно, репрессивныя мѣры: аресты, экзекуціи и т. д. Сѣченіе крестьянъ въ «административномъ порядкѣ» производилось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Такъ, напримѣръ, въ с. Гламаздинѣ Дмитровскаго у. были высѣчены 50 крестьянъ, а также волостные старшина и писарь. [1]) То же повторялось и въ другихъ мѣстахъ.

Дальнѣйшей мѣрой правительства явилась *посылка т. с. Звегинцева для водворенія порядка*,—причемъ ему были даны самыя широкія полномочія, вплоть до права прибѣгать къ военно-полевому суду,—а также *образованіе указомъ 10-го апрѣля „временныхъ уѣздныхъ комиссій“*. [2]) «Въ цѣлахъ вящаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія, какъ въ неприкосновенности частной собственности, такъ и въ томъ, что за всякое посягательство на чужое имущество виновные будутъ подвергаться суровой карѣ»,—комиссіи эти должны были прежде всего выяснить лицъ, «участвовавшихъ въ преступныхъ скопищахъ», а затѣмъ заняться «исчисленіемъ размѣровъ причиненныхъ ими убытковъ для привлеченія къ имущественной отвѣтственности, съ обращеніемъ взысканій на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ», крестьяне которыхъ произвели разгромъ.

Такимъ образомъ, согласно этому указу возстанавливалась круговая порука сельскихъ обществъ за дѣйствія отдѣльныхъ членовъ, вводился принципъ огульной отвѣтственности.

---

[1]) См. „Биржевыя Вѣдомости“ № 8845.

[2]) Комиссіи эти имѣли слѣдующій составъ: предсѣдатель—уѣздный предводитель дворянства; члены: предсѣдатель земской управы, исправникъ, земскіе начальники, податные инспектора, а также земскіе гласные, „проживающіе въ ближайшихъ къ мѣсту происшествія мѣстностяхъ“.

Не довольствуясь назначеніемъ этихъ слѣдственныхъ комиссій (надо замѣтить, что онѣ почти нигдѣ не состоялись вслѣдствіе пассивнаго протеста земствъ и предводителей дворянства), правительство вступило на путь агитаціи, чтобы убѣдить населеніе въ томъ, что «улучшеніе земельнаго быта крестьянъ составляетъ главную заботу правительства». Объ этомъ возвѣстилъ министръ внутреннихъ дѣлъ *въ циркулярѣ 15-го апрѣля 1905 г.* Губернаторы должны были, по предписанію министра, разъяснять крестьянамъ также и то, что «частное землевладѣніе (какъ «твердо указалъ государь императоръ») должно быть охранено отъ всякаго на него посягательства и что земельное устройство крестьянъ можетъ совершиться лишь посредствомъ переселенія на казенныя земли, либо при содѣйствіи Крестьянскаго Банка».

Далѣе министръ выражалъ увѣренность, что «громадное большинство сельскаго населенія не вѣритъ обманнымъ рѣчамъ злонамѣренныхъ людей, хорошо понимая, что нельзя составить себѣ состояніе посредствомъ грабежа и насилія». Въ заключеніе слѣдовалъ призывъ къ населенію оставаться спокойнымъ, чтобы не мѣшая «скорѣйшему приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію хозяйственнаго положенія крестьянъ».

Этимъ циркуляромъ началась эра правительственной агитаціи въ крестьянскомъ населеніи. На нашъ взглядъ роль этой агитаціи оцѣнивалась до сихъ поръ слишкомъ мало; не надо забывать, что никакая «подпольная организація» не располагаетъ такимъ аппаратомъ для распространенія своихъ идей, какъ правительство. Пользуясь своими многочисленными агентами, правительство вступаетъ въ непосредственное общеніе съ самыми широкими слоями населенія, и его манифесты, указы, циркуляры и «сообщенія» являлись несомнѣнно агитаціоннымъ матеріаломъ, давшимъ на почвѣ печальной дѣйствительности богатые плоды.

Мы будемъ дальше имѣть случай прослѣдить развитіе этой агитаціи въ теченіе 1905 г. и въ особенности 1906 г., а пока вернемся къ началу 1905 г. и посмотримъ, какъ правительство реагировало на крестьянскія волненія, вспыхнувшія въ это время.

Я уже говорилъ, что непосредственнымъ отвѣтомъ на возникшія повсюду волненія послужили «мѣры строгости» — въ видѣ указа 10 апрѣля, циркуляра 15 апрѣля, а также посылка

въ наиболѣе затронутыя движеніемъ губерніи т. е. Звегинцева для «водворенія порядка».

Не обошлось на этотъ разъ и безъ уступокъ. Въ качествѣ таковыхъ были выдвинуты излюбленные старымъ режимомъ пріемы: назначены новыя комиссіи изъ бюрократовъ и даны населенію особыя милости въ видѣ сложенія недоимокъ.

Высочайшимъ *указомъ 5 апрѣля 1905 г. съ населенія сложены недоимки по продовольственному долгу*, накопившіяся по день рожденія наслѣдника престола, т. е. къ 31 іюля 1904 г.

Затѣмъ указомъ 30-го марта 1905 г. было объявлено объ учрежденіи «*Особаго совѣщанія по вопросамъ о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія*» и о передачѣ этому Совѣщанію дѣлъ «Особаго совѣщанія о нуждахъ с.-х. промышленности (учреждено 22 января 1902 г. подъ предсѣдательствомъ Витте).

Предсѣдателемъ новаго совѣщанія былъ назначенъ «знатокъ» крестьянскаго вопроса, бывшій министръ вн. дѣлъ И. Л. Горемыкинъ. Въ рескриптѣ на имя Горемыкина констатируется тотъ фактъ, что «въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ имперіи хозяйственное положеніе крестьянъ въ значительной степени поколеблено». Съ цѣлью улучшенія этого положенія должны быть приняты «мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ.... способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями и къ обложенію нуждающемуся въ землѣ сельскому населенію возможности переселенія на предназначенныя для сего земли или расширенія своего землевладѣнія при содѣйствіи крестьянскаго банка. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ приложить заботы къ завершенію отграниченія крестьянскихъ надѣловъ отъ земель прочихъ владѣльцевъ, дабы тѣмъ самымъ вящимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности».

Вообще Совѣщанію предписывалось руководиться тѣмъ соображеніемъ, что частное землевладѣніе должно быть охранено «отъ всякихъ на него посягательствъ».

Интересно обратить вниманіе на то, что правительство въ этомъ рескриптѣ наконецъ объявило во всеуслышаніе, что «хозяйственное положеніе крестьянъ въ значительной степени поколеблено». Для самого него это, конечно, давно не составляло тайны. Еще въ 1901 г. вопросъ объ «оскудѣніи центра» Россіи былъ выдвинутъ въ сферахъ и тогда же была назначена ко-

миссія подъ предсѣдательствомъ В. Н. Коковцева для выясненія причинъ этого «оскудѣнія» (16 ноября 1901 г.). Комиссія эта констатировала фактъ значительнаго упадка благосостоянія «центра», но констатированіе такъ и осталось констатированіемъ, и никакихъ мѣръ предпринято не было.

Волненія начала 1905 г. вырвали, наконецъ, у правительства открытое признаніе «оскудѣнія центра», въ области котораго и происходило наиболѣе крупное движеніе.

Дальше этого признанія дѣло, однако, пока не пошло, и потребовался новый взрывъ аграрныхъ волненій осенью 1905 года, чтобы предпринять практическіе шаги для «улучшенія хозяйственнаго положенія крестьянъ».

Скупая на дѣйствительныя мѣры «улучшенія», бюрократія всегда отличалась большой щедростью и изобрѣтательностью по части учрежденія всевозможныхъ комиссій, совѣщаній и т. д. И на этотъ разъ она не ограничилась образованіемъ «Особаго совѣщанія» подъ предсѣдательствомъ Горемыкина, но нашла необходимымъ произвести перетасовку вѣдомствъ. *Указомъ 6 мая 1905 г. министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было упразднено*, а его мѣсто заступило «*Главное управленіе землеустройства и земледѣлія*». Кромѣ того, этимъ же указомъ былъ учрежденъ «*Комитетъ по земельнымъ дѣламъ*» изъ нѣсколькихъ министровъ и членовъ по высочайшему избранію. Цѣлью этого комитета ставилось «общее руководительство всѣми земельными и переселенческими дѣлами».

Всѣ эти мѣропріятія, начиная отъ сложенія недоимокъ и кончая учрежденіемъ «главнаго управленія землеустройства и земледѣлія», — не вразумили крестьянъ и не внушили имъ мысль оставаться спокойными и «не мѣшать скорѣйшему приведенію въ исполненіе всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію хозяйственнаго положенія» ихъ. Начиная съ апрѣля волненія не прекращались все лѣто и весну 1905 г., хотя и не имѣли такого широкаго размаха, какъ волненія въ февралѣ и мартѣ того же года. Болѣе или менѣе сильное движеніе (съ апрѣля по августъ) имѣло мѣсто въ слѣдующихъ уѣздахъ: аткарскомъ, болховскомъ, гомельскомъ, городецкомъ, городищенскомъ, елисаветградскомъ, калишскомъ, корсунскомъ, лебединскомъ, мокшанскомъ, оргѣевскомъ, самарскомъ, сапожковскомъ, саратовскомъ, хвалынскомъ, чаусскомъ и чембарскомъ, а также въ Прибалтійскомъ краѣ.

Выше я говорилъ о томъ, что въ движеніи февраля—марта *случаи поджоговъ* были единичными; теперь же, начиная *съ апрѣля*, они *участились*. Такъ, напр., въ мокшанскомъ уѣздѣ при дер. Скачки былъ сожженъ домъ Анненковыхъ; въ аткарскомъ уѣздѣ было совершено нѣсколько поджоговъ экономій; въ новочеркасскомъ округѣ крестьяне слободы Успенской, выведенные изъ терпѣнія притѣсненіями черкассовъ-сторожей, сожгли постройки въ экономіи Битлера и т. д.

Въ то же время въ Прибалтійскомъ краѣ быстро надвигались грозныя событія, приведшія къ объявленію Курляндіи на военномъ положеніи (6 августа 1905 г.).

Движеніе среди крестьянъ латышей возникло въ *Прибалтійскомъ краѣ* еще въ 1900 г., причемъ крупную роль въ этомъ движеніи играла съ самаго начала «латышская соціалъ-демократическая партія» и «латышскій рабочій союзъ». Въ мартѣ 1905 г. движеніе значительно усилилось, особенно въ курляндской и лифляндской губ. Главныя требованія крестьянъ батраковъ сводились къ увеличенію заработной платы и сокращенію часовъ работы, съ одной стороны, и къ требованію политическихъ правъ,—съ другой стороны.

Во время возникшаго такимъ образомъ движенія было разрушено нѣсколько имѣній и волостныхъ правленій, причемъ портреты государя уничтожались.

Съ апрѣля движеніе замѣтно усилилось (въ этомъ мѣсяцѣ было сожжено 6 усадебъ), при этомъ особенно участились «противоправительственныя» демонстраціи съ красными флагами. «Въ маѣ и іюнѣ, какъ констатировало правительственное сообщеніе, подобныя демонстраціи стали повторяться почти каждое воскресеніе», сначала въ уѣздахъ: венденскомъ, рижскомъ и митавобаусскомъ, а затѣмъ и въ другихъ. Все усиливаясь, движеніе приняло въ концѣ іюля «угрожающій характеръ». По донесеніямъ администраціи, «власти не признаются», «арендные платежи не вносятся», «шествія съ красными флагами совершаются ежедневно», «портреты государя выставляются напоказъ обезображенными» и т. д.

Въ довершеніе всего, въ концѣ іюля вспыхнула въ восьми уѣздахъ *забастовка батраковъ*. Объявленное вслѣдъ затѣмъ 6 августа военное положеніе, въ декабрѣ, во время новой вспышки движенія, было распространено на весь Прибалтійскій край и съ тѣхъ поръ тамъ воцарились карательныя экспедиціи и разстрѣлы безъ суда и слѣдствія.

Кромѣ Прибалтійскаго края *стачечное движеніе* сельскихъ рабочихъ имѣло мѣсто въ первую половину 1905 г. *въ Царствѣ Польскомъ и Юго-западномъ краѣ.*

Въ Польшѣ движеніе началось въ концѣ января въ Сѣдлецкой губ. Оттуда оно перешло въ Люблинскую и Варшавскую губ. Требованія рабочихъ сводились здѣсь, главнымъ образомъ, къ повышенію заработной платы на 5 руб. въ годъ, предоставленію имъ безплатной и постоянной врачебной помощи, пары коровъ для семьи, улучшенію продовольствія и учрежденію школъ для дѣтей рабочихъ; требовалось также болѣе вѣжливое обращеніе со стороны помѣщиковъ и ихъ управляющихъ.

«Безпорядки» повсюду начинались одинаковымъ образомъ: на дворъ помѣщика являлись нѣсколько вооруженныхъ револьверами рабочихъ и требовали прекращенія работъ. Такъ собирались помѣщичьи рабочіе изъ нѣсколькихъ деревень и шли отъ одной экономіи къ другой прекращать работы до выполненія предъявленныхъ требованій. Къ забастовавшимъ рабочимъ присоединялась также прислуга помѣщичьяго дома. Въ нѣкоторыхъ экономіяхъ бастовали также и работницы, такъ что некому было доить коровъ и задать кормъ животнымъ.

8-го марта одна изъ такихъ толпъ забастовщиковъ (около 200 человѣкъ), направляясь изъ Гостынскаго у. въ Кутновскій, столкнулась съ войсками, причемъ было убито 11 и ранено 10 рабочихъ.

Въ апрѣлѣ движеніе началось въ Углицкомъ Проскуровскомъ, Каменецкомъ, Брацловскомъ и Могилевскомъ Подольской губ., причемъ крестьяне многихъ селъ составляли мірскіе приговоры, назначая минимальную рабочую плату. Такъ, напр., крестьяне мѣстечка Солобковецъ Углицкаго у. постановили не наниматься въ экономіи дешевле, чѣмъ за 1 рубль—для работника и 50 коп.—для работницы. При этомъ само постановленіе было объявлено въ праздничный день на ярмаркѣ окрестнымъ крестьянамъ для «обязательнаго исполненія» [1]).

По поводу этихъ приговоровъ подольскій губернаторъ нашелъ необходимымъ издать воззваніе къ населенію. «Симъ объявляю крестьянамъ, писалъ онъ: что всякому трудящемуся вольно назначать ту плату за свой трудъ, которая по его мнѣнію достаточна, и никто не можетъ запретить другому работать

[1]) См. «Русскія Вѣдомости» № 86.

за условленную имъ плату...; но если вы будете дѣлать самоуправства, то законъ васъ покараетъ за это» [1]).

Болѣе рѣшительно относительно стачечнаго движенія поступили губернаторы петроковскій и люблинскій. На основаніи положенія объ усиленной охранѣ они издали обязательныя постановленія, въ которыхъ говорилось, что «виновные въ нападеніи на помѣщичьи усадьбы, въ захватѣ земель помѣщиковъ, въ предъявленіи помѣщикамъ разныхъ, сопровождаемыхъ насиліями и угрозами, требованій, въ сопротивленіи только чинамъ администраціи, войскамъ или полиціи, будутъ предаваемы военному суду для сужденія по законамъ военнаго времени».

Точно также и генералъ-губернаторомъ Юго-западнаго края было издано объявленіе о томъ, что «виновные въ насиліяхъ надъ личностью и имуществомъ будутъ предаваться военному суду» [2]).

Угроза военнымъ судомъ со стороны генералъ-губернатора Юго-западнаго края была вызвана широкимъ стачечнымъ движеніемъ, охватившимъ губерніи: Подольскую, Кіевскую и отчасти Волынскую. О движеніи въ Подольской губ. я говорилъ уже выше и мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по поводу движенія въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ.

Въ Кіевской губ. стачечное движеніе имѣло мѣсто въ 9 уѣздахъ (главнымъ образомъ въ маѣ) и протекало вездѣ довольно однообразно. Буйствъ никакихъ не производилось; удаливъ съ поля рабочихъ, толпа забастовщиковъ направлялась обратно въ село, неся обыкновенно красные флаги и съ революціонными пѣснями.

Въ Волынской губ. движеніе было гораздо слабѣе и происходило преимущественно въ Житомірскомъ у.

Подобно Прибалтійскому краю, въ Юго-западномъ краѣ въ это время пустила довольно глубокіе корни *пропаганда соціалъ-демократической* (украйнской) *партіи*. Ея вліяніемъ въ значительной степени и объясняется выдержанность и организованность движенія.

---

[1]) См. тамъ же, № 98.

[2]) С. Н. Прокоповичъ. Аграрный вопросъ и аграрное движеніе. Стр. 13.

Начавшись съ февраля 1905 г., крестьянскія волненія, какъ мы видѣли, шли не прекращаясь вплоть до августа. Порой усиливаясь, порой ослабѣвая, они захватывали все большій и большій районъ, подготовляя почву для стихійнаго взрыва, послѣдовавшаго послѣ 2-хъ-мѣсячнаго затишья въ октябрѣ. На этомъ періодѣ движенія намъ придется остановиться дальше подробно, а пока мы должны выяснить всѣ тѣ измѣненія, которыя произошли въ настроеніи деревни въ первую половину 1905 г., и разобраться вмѣстѣ съ тѣмъ въ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ совершались эти измѣненія.

ГЛАВА IV.

Выше мнѣ пришлось уже отмѣтить тотъ фактъ, что масса крестьянскаго неселенія осталась совершенно въ сторонѣ отъ либеральной агитаціи въ періодъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (1902—1903 г.г.) и въ періодъ либеральной «весны» (осенью 1904 г.).

Либеральная буржуазія не считалась въ то время съ крестьянствомъ, какъ съ активной политической силой. Даже больше того: она не желала содѣйствовать пробужденію населенія къ политической самодѣятельности.

Мы видѣли, какъ три года тому назадъ либеральные землевладѣльцы, въ родѣ кн. П. Д. Долгорукова, опасливо смотрѣли на массу. По мѣрѣ развитія событій имъ пришлось, однако, обратить свое вниманіе и въ эту сторону, такъ какъ становилось все очевиднѣе, что безъ поддержки массъ не можетъ быть устойчивой «весны». Кромѣ того въ началѣ 1905 г. эти массы рѣшительно выступили на арену политической борьбы и сразу же заставили съ собой считаться, какъ правительство, такъ и либеральную оппозицію. Мы видимъ поэтому, какъ съ начала 1905 г. и правительство и либералы (въ лицѣ, главнымъ образомъ, земствъ) мало по малу втягиваются въ агитацію, стремятся подчинить своему вліянію крестьянскія массы.

Земства вступали на этотъ путь крайне медленно и нерѣшительно. До іюня 1905 г. лишь немногія изъ нихъ предприняли мѣры для воздѣйствія на массы. Такъ, напр., *Саратовская* губ. управа въ мартѣ этого года разослала во всѣ волостныя правленія разъясненіе по поводу начавшейся агитаціи

«темныхъ силъ» въ деревнѣ, настраивающей населеніе противъ интеллигенціи вообще и въ частности противъ земскихъ работниковъ, главнымъ образомъ учителей [1]).

Подобныя же воззванія были разосланы тогда и нѣкоторыми другими земствами, но дальше такой скромной попытки вступить въ общеніе съ массой дѣло пока не пошло [2]).

Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ только лѣтомъ 1905 года. Поводомъ на этотъ разъ послужилъ извѣстный пріемъ государемъ депутаціи земскихъ и городскихъ дѣятелей.

Земскія собранія съ большимъ рвеніемъ ухватились за постановленіе общеземскаго съѣзда распространить въ населеніи свѣдѣнія о депутаціи 6 іюня, рѣчи кн. С. Н. Трубецкого и Государя,—и мы видимъ, какъ въ теченіе іюня-іюля цѣлый рядъ земствъ дѣлаетъ соотвѣтственныя постановленія.

Однимъ изъ первыхъ вступило на этотъ путь *Самарское* губ. земство, которое, по предложенію гласнаго Шишкова, поручило особой комиссіи обсудить способы и средства ознакомить крестьянское населеніе «съ послѣдними законодательными актами правительства, указывающими на необходимость созыва народныхъ представителей, каковы: рескриптъ 18 февраля, рѣчь государя земской депутаціи и рѣчь кн. Трубецкого», а также «способы выясненія народу правильныхъ понятій о народномъ представительствѣ».

Либеральная печать привѣтствовала этотъ первый шагъ къ «сближенію». «Сближеніе начинается, писала, напр., «Наша Жизнь»: земство идетъ навстрѣчу народу, оно готово объединиться (!) съ крестьянской массой, готово прійти ей на помощь пока хотя бы путемъ ознакомленія крестьянъ съ тѣмъ, какія реформы въ близкомъ будущемъ предстоятъ въ общемъ строѣ нашей государственной жизни». Но, по мнѣнію «Нашей Жизни», такихъ мѣръ далеко не достаточно: «крайне важно, чтобы земскіе дѣятели сблизились лицомъ къ лицу съ населеніемъ, на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, на совѣщаніяхъ экономическихъ совѣтовъ, при земскихъ управахъ и проч., но не слу-

---

[1]) См. «Русскія Вѣдомости», 1905 г. №№ 76 и 91.

[2]) Напр., Саратовское у. земство постановило еще въ январѣ 1905 г. пригласить двухъ лекторовъ для чтенія популярныхъ лекцій «по вопросамъ общегосударственнаго значенія», но постановленіе это было губернаторомъ опротестовано. См. «Рус. Вѣд.», № 22.

чайно, а при извѣстныхъ условіяхъ, по тщательно обдуманному плану» [1]).

Мы увидимъ далѣе, что земства впослѣдствіи отчасти восприняли этотъ совѣтъ и попытались «сблизиться» съ населеніемъ въ экономическихъ и др. совѣтахъ при управахъ,—а пока остановимся нѣсколько на первой стадіи этого «сближенія»,—на разсылкѣ по деревнямъ оттисковъ рѣчей государя и кн. Трубецкого и на «собесѣдованіяхъ» съ крестьянами по поводу этихъ документовъ.

По постановленію земскаго собранія, *Ярославская* губ. управа отпечатала 10.000 экземпляровъ брошюры: «Царское слово къ земскимъ и городскимъ дѣятелямъ» и разослало ихъ по волостнымъ правленіямъ для безплатной раздачи населенію. Но благодаря бдительности начальства эти брошюры были отобраны у крестьянъ и возвращены, по распоряженію губернатора Роговича, въ управу [2]).

Такая же участь постигла «Царское слово» и въ *Ложвицкомъ* у. Нѣкоторымъ земствамъ не удавалось даже обсудить вопросъ о разсылкѣ населенію высочайшихъ указовъ и рѣчей, вслѣдствіе снятія этихъ вопросовъ съ очереди (въ Казанскомъ, Калужскомъ губ. собраніяхъ и въ др.).

Немного лучше обстояло дѣло съ земской агитаціонной литературой въ другомъ мѣстѣ. Такъ, напр., въ отвѣтъ на постановленіе *Херсонскаго* губ. собранія о распространеніи въ населеніи указа 16 февраля и рескрипта на имя Булыгина, губернаторъ увѣдомилъ управу, что одновременно съ ея воззваніями управа должна разослать населенію и копію циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 апрѣля, «какъ послѣдовавшаго въ разъясненіе порядка примѣненія Именного Высочайшаго указа 18 февраля» [3]). Въ противномъ случаѣ, по мнѣнію губернатора, «на практикѣ при примѣненіи означеннаго

---

[1]) См. «Наша Жизнь», № 138.

[2]) Отбирая агитаціонную литературу земства, Роговичъ самъ занялся агитаціей и издалъ между прочимъ «обращеніе» къ населенію по поводу рескрипта 18 февраля. «Обращеніе» это заканчивалось слѣдующими словами: «Если будутъ доходить до васъ рѣчь о томъ, что нужно будто бы ограниченіе царской власти, скажите себѣ твердо: этого нельзя, это не должно быть и этого не будетъ,—Россія, крѣпкая вѣрноподанностью народа своему прирожденному, самодержавному царю, выйдетъ съ божьей помощью сильной изъ трудныхъ испытаній». «Право» 1905 г. № 29.

[3]) «Право», № 27

указа малограмотнымъ населеніемъ легко встрѣтятся недоразумѣнія, въ виду недостаточнаго уясненія точнаго смысла, что въ свою очередь можетъ вызвать весьма нежелательныя послѣдствія». На этомъ губернаторъ однако не успокоился и черезъ нѣкоторое время рѣшилъ не допускать этой двойной агитаціи, предписавъ управѣ («къ неукоснительному исполненію»), «безъ разрѣшенія губернской администраціи не допускать распространенія печатныхъ изданій и трудовъ», а также «фактически осуществить надзоръ за служащими въ земствѣ лицами» [1]).

Постановленія о разсылкѣ по деревнямъ высочайшихъ актовъ о созывѣ народныхъ представителей были сдѣланы и нѣкоторыми другими земствами, напр., *Новгородскимъ* губ., *Балашовскимъ* и др.; при этомъ Балашовское поручило, кромѣ того, управѣ «при помощи уѣздныхъ гласныхъ и др. лицъ, которыхъ она найдетъ нужнымъ привлечь, разъяснить крестьянскому населенію на сходахъ смыслъ и значеніе Высочайшаго указа 18 февраля сего года и отвѣта рѣчи Государя Императора представителямъ земствъ и городовъ 6 іюня сего года», а также «передать на заключеніе волостныхъ сходовъ выработанный управой проэктъ раздѣленія уѣзда на два избирательныхъ округа—балашовскій и турковскій». Управѣ однако не удалось осуществить двухъ послѣднихъ постановленій вслѣдствіе предписанія губернатора земскимъ начальникамъ не допускать «во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій никакихъ разъясненій постороннихъ лицъ крестьянамъ на сходахъ» [2]). Управѣ пришлось поэтому ограничиться лишь разсылкой указанныхъ выше матеріаловъ крестьянамъ и расклейкой агитаціонной литературы у лавокъ, на базарахъ и прочее.

Наиболѣе широко была организована кампанія съ распространеніемъ въ населеніи свѣдѣній о земской депутаціи 6 іюня *Рузскимъ* земствомъ, которое поручило предсѣдателю собранія кн. П. Д. Долгорукову созвать волостные сходы и лично сообщить крестьянамъ объ этой депутаціи и произнесенныхъ ею рѣчахъ. Кн. Долгоруковъ дѣятельно принялся за исполненіе порученія и въ короткое время объѣздилъ весь уѣздъ, созывая волостные сходы.

---

[1]) «Право», № 31.
[2]) «Право», № 29.

Въ общемъ нужно признать, что, вступая на путь агитаціи, земскія собранія не проявили особенной энергіи: лишь сравнительно немногія изъ нихъ сдѣлали постановленія о распространіи «прокламаціи» касательно депутаціи 6 іюня; еще меньшее число ихъ, преодолѣвъ преграды администраціи, осуществили свои постановленія.

Болѣе успѣшной была дальнѣйшая кампанія земствъ по пути «сближенія» съ населеніемъ (экономическіе совѣты съ участіемъ крестьянъ и т. д.), но къ дѣйствительному сближенію она также не привела, а лишь наглядно обнаружила пропасть, существующую между массой населенія и либеральными землевладѣльцами.

На путь общенія съ населеніемъ въ экономическихъ и т. п. «совѣтахъ» земства вступили вскорѣ же послѣ своихъ попытокъ разсылки по деревнямъ агитаціонной литературы,— лѣтомъ 1905 г. По этому поводу либеральная пресса разразилась потокомъ диффирамбовъ и привѣтствовала новый шагъ земства къ единенію съ народомъ».

«Земство вступаетъ на путь тѣснаго соединенія съ народомъ, писала «Наша Жизнь» въ передовой статьѣ 14 іюля: лучшіе земскіе люди признали, что ихъ горячія стремленія къ обновленію страны, къ прочному успѣху дѣла, переустройства государства на новыхъ началахъ и къ спокойной, мирной творческой работѣ правильнаго устроенія народной жизни безъ единенія съ народомъ, безъ опоры на народъ—будутъ тщетны. Это признаніе имѣетъ глубокій смыслъ, огромное значеніе и несомнѣнно должно повлечь за собой важныя послѣдствія».

Но предвидя, что врядъ ли это «сближеніе» осуществится легко, меланхолично добавляла: «земство и земскіе люди стояли надъ деревней, опекали ее, хотя бы и доброжелательной опекой, а не работали для нея вмѣстѣ съ ней», и это «несомнѣнно является огромнымъ препятствіемъ къ осуществленію единенія земскихъ людей съ народомъ». Чтобы преодолѣть подозрительное недовѣрчивое отношеніе къ себѣ—, «земство должно предоставить широкую возможность общенія населенія съ земскими дѣятелями черезъ посредство своихъ учрежденій, широко открывъ ихъ двери. Но важнѣе всего и необходимѣе всего со стороны земскихъ людей искренность и смѣлость. Безъ этихъ условій трудно будетъ побѣдить сложившееся у народа предубѣжденіе противъ «господъ». Но при широкомъ и свободномъ общеніи земства съ народомъ, народъ въ концѣ

концовъ скоро разберетъ дѣйствительныхъ представителей его интересовъ и реальныя условія возможнаго ихъ осуществленія» [1]).

«Искренность и смѣлость»—вотъ что должны были проявить земскіе люди, чтобы народъ увидѣлъ въ нихъ «дѣйствительныхъ представителей его интересовъ», такъ полагала чуждая классового «докринерства» «Наша Жизнь». Смѣшно было бы разоблачать теперь поверхностность и ошибочность этой точки зрѣнія: жизнь, лучше всѣхъ словъ, показала уже, что не «въ искренности и смѣлости» было дѣло, а въ чемъ-то другомъ. Наоборотъ, чѣмъ болѣе либеральные землевладѣльцы обнаружили «искренности», тѣмъ болѣе замѣчалась отчужденность ихъ отъ народа, такъ что «широко раскрытыя двери» повели, какъ и слѣдовало ожидать, лишь къ разоблаченію классовыхъ интересовъ либерализма и къ самостоятельной организаціи массъ.

Въ этомъ отношеніи экономическіе и т. п. совѣты сыграли несомнѣнно видную роль, которую обыкновенно недостаточно оцѣниваютъ.

Интересно отмѣтить, что именно въ этого рода агитаціи принялъ активное участіе «третій элементъ», тогда какъ въ распространеніи высочайшихъ указовъ и т. п. литературы эта демократически настроенная интеллигенція дѣятельнаго участія не проявила.

Выше я говорилъ о томъ, что созывъ различныхъ «совѣтовъ» при уѣздныхъ управахъ, съ участіемъ крестьянскихъ выборныхъ, началъ практиковаться уже съ лѣта 1905 г. Подобныя совѣщанія были образованы въ цѣломъ рядѣ земствъ. Такъ, напр., *Павлоградское* собраніе увеличило число членовъ отъ крестьянъ въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ съ 4 до 50.

Въ земствахъ: Владимірской, Московской, Орловской, Рязанской, Таврической, Тверской и др. губерній были также расширены «экономическіе» и «сельскохозяйственные» совѣты приглашеніемъ большаго или меньшаго количества крестьянъ.

Главная цѣль, которую преслѣдовали при этомъ земскіе дѣятели, состояла въ «умиротвореніи» и «успокоеніи» населенія. Наприм., *Старобѣльское* собраніе постановило, «въ виду начавшихся въ уѣздахъ Харьковской губерніи аграрныхъ волненій», пригласить въ помощь управѣ представителей отъ крестьянъ и

[1]) «Наша Жизнь» № 158.

«открыть съ ними бесѣды по поводу совершающихся событій, выяснивъ, въ какой степени безпорядки въ деревняхъ дурно отражаются на экономическомъ благосостояніи населенія, кѣмъ эти безпорядки организуются, къ чему ведутъ и проч.» [1]).

При *Симферопольскомъ* сел.-хоз. совѣтѣ уѣзднаго земства была даже учреждена третейская комиссія съ правомъ рѣшенія въ окончательной формѣ аграрныхъ споровъ. Въ эту комиссію должны были войти 7 помѣщиковъ и 7 крестьянъ [2]).

Стремясь «успокоить» населеніе, нѣкоторыя земства полагали не ограничиться экономическими совѣтами съ участіемъ крестьянъ, а шли гораздо дальше. Такъ, напр. *Саратовское* губ. собраніе 17 іюля 1905 г. постановило признать, что «для ослабленія дальнѣйшаго развитія классовой вражды, грозящей перейти въ гражданскую войну», желательно: «во-первыхъ, устройство совѣщаній земскихъ дѣятелей съ крестьянами по вопросамъ политической и соціальной реформъ; во-вторыхъ, признать желательной организацію крестьянскихъ союзовъ, на подобіе тѣхъ, какіе организуются теперь въ Московской, Курской губ. и Петровскомъ у. Саратовской губ.» [3]).

Начиная съ августа, засѣданія «совѣтовъ» при управахъ съ участіемъ крестьянъ значительно участились. Подобныя засѣданія происходили, напр., въ земствахъ: ковровскомъ, рязанскомъ у., александровскомъ, петровскомъ, елисаветградскомъ и др.

Какъ проходили первое время эти засѣданія, показываетъ между прочимъ описаніе въ «Правѣ» порайоннаго засѣданія экономическаго совѣта въ с. Вознесенье *Владимірской* губ. [4]). На этомъ порайонномъ засѣданіи совѣта присутствовало около 200 крестьянъ, которымъ, послѣ соотвѣтствующихъ бесѣдъ, были розданы листки съ актами 12 декабря 1904 г., 18 февраля 1905 г., рѣчью кн. Трубецкого и отвѣтнымъ словомъ государя, а также оттиски статей статистика А. В. Смирнова о дѣятельности земства изъ «Вѣстника Владимірскаго Земства» [5]).

Въ *Городнянскомъ* экономическомъ совѣтѣ 1-го и 7-го августа, происходившемъ при участіи 60 крестьянъ, шли бе-

---

[1]) «Право», № 52.
[2]) Тамъ же, № 42.
[3]) Тамъ же, № 30.
[4]) Надо замѣтить, что во Владимірской губ. земскіе дѣятели проявили особенное стараніе къ «сближенію» съ населеніемъ черезъ посредство «третьяго элемента».
[5]) «Право», № 30.

сѣды на политическія темы въ духѣ резолюцій земскихъ съѣздовъ. Въ заключеніе крестьянамъ была роздана брошюра С. Г. Сватикова: «Созывъ народныхъ представителей» [1]).

Подъ либеральнымъ флагомъ прошли также совѣщанія въ *Коломенскомъ* (22-го іюля) и *Новоторжскомъ* (25-го іюля) земствахъ [1]).

На экономическомъ совѣтѣ при Коломенской управѣ, при участіи 61 крестьянина, была принята слѣдующая резолюція: «поправить экономическое положеніе главной массы населенія— крестьянства могло бы только рѣшительное преобразованіе налоговой системы на основѣ прогрессивно-подоходнаго налога[1] при широкомъ распространеніи въ крестьянствѣ образованія, дополнительномъ надѣленіи землей на счетъ государства, полной отмѣнѣ выкупныхъ платежей, немедленномъ уничтоженіи института земскихъ начальниковъ и полномъ освобожденіи отъ административной опеки». Далѣе въ резолюціи идетъ рѣчь о народномъ представительствѣ на основѣ всеобщаго избирательнаго права и о политическихъ свободахъ.

Постановленіе совѣщанія при *Новоторжской* управѣ сводилось къ требованію прекращенія войны, «вызванной при лѣсныхъ концессіяхъ на Ялу алчностью и авантюрой нѣсколькихъ лицъ», къ устраненію института земскихъ начальниковъ, «какъ тормаза общественной жизни», «уравненію всего народа въ правахъ», введенію прогрессивно-подоходнаго налога, «увеличенію земельнаго надѣла», амнистіи за политическія и религіозныя преступленія и т. д.

Новоторжская управа не ограничилась созывомъ этого совѣщанія, но сдѣлала еще попытку расширить предѣлы своей агитаціи и вступить «въ общеніе» со всей массой населенія, а не съ нѣсколькими десятками крестьянъ. Съ этой цѣлью она издала циркуляръ, который гласилъ между прочимъ слѣдующее: «Неустраненное до сего времени общественное бѣдствіе — нужда крестьянъ въ землѣ—повлекло за собой... другое общественное бѣдствіе: столкновенія между сельскими обществами, съ одной стороны, и частными землевладѣльцами,— съ другой,—столкновенія, роковыя для обѣихъ сторонъ». Желая «выяснить», въ чемъ именно заключается «земельное неустройство крестьянъ Новоторжскаго уѣзда» и «содѣйствовать предупрежденію возможныхъ и въ Новоторжскомъ у. земельныхъ безпорядковъ»,

---

[1]) «Право», № 31.

управа предлагала сельскимъ обществамъ и частнымъ землевладѣльцамъ доставлять ей свои мнѣнія по этому вопросу, а также практическія указанія и свѣдѣнія [1]).

Обезпокоилось крестьянскими волненіями также и дворянство *Донской области*, и по иниціативѣ предводителя Таганрогскаго округа было созвано совѣщаніе дворянъ и крестьянъ, на которомъ было постановлено требовать немедленнаго созыва народныхъ представителей, расширенія дѣятельности Крестьянскаго банка, безотлагательнаго введенія земства на Дону и подчиненія администраціи министру внутреннихъ дѣлъ, а не военному [2]).

28-го іюля при *Духовщинской* управѣ состоялось засѣданіе врачебнаго совѣта, комиссіи по народному образованію съ участіемъ учителей земскихъ школъ и сельскохозяйственнаго совѣта. По окончаніи обсужденія названными комиссіями очередныхъ вопросовъ, состоялось соединенное засѣданіе этихъ комиссій въ составѣ около 300 лицъ, въ числѣ которыхъ было около 60 крестьянъ. Предсѣдатель этого собранія, предводитель дворянства В. П. Энгельгардтъ, прочелъ и объяснилъ актъ 18 февраля, разсказалъ далѣе о земскихъ съѣздахъ и ихъ резолюціяхъ. Въ заключеніе присутствующимъ были розданы брошюры съ актами 12 декабря 1904 г., 18 февраля и т. д.

Періодомъ наибольшаго расцвѣта земскихъ «экономическихъ», «сельскохозяйственныхъ» и т. п. совѣтовъ были августъ и сентябрь 1905 г.

Тѣ земства, которыя не успѣли почему-нибудь примкнуть къ этому движенію раньше, спѣшили еще въ концѣ сентября, во время очередныхъ собраній, сдѣлать постановленія объ образованіи различныхъ комиссій съ участіемъ крестьянъ и привлечь вообще крестьянъ къ земской работѣ. Такъ, напр., *Макарьевское* земство допустило къ обсужденію на собраніи вопроса о государственной думѣ членовъ экономическаго совѣта изъ крестьянъ, а также послало телеграмму съ ходатайствомъ о разрѣшеніи крестьянамъ предвыборныхъ собраній.

Старобѣльское земское собраніе постановило отправить двухъ делегатовъ крестьянъ на крестьянскій съѣздъ въ Москву. *Свіяжское* собраніе, по предложенію гласнаго профессора Васильева, рѣшило разослать по волостямъ манифестъ 6 августа

---

[1]) «Право», № 32.
[2]) «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства», № 25.

и списки избирателей, чтобы дать возможность выборщикамъ столковаться. Это же земство постановило назначить передъ выборами въ Государственную Думу засѣданія экономическаго совѣта. *Нижегородское* у. земство рекомендовало гласнымъ, учителямъ и врачамъ устраивать бесѣды съ крестьянами о выборахъ въ Думу и ассигновало средства на распространеніе въ деревнѣ литературы по политическимъ вопросамъ. *Мологское* собраніе устроило совѣщаніе изъ редакціонной комиссіи и экономическаго совѣта, усиленнаго «свѣдующими людьми». Въ числѣ послѣднихъ были приглашены между прочимъ и крестьяне, всего въ количествѣ 66 человѣкъ. На этомъ совѣщаніи обсуждались слѣдующе вопросы: 1) о сложеніи выкупныхъ платежей, 2) объ устраненіи чрезполосицы, 3) объ условіяхъ эксплуатаціи казенныхъ земель и 4) о крестьянскомъ малоземельѣ.

Сообщая объ этомъ совѣщаніи, корреспондентъ «Нашей Жизни» писалъ, что «въ обсужденіи вопросовъ принимали горячее участіе крестьяне».

Переяславское земство постановило созвать «для успокоенія населенія экономическій совѣтъ, пригласивъ въ него по одному представителю отъ каждаго сельскаго общества, а также землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 20 десятинъ. На этомъ совѣщаніи присутствовало около 300 человѣкъ, въ томъ числѣ болѣе 200 представителей отъ сельскихъ обществъ.

Малмыжское собраніе ассигновало 500 руб. на раздачу населенію книгъ по политическимъ вопросамъ. На этотъ же предметъ ассигновали небольшія суммы и земства: *Малоархангельское* и *Никольское*.

Чрезвычайно интереснымъ является также вынужденное постановленіе *Юрьевскаго* земства (Владимірской губ.) объ избраніи особой комиссіи съ участіемъ крестьянъ для производства общей переоцѣнки земель. Для поясненія этого постановленія необходимо сказать нѣсколько словъ.

Еще въ началѣ 1905 г. во многихъ сельскихъ обществахъ Юрьевскаго у. началось движеніе противъ неуравнительности земскихъ сборовъ. Неуравнительность эта доходила до самыхъ несообразныхъ размѣровъ. Напр., въ то время, какъ помѣщичьи земли были обложены по $2^2/_5$—$7^1/_2$ коп. съ десятины, — гораздо худшія земли сельскихъ обществъ несли налога 45—47 коп. Вопросъ объ уравненіи платежей не разъ поднимался на земскомъ собраніи, но никогда не получалъ движенія благо-

даря нежеланію крупныхъ землевладѣльцевъ поступиться своимъ привеллегированнымъ положеніемъ[1]).

Вслѣдствіе всего этого недовольство въ населеніи все росло и росло и, наконецъ, лѣтомъ 1905 г. вылилось въ видѣ массовыхъ приговоровъ. Всего за лѣто поступило въ управу около 100 такихъ приговоровъ. Содержаніе всѣхъ ихъ почти тождественно. Крестьяне требовали: 1) немедленнаго созыва экстреннаго земскаго собранія для обсужденія вопроса объ уравненіи обложенія; причемъ на это собраніе должны быть приглашены крестьяне, по одному отъ каждой волости, изъ числа не занимающихъ какія-либо должности по волостному правленію; 2) крестьяне настаивали на ходатайствѣ передъ правительствомъ о томъ, чтобы число гласныхъ отъ крестьянъ въ земскомъ собраніи было увеличено и чтобы эти гласные выбирались «безъ принужденія начальства»; 3) они просили управу продолжать высылку земскихъ смѣтъ во всѣ сельскія общества, чтобы онѣ «могли знать, какъ говорилось въ приговорахъ, на что наша крестьянская трудовая копейка собирается и на что расходуется».

Къ осени въ управу снова стали поступать приговоры, въ которыхъ крестьяне требовали: 1) пересмотра смѣты, съ цѣлью сокращенія ненужныхъ расходовъ; 2) высылки каждому сельскому обществу всѣхъ печатныхъ докладовъ управы и журналовъ земскаго собранія. Кромѣ того крестьяне дѣлали постановленія о посылкѣ отъ каждаго сельскаго общества уполномоченныхъ въ земское собраніе, чтобы эти уполномоченные передавали имъ о всемъ слышанномъ тамъ.

Въ результатѣ настойчивыхъ требованій крестьянъ, юрьевское земство рѣшило наконецъ произвести переоцѣнку земель и назначило съ этой цѣлью ту комиссію, о которой я упомянулъ выше.

Итакъ, приблизительно четыре мѣсяца продолжалось «общеніе» земскихъ дѣятелей съ крестьянской массой. Начавъ въ іюнѣ съ разсылки по волостямъ высочайшихъ указовъ, рѣчей кн. Трубецкаго и т. д., земскія собранія перешли затѣмъ мало по малу къ другимъ формамъ «общенія». Многія изъ нихъ организовали «экономическіе», «сельскохозяйственные» и т. п. совѣты съ участіемъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ. Въ этихъ

[1]) См. «Наша Жизнь», № 124 и «Русская Мысль», 1905 г., кн. 5.

совѣтахъ обсуждались злободневные вопросы, и первое время земскимъ дѣятелямъ удавалось тутъ подчинить своему идейному вліянію крестьянъ, но съ теченіемъ времени почва все болѣе и болѣе ускользала изъ подъ ногъ либеральной буржуазіи; крестьяне въ этихъ совѣтахъ обособлялись и занимали въ отношеніи классового земства враждебное положеніе.

Не ограничиваясь организаціей «совѣтовъ» при участіи крестьянъ, немногія земства пытались вступить въ непосредственное «общеніе» съ массой населенія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ.

Теченіе въ сторону общенія продолжалось однако недолго; всего, какъ я сказалъ, мѣсяца четыре. Заключительнымъ аккордомъ его явились земскія собранія осенней 1905 г. сессіи. Разразившіяся вслѣдъ за этими собраніями (въ октябрѣ) аграрныя волненія сразу измѣнили всю картину. Теперь не могло уже быть и рѣчи объ «общеніи»; антагонизмъ классовыхъ интересовъ сталъ во весь ростъ, побудивъ земскихъ дѣятелей отложить въ сторону ихъ либерализмъ.

Начиная съ этого времени, земскія собранія уже не рекомендуютъ «третьему элементу» вступать въ общеніе съ населеніемъ; а наоборотъ предпринимаютъ борьбу противъ этого элемента за его попытки вступать въ общеніе съ крестьянами. Такъ, напр., *Петергофская* управа циркуляромъ 16 ноября запретила своимъ служащимъ принимать участіе въ митингахъ, обвиняя ихъ въ призывѣ населенія къ насилію. Рѣзкій отзывъ нѣкоторыхъ служащихъ по поводу такого образа дѣйствій повелъ къ увольненію двухъ врачей и нѣсколькихъ учителей. *Валковская* управа предложила (23 декабря) волостнымъ правленіямъ не дозволять учителямъ собирать въ земскія школы крестьянъ «для выслушиванія рѣчей, брошюръ и статей, вносящихъ въ народъ возбужденіе». Классическое постановленіе было сдѣлано (6 февраля 1906 г.) *Елисаветградскимъ* земствомъ. «Не навязывая политическихъ убѣжденій земскимъ служащимъ, собраніе признало однако, какъ говорится въ постановленіи: несовмѣстимымъ съ земской службой проведеніе въ среду населенія пропаганды, призывающей къ насиліямъ, разоряющей край и подрывающей земское дѣло».

Особенно обильна репрессіями въ отношеніи «третьяго элемента», была, зимняя сессія губернскихъ собраній. Въ нѣкоторыхъ земствахъ было уволено за «неблагонадежность» по нѣсколько

десятковъ служащихъ (въ Ярославскомъ, напр., 45 человѣкъ. Много также въ Симбирскомъ, Курскомъ и др. земствахъ).

Послѣ октябрьскихъ дней, какъ я сказалъ выше, отношенія земскихъ дѣятелей и населенія значительно обострились, и объ «единеніи», за нѣкоторыми случаями, не поднималось даже и рѣчи. Правда, повсюду при управахъ учреждались комиссіи съ участіемъ крестьянъ, но цѣлью этихъ комиссій было оказать крестьянамъ посредничество въ покупкѣ земли у помѣщиковъ, согласно манифесту 3 ноября 1905 г. и согласно циркуляру 16 ноября того же года [1]).

Избраніе этихъ комиссій, долженствовавшихъ якобы разрѣшить аграрный вопросъ и успокоить населеніе, было реакціоннымъ шагомъ со стороны земскихъ собраній и, за единичными исключеніями [2]), этотъ шагъ былъ сдѣланъ ими съ легкимъ сердцемъ.

Въ большинствѣ случаевъ названныя «посредническія комиссіи» не приступили еще даже къ работѣ, какъ на смѣну имъ были выдвинуты новыя, «землеустроительныя», комиссіи по закону 4 марта 1906 г. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, эти посредническія комиссіи успѣли сыграть агитаціонную роль. Такъ, напр., въ *Одесскомъ* у., когда крестьяне собрались на сельскіе сходы для избранія уполномоченныхъ, они были разогнаны полиціей, а нѣкоторые даже арестованы за созывъ сходовъ «безъ разрѣшенія земскихъ начальниковъ». Въ другихъ случаяхъ предложеніе земскаго собранія образовать посредническую комиссію встрѣчало рѣзкій отпоръ со стороны крестьянъ. Напр., крестьяне *Симферопольскаго* у., съѣхавшись при управѣ въ количествѣ 500 человѣкъ для выбора уполномоченныхъ, единогласно отказались отъ избранія изъ своей среды членовъ въ какія бы то ни было комиссіи, заявивъ, что отказываются соосѣмъ покупать землю впредь до рѣшенія земельнаго вопроса Государственной Думой. Вмѣстѣ съ тѣмъ они потребовали заключенія съ помѣщиками договоровъ для нормированія условій аренды. Въ *Гродненскомъ* зем-

---

[1]) Такія комиссіи были образованы слѣдующими земствами: Ардатовскимъ, Верхнеднѣпровскимъ, Вяземскимъ, Новгородъ-Сѣверскимъ, Одесскимъ, Опочецкимъ, Орловскимъ, Рязанскимъ, Симбирскимъ, Стародубскимъ, Сызранскимъ, Сычевскимъ, Устюженскимъ, Юрьевскимъ и др.

[2]) Напр., Пирятинское и Городнянское земства отказались избрать посредническую комиссію.

ствѣ были образованы предварительныя совѣщанія для рѣшенія вопроса, выбирать или не выбирать членовъ въ посредническую комиссію. На этомъ совѣщаніи, кромѣ гласныхъ, присутствовали также уполномоченные всѣхъ волостей уѣзда. По настоянію этихъ уполномоченныхъ было отклонено предложеніе управы объ образованіи посреднической комиссіи. Въ заявленіи, прочитанномъ крестьянскими уполномоченными на совѣщаніи, говорилось между прочимъ слѣдующее: «Долго мы терпѣли, дотерпимъ какъ-нибудь до Думы. Дума дастъ крестьянамъ даровые или дешевые надѣлы и справедливо разрѣшитъ аграрный вопросъ. Земству надо теперь отказаться отъ выбора комиссіи для содѣйствія Крестьянскому Банку; если же такая комиссія будетъ избрана, крестьяне въ нее не пойдутъ. Надо скорѣе созвать Государственную Думу, на нее крестьяне возлагаютъ всѣ свои надежды».

Подобное же отрицательное отношеніе къ посреднической комиссіи крестьяне проявили на совѣщаніи при *Опочецкой* управѣ (11 января 1906 г.). «Не нужно никакихъ комиссій, заявили они: ни къ чему». «Собраніе было законечно, какъ сообщастъ корреспондентъ «Нашей Жизни», при безпорядочномъ шумѣ. Крестьяне ушли съ собранія въ полномъ убѣжденіи безполезности комиссіи» [1]).

Попытки «общенія» съ населеніемъ послѣ октябрьскихъ дней были весьма немногочисленны, какъ я сказалъ, и по большей части не достигали хотя сколько-нибудь своей цѣли, не вносили «успокоенія», а еще болѣе раздвигали пропасть между земскими дѣятелями и крестьянскимъ населеніемъ. Интереснымъ представляется въ этомъ отношеніо инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ *Николаевскомъ* земствѣ (Самарской губ.) въ началѣ января 1906 г. На засѣданія земскаго собранія здѣсь были приглашены «волостные попечители» (отъ каждаго села по три человѣка), избранные по постановленію собранія въ сентябрѣ 1905 г. на помощь управѣ по вопросамъ: о поддержаніи рабочаго скота и общественныхъ работахъ для пострадавшаго отъ неурожая населенія. Всего явилось до 500 крестьянъ, изъ которыхъ было выбрано, по предложенію предсѣдателя собранія, 50 представителей для участія въ земскомъ собраніи съ правомъ совѣщательнаго голоса. Первые два дня засѣданія собранія отличались необыкновеннымъ оживленіемъ,

[1]) См. № 351.

крестьяне проявили большое участіе въ преніяхъ и въ концѣ второго засѣданія внесли проектъ резолюціи, въ которомъ говорилось, между прочимъ, объ упраздненіи стражниковъ, о снятіи чрезвычайныхъ охранъ, о передачѣ всей земли, какъ «дара Божьяго», народу, о мелкой земской единицѣ, о реорганизаціи существующаго земства и т. д. Обсуждать проектъ, однако, не пришлось, такъ какъ по распоряженію предсѣдателя, эти многолюдныя совѣщанія были пріостановлены вслѣдствіе «невозможности заниматься въ присутствіи слишкомъ большого числа представителей отъ населенія». Въ довершеніе всего, прибывшіе на собраніе «волостные попечители» стали выпроваживаться изъ города полиціей, и такимъ образомъ «агитація» получилась полная.

Крестьянскіе уполномоченные присутствовали и на *Вологодскомъ* у. собраніи (въ концѣ декабря 1905 г.). Собраніе это было созвано по поводу сокращенія смѣты [и отказа крестьянъ платить высокій земскій сборъ. Крестьянскіе уполномоченные присутствовали на немъ въ качествѣ постороннихъ слушателей, но, несмотря на это, съ ними пришлось серьезно считаться. То и дѣло, пишетъ корреспондентъ «Нашей Жизни», раздавались возгласы этихъ «слушателей»: «Гласные не хотятъ насъ слушать, хотятъ сдѣлать по своему... Значитъ, нечего намъ здѣсь прохлаждаться,—ѣдемте домой и скажемъ, что насъ не хотятъ слушать». Согласно желанію уполномоченныхъ, смѣта на 1906 г. была сокращена собраніемъ на 1/3.

Въ *Малоархангельскомъ* земствѣ крестьяне поступили нѣсколько иначе: они потребовали, чтобы въ отношеніи землевладѣльцевъ-недоимщиковъ были приняты такія же рѣшительныя мѣры, какія принимаются по отношенію къ крестьянамъ.

Вообще, недовольство земствомъ и даже озлобленіе противъ него крестьянъ стало замѣтно расти, находя себѣ почву, главнымъ образомъ, въ неуравнительности раскладокъ. Во многихъ мѣстахъ,—преимущественно въ губерніяхъ промышленнаго района, гдѣ уравнительность эта особенно велика[1]),—крестьяне все чаще и чаще стали отказываться отъ уплаты земскихъ повинностей. Въ отвѣтъ на это земскія собранія прибѣгали частью къ содѣйствію администраціи, частью же пытались сами

[1]) Въ 1903 г., напр., по оффиціальнымъ даннымъ (См. «Опытъ приблизительнаго исчисленія размѣровъ народнаго дохода по различнымъ его источникамъ», Приложеніе № 7), налогъ на одну десятину земли былъ въ среднемъ такой (въ копѣйкахъ):

убѣдить населеніе въ необходимости исправно платить земскія подати. Цѣлый рядъ земствъ выступилъ съ воззваніемъ къ населенію по этому поводу. Такъ, напр., *Петергофскіе* земцы убѣждали крестьянъ «не обращать никакого вниманія на какіе бы то ни было призывы къ незаконнымъ и насильственнымъ дѣйствіямъ». *Бахмутское* собраніе издало въ январѣ 1906 г. воззваніе, разъясняющее населенію вредъ, который оно причиняетъ себѣ отъ неплатежа сборовъ. Подобныя же воззванія были изданы и нѣкоторыми др. земствами (напр., Роменскимъ), но успѣха не имѣли.

Воззванія эти, въ связи съ особенной настойчивостью администраціи въ дѣлѣ взысканія земскихъ недоимокъ, должны были, конечно, еще болѣе возстановить населеніе противъ земскихъ учрежденій.

Въ глазахъ крестьянъ земства и раньше были «барскими» учрежденіями, теперь же пропасть должна была, по необходимости, возрасти. Земства шли сами этому навстрѣчу. Они дружно протянули руку администраціи въ подавленіи аграрныхъ волненій. *Стародубское* собраніе, напр., просило (въ январѣ 1906 г.) о немедленномъ введеніи въ уѣздѣ военнаго суда надъ виновниками аграрныхъ волненій; затѣмъ объ арестѣ зачинщиковъ, объ усиленіи полиціи и войска въ уѣздѣ и, наконецъ, о командированіи генерала Рудова, начальника губернскаго жандармскаго управленія, чтобы онъ во главѣ отряда войскъ прошелъ весь уѣздъ «для устрашенія населенія».

Этотъ генералъ Рудовъ обезсмертилъ себя навѣки набѣгами на мирныя села Черниговской губ.

По донесенію страховыхъ агентовъ Черниговскаго земства, «по приказанію генерала Рудова» сожено немало крестьянскихъ построекъ, напр., въ с. Кибарщинѣ и др. окрестныхъ деревняхъ Суражскаго у. Объѣзжая села, генералъ Рудовъ собиралъ сходы, заставлялъ крестьянъ часами выстаивать на снѣгу на колѣняхъ и затѣмъ производилъ поголовную порку.

земства	крест.	помѣщ.	Въ %%% больше или меньше.
Восточныя	21	11	+90.9
Сѣверныя	24	14	+71.4
Средне-промышл. . . .	31	20	+55.0
Сѣв.-западныя.	12	9	+33.3
Средне-черноз.	37	34	+8.8
Южныя	28	27	+3.7
Малороссійскія	45	46	—2.2

Др. земства не поступили такъ рѣшительно, какъ Стародубское, но все-таки ходатайствовали объ усиленіи репрессій и ассигновывали суммы, иногда очень большія (напр., Екатеринославское 100 тыс. руб., Жиздринское 7.215 руб. и т. д.), на сформированіе полицейской стражи.

Въ настоящей главѣ я имѣлъ въ виду намѣтить тѣ этапы, черезъ которые проходило «общеніе» земскихъ дѣятелей съ населеніемъ. Мы видимъ, что отъ полнаго индифферентизма къ политической самостоятельности массъ земства быстро перешли къ враждебному отношенію, «объединившись» не съ народомъ, а съ администраціей для подавленія аграрнаго движенія.

Либеральнымъ землевладѣльцамъ не удалось достигнуть сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ крестьянствѣ. Лишь въ началѣ—лѣтомъ 1905 г.—мѣстами провели они свою программу въ «экономическихъ совѣтахъ»; большею же частью приглашавшіеся ими «уполномоченные», «волостные попечители», «слушатели» и т. д. быстро демократизировали эти совѣты, уклоняясь отъ либеральной опеки. Самостоятельность крестьянъ въ земскихъ собраніяхъ росла все больше и больше по мѣрѣ того, какъ настроеніе этихъ собраній становилось реакціоннѣе. Роль «экономическихъ» и проч. совѣтовъ нельзя поэтому оцѣнивать низко: они помогли крестьянамъ во многихъ мѣстахъ раздвинуть рамки своей борьбы и послужили школой этой борьбы.

Конечно, въ сравненіи съ развивавшимся параллельно стихійнымъ движеніемъ, организующее движеніе, однимъ изъ центровъ котораго служили, между прочимъ, земства, было не велико, но упускать его изъ виду ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Это движеніе было лишь однимъ изъ потоковъ многосложнаго крестьянскаго движенія, — потокомъ, сыгравшимъ въ свое время немаловажную роль.

Несравненно сильнѣе былъ другой потокъ организующаго, не стихійнаго, движенія. Это тотъ потокъ, толчокъ которому дала демократическая интеллигенція и который выразился сперва въ многочисленныхъ приговорахъ сельскихъ обществъ, затѣмъ въ образованіи «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза» и, наконецъ, въ митингахъ и наказахъ депутатамъ Государственной Думы.

На этой сторонѣ движенія мы сейчасъ и остановимся.

ГЛАВА V.

Указомъ 16 февраля 1905 г. было предоставлено «всѣмъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ», право подавать петиціи на высочайшее имя «по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія». Такое право было дано не только «частнымъ лицамъ», но и всѣмъ «учрежденіямъ».

До этого времени, какъ извѣстно, за русскимъ обывателемъ не признавалось права обращаться къ верховной власти съ заявленіями объ «усовершенствованіи государственнаго благоустройства». Исключеніе было сдѣлано лишь для дворянскихъ собраній. Не разъ возбуждали земства ходатайства о предоставленіи имъ этого «права петицій», не разъ также крестьянство пыталось проложить дорогу къ верховной власти, довести до ея свѣдѣнія о своихъ нуждахъ, тяжбахъ съ помѣщиками и т. д., но первымъ—отказывали въ ихъ ходатайствахъ, а крестьянскихъ ходаковъ сажали въ кутузку за «безпокойство» начальства.

Указомъ 16 февраля, какъ казалось слишкомъ довѣрчивымъ людямъ, была, наконецъ, разрушена преграда («средостѣніе»), отдѣлявшая верховную власть отъ народа. И вотъ, вслѣдъ за этимъ указомъ начинается въ различныхъ кругахъ движеніе въ пользу составленія петицій и препровожденіе ихъ, согласно указу, въ совѣтъ Министровъ.

Не осталось въ сторонѣ отъ этого движенія и крестьянство: такъ или иначе оно воспользовалось своимъ новымъ правомъ и попыталось довести до царя о своихъ нуждахъ.

Въ деревнѣ это движеніе не имѣло, однако, долгое время (приблизительно до лѣта 1905 г.) сколько-нибудь крупныхъ размѣровъ, и приговора сельскихъ обществъ за февраль-май являются единичными. Таковы, напр., петиціи крестьянъ с. Гусарки Екатеринославской губ., затѣмъ крестьянъ посада Висунскаго Херсонскаго у., крестьянъ Юрьевскаго, Бобровскаго и др. уѣздовъ.

«Нашу главную нужду полагаемъ мы въ образованіи, писали въ господданнѣйшей петиціи крестьяне *с. Гусарки*... и

еще терпимъ мы нужду и стѣсненіе въ землѣ, отъ которой единственно имѣемъ мы хлѣбъ и средства для уплаты налоговъ. Облегчи, государь, намъ эту нужду и повели признать государственной обязанностью удовлетворять острую потребность въ землѣ сельскаго земледѣльческаго населенія изъ казеннаго земельнаго запаса, служащаго нынѣ казенной оброчной землей съ колеблющейся доходностью. Повели, государь, увеличить этотъ запасъ путемъ покупки и выкупа частновладѣльческихъ земель, или же и отчужденія въ томъ случаѣ, когда малоземельные крестьяне нуждаются въ прирѣзкѣ выгоновъ, выпасовъ или водопоевъ».—Далѣе говорится о томъ, что «государственное вмѣшательство въ арендныя условія было бы большимъ благомъ. Благомъ для сельскаго населенія было бы также облегченіе пользованія различными видами кредита, приспособленіе Крестьянскаго Банка къ удовлетворенію земельной нужды, содѣйствіе образованію союзовъ и артелей и особенно правильное устройство переселенія и разселенія съ участіемъ въ постановкѣ этого дѣла тѣхъ мѣстныхъ учрежденій, гдѣ не лишены представительства и крестьяне» [1]).

Эта петиція, какъ мы видимъ, не содержитъ никакихъ политическихъ требованій, а касается лишь «землицы» да школьнаго образованія.

Но въ это время были уже петиціи и съ политическими требованіями. Такъ, напр., крестьяне *пос. Висунскаго*, въ числѣ 140 человѣкъ, помимо требованія «выкупа земли у помѣщиковъ за счетъ государства»,—выступили также съ заявленіемъ о прекращеніи войны, о предоставленіи населенію свободы печати, союзовъ, собраній и т. д., а также о созывѣ «всероссійскаго представительнаго собранія» [2]).

Въ петиціи крестьянъ *Юрьевскаго у.* (Владимірской губ.) говорилось о созывѣ народныхъ представителей, затѣмъ о расширеніи операцій Крестьянскаго Банка, о дополнительномъ надѣленіи землей изъ казенныхъ и частныхъ земель («съ правомъ обязательнаго выкупа дѣйствительной стоимости земли и установленія періода выкупа съ нашего согласія»), а также о предоставленіи крестьянамъ свободы распоряжаться своей надѣльной землей [3]).

---

[1]) «Экономическая газета», 1905 г., № 4.
[2]) «Русскія Вѣдомости», 1905 г., № 96.
[3]) Тамъ же, № 112.

До лѣта такихъ приговоровъ было весьма немного, какъ я сказалъ. Объясняется это различными причинами. Прежде всего, крестьяне не сразу узнали о новомъ своемъ правѣ подавать въ Совѣтъ министровъ заявленія. Какъ извѣстно, вѣсти о такихъ вещахъ особенно туго проникаютъ въ деревню благодаря противодѣйствію мѣстныхъ властей.

Съ др. стороны, во многихъ случаяхъ власти ставили непосредственныя препятствія составленію приговоровъ, не желая допускать въ своемъ участкѣ такого рода «безпорядковъ». Девизъ: всѣмъ премного довольны! стоялъ въ данномъ случаѣ на первомъ планѣ для усердствовавшихъ чиновъ и побуждалъ ихъ препятствовать крестьянамъ составлять приговора. Съ своей стороны мы думаемъ, что эта контръ-агитація властей имѣла гораздо болѣе широкіе размѣры, чѣмъ «преступная агитація» культурныхъ одиночекъ, по иниціативѣ которыхъ большею частью составлялись на первыхъ порахъ такія петиціи.

Газеты того времени изобилуютъ сообщеніями о томъ, какъ тотъ или другой земскій начальникъ оказывалъ крестьянамъ противодѣйствіе въ составленіи приговора [1]), а иногда даже и принуждалъ составлять желательной для себя приговоръ. Такъ, напр., земскій начальникъ Ковровскаго у. Маньковъ предложилъ волостному сходу с. Вашково составить приговоръ о томъ, что крестьяне довольны земскими начальниками и не желаютъ какого-либо умаленія ихъ власти.

Къ великой досадѣ г. Манькова сходъ отказался выдать похвальный листъ земскимъ начальникамъ.

Не забудемъ, что въ началѣ 1905 г. прокатилась первая волна аграрныхъ волненій, заставившая встрепенуться бдительное начальство. *Власти*, центральныя и мѣстныя, обезпокоились и *поспѣшили вступить на путь* «воздѣйствія», *агитаціи въ массахъ*. Особенное усердіе въ этомъ отношеніи проявили мѣстныя власти, старавшіяся путемъ устнаго и печатнаго слова образумить «ввѣренное» имъ населеніе. Каково было это воздѣйствіе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Тульскій губернаторъ Шлиппе въ мартѣ 1905 г. объѣзжалъ уѣздные города и вызывалъ къ себѣ волостныхъ старшинъ. Имъ онъ говорилъ о «смутѣ» и строго приказывалъ до-

[1]) Тамъ же, №№ 92, 146 и др.

носить земскимъ начальникамъ и предводителямъ дворянства о всякомъ начинающемся «броженіи умовъ» [1]).

Иногда при такихъ губернаторскихъ объѣздахъ вызывались къ начальству уполномоченные сельскихъ обществъ, или же губернаторы сами пріѣзжали на схода для бесѣдъ.

Но агитація не ограничивалась личнымъ «общеніемъ» власти съ народомъ; въ ходъ пускались нерѣдко и прокламаціи. Интересный образчикъ такой литературы представляетъ «Приказъ по участку» земскаго начальника, отставного генералъ-маіора Цурикова (въ Карачевскомъ у.) [2]).

«Въ послѣднее время, писалъ г. Цуриковъ: стали шататься почти повсемѣстно разные неблагонамѣренные люди, по наущенію дьявола мутятъ и сбиваютъ православный народъ съ пути истиннаго, а потому предписываю... людей подозрительныхъ и завѣдомо злонамѣренныхъ арестовывать и препровождать подъ строгимъ карауломъ къ ближайшему полицейскому чину и оказывать при этомъ полиціи всякое содѣйствіе... Злой человѣкъ, по внушенію дьявола принимая обличіе мнимыхъ богомольцевъ, странниковъ, разносчиковъ, торговцевъ... и даже въ видѣ офицера или генерала, является, чтобы смутить вѣрныхъ сыновъ церкви». Циркуляръ заканчивается приказомъ прочитать его «во всѣхъ селахъ, деревняхъ, поселкахъ волостными писарями въ присутствіи старшинъ, а отъ землевладѣльцевъ и проходскаго священника отобрать подписку о врученіи имъ сего приказа, дабы впослѣдствіи не было отговорокъ о незнаніи и непредупрежденіи, что отступившихъ отъ Бога и измѣнниковъ царя надо ловить и представлять начальству».

Наряду съ «агитаціей» начальства все болѣе и болѣе развивалась дѣятельность различныхъ черносотенныхъ «*союзовъ русскаго народа*» и т. п. организацій. Какъ и агитація властей, эта дѣятельность имѣла лишь обратные результаты, несовпадавшіе съ «видами правительства». Между прочимъ, на почвѣ именно такой черносотенной агитаціи и зародились первыя попытки организовать крестьянъ въ «Всероссійскій Союзъ» [3]).

Дѣло обстояло такъ. Весной 1905 г. московская админи-

---

[1]) Тамъ же, № 86.

[2]) Тамъ-же, № 104.

[3]) См. А. А. Корниловъ. Фактическія данныя о настроеніи крестьянъ. «Право», 1905 г., № 33; С. Блекловъ. Крестьянскій союзъ. «Право» 1905 г., № 38.

страція и мѣстные реакціонные дѣятели, во главѣ съ Самариным, предприняли попытку опросить крестьянъ о ихъ мнѣніи по поводу различныхъ злободневныхъ вопросовъ. Цѣлью ихъ было, какъ вѣрно замѣтилъ г. Блекловъ: «набрать коллекцію реакціонныхъ отзывовъ, чтобы оправдать заранѣе приготовленный тезисъ: все освободительное движеніе искусственно вздуто безпочвенной интеллигенціей, а православные мужички вполнѣ довольны своей участью».

Для опроса населенія были устроены, между прочимъ, совѣщанія, на которыя приглашались лишь «надежные», по рекомендаціи земскаго начальника, а самыя совѣщанія держались въ строгомъ секретѣ. Когда однако слухъ объ этихъ совѣщаніяхъ получилъ все-таки распространеніе, крестьяне стали стремиться проникнуть на нихъ, чтобы вести самостоятельную линію. Въ результатѣ всего этого въ маѣ 1905 г. въ Москвѣ состоялся первый съѣздъ крестьянъ Московской губерніи, который постановилъ образовать союзъ крестьянъ своей губерніи и агитировать за организацію «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза».

Резолюція, принятая на этомъ съѣздѣ, *гласитъ слѣдующее:* [1])

«Мы, крестьяне, собравшись на сходъ въ Москвѣ, имѣли сужденіе о томъ, что чиновники во всей Россіи, а также въ Петербургѣ, начиная съ урядника и кончая министромъ, сенаторомъ и членомъ государственнаго совѣта, никѣмъ не провѣряемые и никѣмъ неограниченные, по всѣмъ вѣдомствамъ ведутъ дѣло русскаго государства неправильно, тратятъ деньги, собранныя съ бѣдняковъ, которыя добыты потомъ и кровью, безъ всякаго контроля со стороны народа. Большіе чиновники затѣяли желѣзную дорогу по чужой землѣ и втянули Россію въ разорительную и губительную войну, довели народъ до нищенства, создали цѣлый рядъ притѣсненій для бѣднаго народа, насажали повсюду никому ненужныхъ чиновниковъ, какъ, напримѣръ, среди крестьянъ земскихъ начальниковъ, которые ввели неправый судъ въ деревнѣ, которые всегда держатъ руку богатыхъ, увеличили до огромныхъ размѣровъ волостные расходы, около волости собрали въ видѣ опричины волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, всякихъ волостныхъ судей изъ лихоимцевъ, сельскіе выборы свели на нѣтъ, а мѣстами

[1]) См. «Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства». 1905 г., № 24.

совсѣмъ упразднили. Земства, благодаря чиновникамъ, для крестьянъ гласныхъ сдѣлались совсѣмъ недоступными; избранные въ земскіе гласные отъ крестьянства, обыкновенно изъ старшинъ, проходятъ еще два мѣста утвержденія: съѣздъ изъ земскихъ начальниковъ во главѣ съ предводителемъ дворянства и собраніе чиновниковъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Допускаются въ гласные только забитые или тупые лихоимцы волостные старшины, излюбленные земскими начальниками. Пришли при совѣщаніи къ слѣдующему заключенію: государственное управленіе дѣлами должно быть только при участіи всего народа черезъ выборныхъ всѣмъ населеніемъ, равное для всѣхъ, какъ для дворянъ, такъ и крестьянъ, чтобы не было притѣсненій со стороны губернатора, земскаго начальника и разныхъ чиновниковъ.

Выборные отъ народа должны принимать участіе въ созданіи законовъ, въ государственной раскладкѣ податей и оброковъ, раскладывая ихъ такъ, чтобы богатые платили больше, а бѣдные меньше; контроль надъ государственнымъ казначействомъ, а также надъ дѣйствіями чиновниковъ по управленію страной, не исключая министровъ. Никто изъ народа не можетъ быть посаженъ подъ стражу по распоряженію чиновника, урядника, земскаго начальника, губернатора и министра, только судъ присяжныхъ можетъ приговорить за общій поступокъ къ лишенію свободы; однимъ словомъ, пока человѣкъ не сдѣлалъ преступленія, никто не можетъ посягать на его свободу. Всякій желающій изъ народа можетъ устроить собраніе, сходъ для сужденія о своихъ нуждахъ и дѣлахъ, и никто изъ чиновниковъ, не исключая министровъ, не можетъ запретить это собраніе и признать его вреднымъ, кромѣ суда присяжныхъ. Для защиты своихъ интересовъ и для достиженія намѣченной цѣли народъ имѣетъ право устраивать общества и союзы безъ всякаго на то разрѣшенія со стороны администраціи, а закрывать союзы и общества можетъ только судъ присяжныхъ. Всякій изъ народа имѣетъ право печатать газеты, книги, разсуждая въ нихъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ администраціи, о своихъ нуждахъ и нуждахъ государства, не испрашивая на это ни у кого разрѣшенія. Закрывать такія газеты и книги и признавать ихъ вредными можетъ только судъ присяжныхъ. Уѣздное устройство, предводители дворянства, земскіе начальники внесли въ крестьянское населеніе произволъ и кривосудъ, какъ-то: въ камерахъ земскихъ начальниковъ, въ съѣздахъ зем-

начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, и въ губернскомъ присутствіи подъ предсѣдательствомъ губернатора. Волостные старшины, сельскіе старосты и волостные судьи, неся полицейскую службу и будучи отданы произволу предводителей дворянства, земскихъ начальниковъ, исправниковъ и губернаторовъ, не могутъ быть признаны выборными отъ населенія, какъ-то: въ повѣренные, земскіе гласные и для опроса по государственнымъ дѣламъ. Настоящее бѣдственное положеніе крестьянъ вслѣдствіе малоземелья, непосильныхъ поборовъ и налоговъ со стороны администраціи, неграмотности населенія, его безправія, не можетъ быть исправлено настоящимъ чиновничьимъ государственнымъ управленіемъ, а для достиженія всѣхъ намѣченныхъ благъ народа и впредь до уравненія крестьянъ съ остальными сословіями учреждается всероссійскій крестьянскій союзъ.—Союзъ состоитъ изъ представителей отъ каждой губерніи по 5 человѣкъ. Его отдѣленія на мѣстахъ слѣдующія: губернское по 5 человѣкъ на уѣздъ, уѣздное отдѣленіе по 5 человѣкъ отъ волости. Волостной союзъ состоитъ изъ неограниченнаго числа, но не менѣе 5 человѣкъ. Всѣ дѣла въ волостномъ союзѣ рѣшаются большинствомъ голосовъ. Въ уѣздномъ союзѣ дѣла рѣшаются съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостныхъ союзовъ. Дѣла губернскаго союза рѣшаются съѣздомъ уѣздныхъ уполномоченныхъ, дѣла всероссійскаго союза рѣшаются съѣздомъ губернскихъ уполномоченныхъ».

Какъ видимъ, резолюція эта касается исключительно правого положенія крестьянъ, выдвигаетъ лишь политическія требованія и оставляетъ въ сторонѣ вопросы соціально-экономическіе и въ частности аграрный. Въ дальнѣйшемъ, однако, когда къ союзу примкнули губерніи черноземной полосы, аграрный вопросъ былъ выдвинутъ на первый планъ и вызвалъ больше всего разногласій.

Московскій съѣздъ состоялся въ концѣ мая 1905 г. Тотчасъ же послѣ него началась агитація въ разныхъ губерніяхъ за образованіе «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза» и за выборъ уполномоченныхъ на Учредительный съѣздъ Союза. Вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась агитація въ пользу составленія на сходахъ приговоровъ, на основаніи указа 16 февраля, и мы видимъ, что именно съ лѣта 1905 г. число такихъ приговоровъ значительно возрасло, хотя все еще было не особенно велико. Лишь послѣ Учредительнаго съѣзда Союза (31 іюля 1905 г.)

количество приговоровъ значительно увеличилось [1]) и наступилъ такъ называемый *періодъ петицій*, продолжавшійся до середины октября 1905 г., когда онъ былъ смѣненъ періодомъ митинговъ, по преимуществу.

До августа число приговоровъ, какъ я сказалъ, было не велико: то тамъ, то тутъ собирался сходъ и выносилъ политическую резолюцію, но движеніе тогда еще не приняло широкаго характера. Больше всего приговоровъ было составлено въ *Балашовскомъ* у. (Саратовской губ.) и въ *Новоторжскомъ* у. (Тверской губ.). Въ остальныхъ уѣздахъ (напр., въ Балахнинскомъ, Бѣлозерскомъ, Воронежскомъ, Одесскомъ, Рѣжицкомъ, Суджанскомъ, Судогодскомъ, Тамбовскомъ, Тетюшскомъ, Херсонскомъ и др.) приговоры на политическія темы составлялись лишь въ единичныхъ случаяхъ [2]).

Иниціаторами приговоровъ являлись по большей части культурные одиночки - учителя, болѣе развитые односельчане-крестьяне и т. д. и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ этомъ движеніи принимали участіе либеральные землевладѣльцы. Любопытный приговоръ былъ составленъ, между прочимъ, помѣщикомъ А. П. Грессеромъ и сосѣдними крестьянами четырехъ деревень *Судогодскаго* у., въ количествѣ 54 человѣкъ (24 іюля 1905 г.). «Мы, помѣщикъ и крестьяне, говорится въ этомъ приговорѣ: живя въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, чувствуемъ взаимную зависимость и тяготимся этимъ... Мы считаемъ особенно важной земельную реформу, которая развяжетъ обѣимъ сторонамъ руки и избавитъ отъ взаимной зависимости.... Мы находимъ, что нужную крестьянамъ землю, если ее не смогутъ купить всѣ нуждающіеся, должно пріобрѣсти государство посредствомъ выкупа, для образованія государственнаго земельнаго запаса, и эту землю свободные и равноправные крестьяне будутъ или брать въ долгосрочную аренду или выкупать въ разсрочку, чтобы никому не было обидно».

Другіе приговора этого періода идутъ гораздо дальше и не отличаются такимъ прекраснодушіемъ, какъ приговоръ кресть-

[1]) Августовскій съѣздъ Всероссійскаго крестьянскаго союза постановилъ, между прочимъ, «настойчиво совѣтывать крестьянамъ пользоваться своимъ правомъ составлять общественные приговоры на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и частныхъ собраніяхъ, объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго состоянія». См. Протоколы Учред. Съѣзда В. Кр. Союза, стр. 47.

[2]) См. «Право», 1905 г. №№ 27, 30, 32, 33, 36, 38 и 39.

лнъ Судогодскаго у. и г. Грессера, продиктованный «разумнымъ эгоизмомъ». Чрезвычайно характерно приэтомъ то обстоятельство, что всѣ эти приговора солидарны между собою въ политическихъ требованіяхъ (созывъ народныхъ представителей на основѣ всеобщаго избирательнаго права, отвѣтственность чиновниковъ передъ народомъ и т. д.), а также относительно реформы налоговъ (отмѣна выкупныхъ платежей, введеніе подоходнаго налога). Но въ отношеніи аграрной реформы между ними рѣзкое несходство.

Такъ, напр., крестьяне с. Чирикова *Балашовскаго* у. (86, въ томъ числѣ и сельскій староста) требуютъ «передачи земли въ пользованіе трудящихся лицъ, поскольку она имъ необходима, т.-е. сколько каждый можетъ обрабатывать своимъ трудомъ». Крестьяне дер. Рылева *Новоторжскаго* у. выставляютъ иной принципъ. По ихъ мнѣнію, «земля должна быть достояніемъ хлѣбопашцевъ», а потому «необходимо каждому крестьянину нарѣзать достаточное количество земли хуторами». Желаніе крестьянъ д. Марково *Новоторжскаго* у. (44 человѣка) болѣе скромно: они хотятъ надѣлить малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ на счетъ государства изъ казенныхъ, удѣльныхъ и монастырскихъ земель, и лишь «въ случаѣ надобности» изъ частныхъ. Крестьяне *Тамбовской* губ. мечтаютъ о прирѣзкѣ земли въ такомъ размѣрѣ, чтобы ихъ надѣлъ составлялъ на одну душу о. п. 3 десятины. Крестьяне с. Бѣляева *Одесскаго* у. желаютъ вообще «увеличенія площади крестянской земли». Крестьяне с. Байтерякова *Тетюшскаго* у. жалуются на недостатокъ земли; ихъ надѣлъ составляетъ всего на всего $1^1/_2$ дес. на душу. «Чтобы можно было крестьянамъ жить безбѣдно, необходимо увеличить надѣлъ земли до 7 дес. на каждую душу».

Такое разнообразіе взглядовъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что въ различныхъ губерніяхъ существуютъ слишкомъ несходныя между собой условія крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Лишь въ фантазіи возможно ставить на одну доску какихъ-нибудь дарственниковъ Тамбовской губ. и многоземельныхъ, сравнительно, подворниковъ Херсонской губ. Съ др. стороны, на принятіи той или другой резолюціи сказывалось, конечно, и личное вліяніе, вліяніе того лица, которое давало толчокъ къ составленію приговора.

Какъ я уже сказалъ выше, сейчасъ же послѣ московскаго съѣзда въ маѣ 1905 г. повсюду началась агитація за образо-

ваніе «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза», которая однако не вездѣ велась достаточно широко.

Энергичнѣе всего пропаганда была организована въ Донской Области, въ Курской губ., въ Сумскомъ у. (Харьковской губ.) и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской губ.

Въ *Донской Области* первое крестьянское собраніе состоялось въ посадѣ Екатерининскомъ 18 іюня. Затѣмъ собранія происходили въ цѣломъ рядѣ окрестныхъ селъ и деревень (Ольховый Рогъ, Криворожье и др.). На этихъ сходкахъ составлялись приговора съ изложеніемъ крестьянскихъ нуждъ и усиленно велась агитація за образованіе Крестьянскаго Союза. Благодаря энергичной дѣятельности двухъ братьевъ Мазуренко, за 1—1½ мѣсяца удалось сорганизовать 25 селеній въ восьми волостяхъ [1]).

Въ *Курской* губ. основаніе Крестьянскому Союзу было заложено точно также благодаря иниціативѣ интеллигентовъ. Первый съѣздъ собрался здѣсь 3 іюня. На него прибыло 47 выборныхъ изъ 8 уѣздовъ и положили основаніе мѣстному Крестьянскому союзу, а также выбрали делегатовъ на Всероссійскій съѣздъ. Ко времени Учредительнаго съѣзда, т.-е. къ началу августа, зародышъ организаціи имѣлся уже въ 11 уѣздахъ [2]). Возникновенію Союза способствовали, между прочимъ, и нѣкоторые земскіе дѣятели (предсѣдатели управъ: Льговской—Ширковъ, Суджанской—кн. П. Д. Долгоруковъ), которые конечно, имѣли въ виду, подобно саратовскому губернскому земству, водворить такой мѣрой въ деревнѣ спокойствіе.

Въ *Харьковской* губ. наибольшій успѣхъ Союзъ имѣлъ въ Сумскомъ у. Здѣсь толчокъ былъ данъ мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ, въ засѣданіяхъ котораго принимали участіе и крестьяне. По распоряженію администраціи это общество скоро было закрыто, однако движеніе въ сторону образованія союза не заглохло: послѣ ряда мелкихъ собраній состоялось, наконецъ, большое въ Сумахъ, на которомъ присутствовало до 5000 человѣкъ. На этомъ собраніи была составлена соотвѣтствующая петиція и избранъ уполномоченный г. Щербакъ, но вслѣдъ за этимъ онъ былъ арестованъ. Послѣ этого собранія продолжались, но уже не такія многолюдныя [3]).

Въ *Тульской* губ. съѣздъ крестьянъ разныхъ уѣздовъ былъ въ іюнѣ. На немъ было рѣшено организовать союзъ.

[1—3]) См. Протоколы учредительнаго съѣзда, стр. 6, 13—14, и 7.

Послѣ этого въ теченіе іюля вездѣ устраивались собранія по 60—200 человѣкъ, на которыхъ велась агитація въ пользу образов ія союза [1]).

Въ *Саратовской* губ. движеніе въ пользу образованія Союза началось въ Петровскомъ и Саратовскомъ уѣздахъ, благодаря толчку со стороны «третьяго элемента».

Кромѣ отмѣченныхъ выше губерній, гдѣ ко времени Учредительнаго Съѣзда Всероссійскаго Крестьянскаго Союза движеніе получило наибольшіе размѣры, основы для Союза были заложены и въ нѣкоторыхъ другихъ. Въ результатѣ всего этого, на Учредительный съѣздъ, засѣдавшій въ Москвѣ 31 іюля и 1 августа 1905 г., прибыло болѣе 100 крестьянъ и около 25 интеллигентовъ делегатами отъ 22 губерній [2]).

На этомъ съѣздѣ было постановлено организовать повсемѣстно отдѣлы Союза (областные, губернскіе, уѣздные, волостные и сельскіе комитеты), а также былъ избранъ главный комитетъ въ составѣ 8 лицъ. При этомъ было признано, что «дѣятельность Крестьянскаго Союза въ зависимости отъ мѣстныхъ условій можетъ быть и открытая и тайная; всѣ члены Союза должны распространять свои взгляды и осуществлять свои требованія всѣми возможными способами, не стѣсняясь противодѣйствіемъ земскихъ начальниковъ и другого начальства». Между прочимъ, настойчиво совѣтывалось «пользоваться правомъ составлять общественные приговора на сельскихъ и волостныхъ сходахъ и частныхъ собраніяхъ объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго состоянія».

Таковы существенныя резолюціи по организаціоннымъ и тактическимъ вопросамъ. Главное вниманіе Учредительнаго съѣзда было посвящено однако программнымъ вопросамъ.

Принятыя въ этомъ отношеніи постановленія сводятся къ слѣдующему.

Обсудивъ политическую часть программы, съѣздъ высказался единогласно за необходимость созыва Учредительнаго Собранія, на основѣ четырехъ-членной формулы, — съ тѣмъ,

---

[1]) См. Протоколы учредительнаго съѣзда, стр. 10.

[2]) Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Полтавской, Рязанской, Саратовской, Смоленской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Черноморской, Ярославской и Области Войска Донского.

чтобы избирательное право было предоставлено лицамъ обоего пола, достигшимъ 20-лѣтняго возраста, не ограниченнымъ въ правахъ «будущими судами», не состоящимъ на дѣйствительной военной и полицейской службѣ. Признано также необходимымъ лишить избирательныхъ правъ духовенство, «пока не будетъ проведена реформа положенія духовенства, основанная на выборномъ началѣ».

По поводу вопроса о формѣ правленія будущаго русскаго государства возникли существенные споры, и въ результатѣ съѣздъ отвергъ предложеніе представителя соціалъ-демократической партіи относительно демократической республики и оставилъ этотъ вопросъ открытымъ, согласившись съ курскимъ делегатомъ, что «царя не нужно трогать» (въ прокламаціяхъ), такъ какъ «это (вѣра въ царя) въ свое время пройдетъ»[1]).

Наибольшее вниманіе съѣзда было удѣлено земельной реформѣ. Прения по этому вопросу представляютъ значительный интересъ, а потому мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что на съѣздѣ возникло три теченія по вопросу о *выкупѣ* частновладѣльческихъ земель. Одни находили нужнымъ передать землю народу безъ всякаго вознагражденія теперешнихъ владѣльцевъ, другіе стояли за выкупъ всѣхъ земель, которыя потребовалось бы отвести крестьянамъ и, наконецъ, третьи занимали промежуточное положеніе, полагая, что земли выкупать слѣдуетъ только у мелкихъ собственниковъ. Въ результатѣ восторжествовало послѣднее мнѣніе и было рѣшено, что «у частныхъ владѣльцевъ земля должна быть отобрана частью за вознагражденіе, частью же безъ вознагражденія».

Отстаивавшіе выкупъ частновладѣльческихъ земель указывали на то, что «вездѣ народъ стремится къ землѣ, но въ то же время стремится не обидѣть», и потому «безъ выкупа нельзя взять частное землевладѣніе» (делегатъ Черниговской губ.).

Представители губерній: Курской, Костромской, Смоленской, Херсонской и Донской Области полагали, что платить вознагражденіе слѣдуетъ лишь крестьянамъ, недавно купившимъ землю (костромской делегатъ), затѣмъ «бѣднякамъ» (смоленскій делегатъ), а также тѣмъ, кто владѣетъ ею недавно и не успѣлъ еще вернуть затраты (херсонскій делегатъ). Такимъ же вла-

[1]) См. Протоколы, стр. 15.

дѣльцамъ, которые получили землю «отъ Екатерины и другихъ царей въ подарокъ» (московскій делегатъ) и т. д., платить выкупъ безусловно не нужно.

Болѣе рѣшительную позицію по вопросу о выкупѣ частныхъ земель заняли делегаты губерній: Владимірской, Харьковской и нѣкоторые делегаты Московской, которые стояли за отобраніе всѣхъ земель безъ выкупа для передачи ихъ въ «уравнительное пользованіе» всѣмъ «трудящимся».

Не трудно въ общемъ видѣть, насколько въ данномъ случаѣ сказались тенденціи мелкобуржуазнаго характера. «Справедливо» отобрать землю у всѣхъ не крестьянъ, у болѣе или менѣе крупныхъ собственниковъ, чтобы передать ее, хотя бы и за выкупъ, мелкимъ землевладѣльцамъ, «хозяйственнымъ мужичкамъ»;— «несправедливо» лишать капитальныхъ затратъ, вложенныхъ въ землю, не выкупивъ ихъ,—вотъ основной лейтъ-мотивъ дебатовъ по аграрному вопросу. О «соціализаціи», «націонализаціи» и т. д.—почти не упоминалось, и въ результатѣ съѣздъ остановился на неопредѣленной формулѣ: земля должна считаться «собственностью всего народа», не рѣшившись входить въ дальнѣйшія подробности.

Гораздо больше единодушія, чѣмъ въ отношеніи частныхъ земель, проявилось на съѣздѣ относительно земель «монастырскихъ, церковныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ и государевыхъ», которыя было признано необходимымъ отобрать безъ выкупа.

Кромѣ резолюцій по общеполитическимъ и по аграрному вопросу, съѣздомъ были сдѣланы также постановленія о реформѣ на широко демократическихъ началахъ мѣстнаго самоуправленія, суда, администраціи и полиціи, а также о безплатномъ общедоступномъ обученіи въ начальныхъ школахъ высшаго типа.

Первый періодъ въ исторіи «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза» обнимаетъ собой время отъ предварительнаго съѣзда крестьянъ Московской губ. (въ концѣ мая 1905 г.) до Учредительнаго съѣзда 31-го іюля 1905 г. Петиціи сходовъ были въ это время сравнительно не многочисленны, что объясняется въ значительной степени «независящими обстоятельствами». Такъ, напр., на Учредительномъ съѣздѣ многими делегатами указывалось на трудности, съ которыми сопряжено составленіе при-

говоровъ въ прогрессивномъ духѣ, благодаря противодѣйствію властей и застращиванью ими крестьянъ.

Августовскій съѣздъ высказался, какъ мы видѣли, въ пользу усиленной агитаціи за составленіе приговоровъ на сельскихъ и волостныхъ сходахъ, видя въ этомъ «хорошее средство для вербованія членовъ въ союзъ, для собиранія нашей арміи», какъ выразился представитель Курской губ.

Такой агитаціей и начался *второй періодъ въ дѣятельности «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза»*. Продолжался онъ до ноябрьскаго съѣзда 1905 г. или, точнѣе, до дней октябрьскихъ свободъ и до волны крестьянскихъ бунтовъ.

Посмотримъ теперь, какіе размѣры приняла эта агитація въ пользу организаціи крестьянскихъ массъ въ этотъ періодъ, съ августа по ноябрь 1905 г.

Въ *Донской области* вскорѣ же послѣ августовскаго съѣзда было составлено 19 приговоровъ (съ 2.308 подписями) о присоединеніи къ Союзу. Въ основу всѣхъ этихъ приговоровъ были положены, во-первыхъ, общеполитическія требованія, а, во-вторыхъ, признаніе «необходимости уничтоженія частной собственности на землю и передачи всѣхъ частновладѣльческихъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель въ распоряженіе всего народа». «Землею долженъ пользоваться только тотъ, говорится въ этихъ приговорахъ: кто своей семьей или въ товариществѣ, но безъ батрацкаго труда, будетъ ее обрабатывать, и въ такомъ количествѣ, сколько онъ въ силахъ обработать».

Во главѣ работниковъ въ Донской Области стояли, какъ было говорено выше, два брата интеллигенты Мазуренко, сумѣвшіе въ короткое время пріобрѣсти въ населеніи широкую популярность и вслѣдствіе этого возстановившіе противъ себя начальство и духовенство, которое выступило съ дѣятельной контръ-агитаціей. Одинъ изъ священниковъ дошелъ въ своемъ усердіи даже до того, что однажды провозгласилъ съ кафедры: «Кто слушается братьевъ Мазуренко, тотъ изыди изъ храма и не оскверняй его своимъ присутствіемъ. Мазуренки—это враги наши, они хотятъ самовластно составлять свои законы»[1]).

Слѣдуетъ ли говорить, что эта черносотенная агитація имѣла какъ разъ обратные результаты и способствовала росту крестьянскаго союза?

---

[1]) См. А. А. Корниловъ. Фактическія данныя о настроеніи крестьянъ. «Право», 1905 г., № 33.

Къ осени движеніе въ Донской Области сильно развилось и охватило почти весь Донецкій и частью Черкасскій округъ. По словамъ донецкаго делегата на ноябрьскомъ съѣздѣ, движеніемъ было затронуто здѣсь около 200.000 человѣкъ[1]).

Довольно крупный успѣхъ Крестьянскій Союзъ имѣлъ также въ губерніяхъ: Владимірской (особенно въ Юрьевскомъ у.), Харьковской (въ Сумскомъ у.), Московской, Тверской, Екатеринославской. Въ другихъ губерніяхъ Союзъ ко времени ноябрьскаго съѣзда былъ еще въ зародышѣ. Такъ, напр., въ уѣздахъ: Бѣлозерскомъ, Гдовскомъ, Каневскомъ, Краснинскомъ, Новозыбковскомъ, Петергофскомъ, Суражскомъ и др. были составлены нѣкоторыми сходами приговора о присоединеніи къ Союзу.

Но если на первыхъ порахъ и не удалось привлечь къ участію въ Союзѣ сколько-нибудь значительныя массы населенія, то во всякомъ случаѣ удалось развить довольно широкую агитацію и вызвать большое количество крестьянскихъ приговоровъ по поводу деревенскихъ «нуждъ». Такихъ приговоровъ за это время была составлена не одна сотня. По своему содержанію они не разнятся отъ тѣхъ, которые составлялись лѣтомъ 1905 г. и о которыхъ было упомянуто выше, а потому мы не станемъ останавливаться на нихъ.

Помимо Крестьянскаго Союза въ деревнѣ въ это время работали и партійныя организаціи *соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ*. Первые наибольшимъ успѣхомъ пользовались въ губерніяхъ: Саратовской, Тамбовской, Екатеринославской, Пензенской и отчасти Черниговской,—а с.-д. въ губерніяхъ: Полтавской, Кіевской, Подольской, Волынской, Нижегородской и частью въ Екатеринославской, Псковской, Воронежской, Казанской, Пензенской.

Такъ продолжалось до октября 1905 г. Вспыхнувшіе затѣмъ аграрные погромы заставили Крестьянскій Союзъ на нѣкоторое время стушеваться, точно также и партійныя организаціи оказались не въ состояніи руководить движеніемъ. «Движеніе было начато не нами, говорилъ на ноябрьскомъ съѣздѣ саратовскій с.-р.: крестьяне сами пошли на господъ. Мы старались взять движеніе въ свои руки. Не наша вина, что темнота и гнетъ довели крестьянъ до озлобленія и

---

[1]) См. «Матеріалы по крестьянскому вопросу». Изд. «Новаго Міра», 1905 г., стр. 34 и 47.

вызвали такія дикія формы движенія. Ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ дѣло взяли въ свои руки партійныя организаціи»[2]).

Но если Крестьянскій Союзъ и партійныя организаціи были не въ силахъ сдержать нахлынувшій потокъ разрушенія, то они тѣмъ не менѣе продолжали свое дѣло, вовлекая все большія и большія массы въ кругъ политической жизни.

Начиная съ 17 октября наступаетъ *третій періодъ въ дѣятельности Крестьянскаго Союза*, періодъ устройства по деревнямъ митинговъ, а мѣстами и демонстрацій.

Крестьянскій союзъ и вообще всѣ интеллигентныя силы деревни поспѣшили использовать «свободу» октябрьскихъ и ноябрьскихъ дней, чтобы организовать возможно широкую пропаганду, и мѣстами имъ удалось осуществить это въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Такъ, напр., по сообщенію делегата Юрьевскаго у. (Владимірской губ.), тамъ собрались въ это время митинги по 500 человѣкъ. Въ Сумахъ состоялось нѣсколько крестьянскихъ митинговъ, одинъ изъ нихъ въ 10 тыс. человѣкъ. Многочисленные митинги происходили также въ Аткарскомъ у. и въ губерніяхъ: Екатеринославской, Московской, Смоленской, Петербургской, Ярославской («митинги достигаютъ 8.000 человѣкъ и проходятъ мирно», писалъ корреспондентъ «Нашей Жизни» изъ Ярославской губ.) и др.

Въ общемъ митинги пользовались большой симпатіей у населенія. «Митинги чрезвычайно нравились населенію, говорилъ напр. делегатъ Петербургской губ. на учительскомъ съѣздѣ: за учителями пріѣзжали депутаціи за 20—30 верстъ, крестьяне слушали жадно; учитель сталъ настоящимъ другомъ народа»[1]).

Подобныя же сообщенія дѣлали делегаты и другихъ губерній: успѣхомъ пользовались митинги, устраивавшіеся Крестьянскимъ Союзомъ и партійными организаціями. Наоборотъ черносотенная агитація не имѣла большею частью успѣха, хотя иногда темнымъ силамъ и удавалось возстановить крестьянъ противъ врачей, учителей и вообще интеллигенціи,—но не надолго, такъ какъ крестьяне въ концѣ концовъ разбирались, кто стоитъ къ нимъ ближе. «Духовенство и помѣщики, гово-

---

[1]) «Протоколы 2-го делегатскаго съѣзда Всероссійскаго Союза учителей и дѣятелей по народному образованію 26—29 декабря. 1905 г.». стр. 8, 11 и 9.

рилъ на учительскомъ съѣздѣ делегатъ Новгородской губ.: ведутъ черносотенную агитацію, но крестьяне не поддаются ей; такъ, они провалили предложенный имъ благодарственный адресъ государю [1])».

Про то, какъ велась черносотенная агитація въ деревнѣ, интересныя свѣдѣнія сообщилъ, между прочимъ, учитель Петербургской губ. «Черная сотня, говорилъ онъ на съѣздѣ: также работала среди населенія, обвиняла учителей въ поджогахъ и погромахъ. Помѣщики поили крестьянъ чаемъ съ баранками, обѣщали имъ землю, лишь бы они подписывались, что выходятъ изъ Крестьянскаго Союза, что туда ихъ завлекли только учителя,—тогда и государь ихъ проститъ... Союзъ 17 октября распространилъ свои прокламаціи, въ него вступаютъ всѣ крупные помѣщики, такъ что крестьяне сразу видятъ, что имъ въ такой союзъ вступать не надо [2])».

Но было бы однако неправильно утверждать, что въ крестьянскомъ движеніи совсѣмъ отсутствовалъ черносотенный элементъ. Далѣе, когда мы будемъ говорить о погромномъ движеніи въ октябрѣ-ноябрѣ 1905 г., намъ придется остановиться и на участіи въ этомъ движеніи черносотенныхъ элементовъ. Мы увидимъ тамъ, какъ въ моментъ взрыва голоднаго бунта подчасъ пробуждались низменныя стремленія и окрашивали движеніе въ черный колоритъ.

Делегатскій съѣздъ 6—10 ноября 1905 г. въ Москвѣ явился зенитнымъ пунктомъ въ исторіи Крестьянскаго Союза. Съ этого времени Союзъ надолго скрывается въ подполье; организація его, еще не успѣвшая окрѣпнуть, подвергается гоненіямъ и разгрому.

Ноябрьскій съѣздъ интересенъ еще и въ др. отношеніи: онъ состоялся *открыто*, при участіи большого количества *выборныхъ* отъ крестьянъ и притомъ отъ самыхъ различныхъ мѣстностей [3]). Всего отъ 24 губерній было около 200 представителей.

---

[1]—[2]) «Протоколы 2-го делегатскаго съѣзда Всероссійскаго союза учителей и дѣятелей по народному образованію. 26—29 декабря. 1906 г.», стр. 8. 11 и 9.

[3]) Отъ губерній: Владимірской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Казанской, Кіевской, Костромской, Курской, Минской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Саратовской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Черноморской, Витебской, Виленской, Ярославской, Тульской и Области Войска Донского. Отъ Московской губ. было 45 делегатовъ, отъ Саратовской 5, отъ другихъ по 2—3.

Въ числѣ делегатовъ были интеллигенты, между прочимъ, священникъ и офицеръ, но большинство приходилось все-таки на долю крестьянъ. Делегаты имѣли письменныя уполномочія, причемъ представитель Донской Области былъ посланъ свыше 200,000 крестьянъ, подписавшихъ приговоръ о присоединеніи къ Союзу.

Въ то время, какъ августовскій съѣздъ былъ посвященъ спеціально обсужденію программы, ноябрьскій занимался разрѣшеніемъ тактическихъ и организаціонныхъ вопросовъ, касаясь программы лишь мимоходомъ.

Наиболѣе горячія пренія вызвалъ вопросъ о тактикѣ. Это и понятно. Благодаря стихійному взрыву въ октябрьскіе дни вопросъ о тактикѣ не могъ не получить жгучаго интереса.

До этого времени главной формой втягиванія населенія въ организованное движеніе являлось составленіе на сходахъ приговоровъ, а позднѣе, послѣ 17-го октября, устройство въ селахъ демонстративныхъ митинговъ. Итти ли дальше этимъ путемъ, или же пора перейти къ болѣе активнымъ дѣйствіямъ,— вотъ вопросъ, около котораго сосредоточились пренія на ноябрьскомъ съѣздѣ.

Значительная часть делегатовъ (представители «приговорнаго» и «митинговаго» направленія) настаивали на «мирной» борьбѣ: путемъ забастовокъ, мирныхъ запахиваній (!) и игнорированія земскихъ и др. начальниковъ.

Другая часть делегатовъ призывала къ организованному вооруженному возстанію противъ помѣщиковъ и властей и къ установленію революціонныхъ комитетовъ.

Первую точку зрѣнія особенно защищалъ делегатъ *сумскаго* у., полагавшій, что «мирный путь есть мирное наступленіе противъ помѣщиковъ и властей» [1]). Этотъ мирный путь долженъ выразиться, по его мнѣнію, въ отказѣ платить подати и давать солдатъ, если требованіе «учредительнаго собранія, амнистіи и передѣла всѣхъ земель» не будетъ удовлетворено». Ко всеобщей политической забастовкѣ сумской делегатъ отнесся отрицательно.

Другой представитель,—крестьянинъ *рузскаго* у.,—патетически восклицалъ: «не кровью и поджогами будемъ бороться, а мирнымъ путемъ» [2]). Делегатъ *гжатскаго* у., отстаивая

[1—2]) Матеріалы къ крестьянскому вопросу, стр. 43—42, 46, 50, 58, 62.

«мирную борьбу», ссылался на то, что «крестьяне не хотятъ погромовъ» [1]). Защитники «мирной борьбы» доходили въ своей наивности до того, что утверждали самыя несообразныя вещи. «Всѣ мы боимся крови, говорилъ, напр., *московскій* делегатъ: необразованный человѣкъ боится (?) крови. Нужно упросить союзы, которые возстали, подождать еще 7 мѣсяцевъ. Правительству же мы должны запретить (?) губить народъ; оно не смѣетъ не послушаться» [2]).

«Зачѣмъ призывать къ кровавому мятежу, восклицалъ интеллигентъ изъ *нижегородской* губ.: неужели человѣчество не научилось инымъ, культурнымъ способамъ борьбы? Надо сначала испробовать бойкотъ, забастовку и проч., прежде чѣмъ призывать къ возстанію» [3]).

Защитники «вооруженнаго пути» (делегаты саратовской, тульской, казанской и др. губ.) указывали своимъ оппонентамъ, между прочимъ, на то, что «кровь уже льется», что возстаніе повсюду началось или начинается, и нельзя отдѣлываться отъ него ссылкой на необходимость предварительно организоваться. Нужно, говорили они: взять на себя не только организацію крестьянства вообще, но организацію его въ данный моментъ, при данныхъ условіяхъ, когда возстаніе уже началось,—иначе говоря, необходимо приняться за «организацію возстанія», не ограничиваясь мирными организаціями.

Большинство съѣзда склонилось къ среднему рѣшенію: организоваться и приступить къ непосредственно насильственной борьбѣ съ помѣщиками и властями, но держать наготовѣ «дубину». Если учредительное собраніе созвано не будетъ, или если оно не удовлетворитъ требованій крестьянъ, то тогда «опустить дубину». «Въ случаѣ, если требованія народа не будутъ удовлетворены, говорится въ тактической резолюціи, крестьянскій союзъ прибѣгнетъ къ всеобщей земельной забастовкѣ, именно: откажетъ владѣльцамъ хозяйствъ всѣхъ наименованій въ рабочей силѣ и тѣмъ закроетъ ихъ. Для организаціи же всеобщей стачки войдетъ въ соглашеніе съ рабочимъ классомъ». «На преслѣдованіе Крестьянскаго Союза... союзъ отвѣтитъ отказомъ въ уплатѣ податей и поставки рекрутовъ и запаса, потребуетъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ свои вклады и крестьянскіе капиталы и закроетъ всѣ винныя лавки».

[1—3]) Матеріалы къ крестьянскому вопросу, стр. 43—42, 46, 50, 58, 62

На странную несообразность этихъ резолюцій указалъ тотчасъ же послѣ съѣзда г. Громанъ [1]). Дѣйствительно, союзъ соглашается платить подати, поставлять солдатъ и т. д. такому правительству, которое еще не удовлетворило требованій народа, но соглашается до тѣхъ поръ, пока не тронутъ его самого, какъ союзъ.

«Какимъ же образомъ могла пройти подобная резолюція? спрашиваетъ г. Громанъ: отвѣтъ одинъ. Ее составило то бюро, которое всячески старалось о томъ, чтобы представители крестьянства не имѣли общенія съ представителями пролетаріата, борющагося иными мѣрами» [2]). Иными словами, резолюція эта является «плодомъ антиреволюціоннаго теченія», господствовавшаго въ составѣ бюро и среди нѣкоторыхъ членовъ съѣзда, главнымъ образомъ, интеллигентовъ и крестьянъ промышленныхъ губерній.

Такое же противорѣчіе лежитъ и въ основѣ др. резолюцій ноябрьскаго съѣзда по вопросу о тактикѣ. Признавая, что «объявленныя манифестомъ 17 октября свободы и стоянно нарушаются правительствомъ,» съѣздъ тѣмъ не менѣе постановилъ «требовать» отъ того же правительства немедленнаго изданія закона, обезпечивающаго всякія свободы.

Отмѣчая эти и нѣкоторыя другія противорѣчія въ постановленіяхъ съѣзда, г. Громанъ пишетъ: «Итакъ, два теченія боролись на съѣздѣ: одно — представленное бюро и немногими делегатами, другое — подавляющимъ большинствомъ съѣзда. Первое стремилось не принимать рѣшеній о революціонной тактикѣ, второе иной, кромѣ революціонной тактики, не признавало. Но такъ какъ общія резолюціи вносились бюро, то онѣ и носятъ характеръ антиреволюціонный». Существо дѣла это, однако, не мѣняетъ, и иниціаторамъ принятыхъ рѣшеній утѣшаться нечего: «крестьянство не пойдетъ за ними», «страна охвачена революціей». Этимъ революціоннымъ настроеніемъ было проникнуто и большинство делегатовъ-крестьянъ, что особенно рѣзко сказалось въ рѣшеніяхъ относительно мѣстнаго начальства. Такъ, съѣздомъ было постановлено: 1) не представлять сельскихъ и волостныхъ приговоровъ на утвержденіе земскихъ начальниковъ; 2) ни по какимъ дѣламъ,

---

[1]) См. «Московская Газета», № 5.

[2]) Г. Громанъ намекаетъ здѣсь на принятыя бюро съѣзда мѣры для дискредитированія с.-д. въ глазахъ делегатовъ.

въ томъ числѣ и по судебнымъ, къ земскимъ начальникамъ не обращаться и 3) смѣнить всѣхъ тянущихъ руку властей крестьянскихъ должностныхъ лицъ и писарей и выбрать на ихъ мѣста людей, угодныхъ населенію и справедливыхъ.

По отношенію къ Государственной Думѣ съѣздъ вынесъ резолюцію о бойкотѣ, постановивъ: 1) не выбирать ни въ выборщики, ни въ уполномоченные; 2) считать врагами народа всѣхъ, кто будетъ принимать участіе въ выборахъ въ Государственную Думу.

Я сказалъ выше, что особенное вниманіе было удѣлено ноябрьскимъ съѣздомъ вопросамъ организаціоннымъ, однако, какихъ-либо новыхъ практическихъ указаній при этомъ выдвинуто не было: ноябрьскій съѣздъ подтвердилъ лишь постановленіе учредительнаго съѣзда объ устройствѣ губернскихъ, уѣздныхъ, волостныхъ комитетовъ, а также особенно подчеркнулъ необходимость сельскихъ комитетовъ. Далѣе, съѣздъ «призналъ желательнымъ, чтобы мѣстные комитеты союза примѣняли самообложеніе», и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ, что они должны удѣлять 20 проц. своихъ сборовъ въ пользу главнаго комитета на веденіе общихъ дѣлъ союза.

Мы видѣли, что августовскій съѣздъ, высказавшись за передачу всей земли «въ собственность народа», оставилъ открытымъ вопросъ о томъ, какъ использовать эту «общенародную» собственность. Этимъ вопросомъ занялся ноябрьскій съѣздъ, который призналъ, что пользоваться землей могутъ «только тѣ, кто трудится на землѣ самъ съ своей семьей, безъ наемнаго труда».

Нельзя не отмѣтить той наивной вѣры, которая воодушевляла крестьянскихъ депутатовъ относительно «землицы». Убѣжденіе, что земли много, что ея хватитъ всѣмъ «трудящимся», если отобрать у «господъ»,—проникало всѣ рѣчи ораторовъ. «Сколько нужно, столько и получай», говорилъ на первомъ съѣздѣ Владимірскій делегатъ. Вотъ эта-то надежда получить, при передачѣ всей земли въ «общенародную собственность», сколько нужно,— и составляла основной тонъ делегатскихъ заявленій. По этому поводу г. Романъ совершенно основательно замѣчаетъ: «Классъ самостоятельныхъ производителей, мелкихъ и среднихъ хозяйственныхъ мужичковъ, ищетъ наиболѣе удобной и выгодной ему формы земельнаго строя, находитъ ее въ правѣ каждаго желающаго обрабатывать землю, въ правѣ каждой группы лицъ и семей, сложившихся въ товарищество для веденія сельскаго хозяйства, на пользованіе землей».

Тотъ же мелкобуржуазный характеръ сказался и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напр., совсѣмъ не было обращено вниманія на вопросъ о сельскихъ рабочихъ, на вопросъ о крупномъ производствѣ въ сельскомъ хозяйствѣ, а также на вопросъ, откуда бѣдные крестьяне возьмутъ орудія производства. Не представляли делегаты себѣ также и того, что «дифференціальная земельная рента, которая останется и при переходѣ земли въ коллективную собственность, должна поступать коллективному цѣлому. Никакой платы за землю они не предвидятъ» [1]).

Вообще, нужно сказать, что «примитивность экономическаго мышленія—основной признакъ дебатовъ съѣзда» [2]).

Кромѣ указанныхъ выше вопросовъ, ноябрьскій съѣздъ обсуждалъ и нѣкоторые другіе. Такъ, напр., имъ были приняты резолюціи по поводу кронштадтскихъ событій 28 октября, по поводу объявленія Польши на военномъ положеніи, по вопросу объ еврейскихъ погромахъ и проч.

Ноябрьскимъ съѣздомъ 1905 г. закончился третій періодъ въ исторіи Всероссійскаго Крестьянскаго Союза.

Начавшіяся репрессіи заставили Союзъ снова уйти въ подполье. Благодаря этому, работа на мѣстахъ сильно затормозилась; крестьяне, вначалѣ охотно примыкавшіе къ Союзу, стали держаться отъ него въ сторонѣ. «Тайна вызываетъ сплетни и ложное освѣщеніе... Таинственность на руку черносотеннымъ элементамъ», такова причина, тормозившая, по заявленію делегата Тверской губ. на учительскомъ съѣздѣ, работу въ крестьянствѣ послѣ дней «свободы» [3]).

До настоящаго времени положеніе дѣла мало измѣнилось къ лучшему, и за истекшій годъ (1906 г.) Союзу не удалось стать руководителемъ крестьянскаго движенія, хотя бы только идейно. Лучшимъ доказательствомъ того служатъ выборы въ Государственную Думу. Тактика бойкота, о которой трактовалось въ резолюціи ноябрьскаго съѣзда, потерпѣла полное крушеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ стушевался и Крестьянскій Союзъ, какъ организація. Союзное движеніе, конечно, не прекратилось, но оно

[1-2]) «Матеріалы къ крестьянскому вопросу», стр. 14—15.

[3]) «Протоколы 2-го делегатскаго съѣзда Всероссійскаго союза учителей и т. д.»; стр. 9.

было раздроблено, разбито на отдѣльные ручейки, скрыто работавшіе то тутъ, то тамъ.

Второй делегатскій съѣздъ Союза, назначенный сперва на январь 1906 г., имѣлъ возможность собраться лишь *7—8 марта* (въ Москвѣ).

На этотъ съѣздъ прибыли делегаты отъ 18 губерній. Согласно ихъ сообщеніямъ, населеніе все еще не утратило вѣры въ возможность добиться «мирнымъ путемъ» политическихъ и земельныхъ реформъ, хотя, благодаря усилившимся репрессіямъ, болѣе и болѣе толкается на путь «дубины».

Кромѣ этого всероссійскаго съѣзда, въ концѣ 1905 г. и въ началѣ 1906 г. мѣстами удалось собрать областные, губернскіе и уѣздные съѣзды, но всѣ они, по необходимости, были обставлены весьма конспиративно и врядъ ли имѣли значительное вліяніе на работу въ крестьянствѣ.

Однимъ изъ первыхъ состоялся *Сѣверный областной съѣздъ* (29 и 30 декабря 1905 г. въ Финдляндіи), на которомъ присутствовало 22 делегата пяти губерній,—Вятской, Новгородской, Петербургской, Псковской и Тверской).

Съѣздъ этотъ находился подъ полнымъ идейнымъ вліяніемъ с.-р., присутствовавшихъ на немъ въ большомъ количествѣ съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Изъ резолюцій съѣзда отмѣтимъ прежде всего постановленіе о бойкотѣ Думы. Съ указанной цѣлью членамъ Союза рекомендовалось агитировать за составленіе мотивированныхъ приговоровъ на сельскихъ и волостныхъ сходахъ объ отказѣ участвовать въ выборахъ.

По аграрному вопросу съѣздомъ было постановлено, что «вся земля должна принадлежать всему народу и распоряжаться ею должно государство въ лицѣ выборныхъ отъ всего народа представителей. Ближайшее завѣдываніе землею должно быть предоставлено мѣстнымъ, областнымъ, губернскимъ, уѣзднымъ и т. д. выборнымъ отъ всего населенія учрежденіямъ. Въ пользованіе земля должна даваться только тѣмъ, кто самъ на ней трудится... Пользованіе землей должно быть по всей Россіи уравнительное и для этого лучшія земли должны быть обложены особымъ налогомъ. Собираемыя такимъ образомъ деньги должны итти на общественныя надобности».

Далѣе съѣздъ призналъ, что «всѣ частновладѣльческія земли должны быть отобраны... безъ какого бы то ни было выку-

па» [1]). За выкупъ высказались лишь два делегата: Псковской и Петербургской губ.

Какъ видимъ, резолюція Сѣвернаго областного съѣзда тождественна съ credo эсъ-эровъ. Вообще нужно сказать, что резолюціи, предлагавшіяся на съѣздѣ этими послѣдними, принимались гладко, не встрѣчали большихъ возраженій, и въ отношеніи самодѣятельности делегатовъ этотъ съѣздъ представляетъ значительно меньше интереса, чѣмъ августовскій и ноябрьскій съѣзды Всероссійскаго Союза.

Въ серединѣ декабря состоялся также съѣздъ уполномоченныхъ крестьянъ 26 селеній *Камышловскаго* у. Пермской губ., постановившихъ вступить во «Всероссійскій Союзъ». затѣмъ съѣзды происходили въ губ. Полтавской, Вятской и др.

Съ лѣта 1906 г. мѣстные съѣзды Крестьянскаго Союза нѣсколько участились. Такъ, въ августѣ происходилъ съѣздъ крестьянъ *Московской* губ.; въ іюнѣ состоялся въ *Одессѣ* областной съѣздъ представителей четырехъ губерній: бессарабской, курской, подольской и херсонской. На этомъ съѣздѣ было рѣшено, между прочимъ, выработать экономическія требованія съ самой подробной расцѣнкой за уборку хлѣбовъ, съ установленіемъ нормальнаго рабочаго дня, продовольствія и т. д. и предъявить эти требованія помѣщикамъ. Въ случаѣ отказа удовлетворить ихъ рѣшено устроить забастовку сельскихъ рабочихъ. Рѣшено было также поддерживать Трудовую Группу Государственной Думы [2]).

Въ августѣ въ одномъ изъ селеній александрійскаго у. происходилъ съѣздъ Крестьянскаго Союза *Екатеринославской* губ. Во время съѣзда и послѣ него въ этомъ селѣ были большіе митинги, несмотря на военное положеніе. Въ сентябрѣ состоялся крестьянскій съѣздъ въ *Мензелинскомъ* у. Съѣздъ выразилъ свою солидарность съ постановленіями съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей въ сентябрѣ 1905 г. и постановилъ присоединиться къ всероссійскому крестьянскому союзу.

Мѣстные съѣзды устраивались также въ Саратовской и др. губерніяхъ, но, какъ я сказалъ уже, широкаго значенія они не имѣли.

Съ какими трудностями приходилось встрѣчаться устроите-

---

[1]) См. Протоколы перваго сѣвернаго областного съѣзда, стр. 53—54.

[2]) См. «Вѣстникъ Народной Свободы», № 14.

лямъ крестьянскихъ съѣздовъ хорошо показываютъ между прочимъ слѣдующіе примѣры.

На 18 декабря 1905 г. въ *Вятк*ѣ былъ назначенъ второй съѣздъ представителей Крестьянскаго Союза. Собралось много крестьянъ, но губернаторъ не разрѣшилъ устроить съѣздъ. Тогда члены союза постановили собраться во что бы то ни стало, хотя бы съѣздъ пришлось охранять оружіемъ. И вотъ, съ цѣлью добыть оружіе, было произведено нападеніе на оружейный магазинъ и взято 30 винтовокъ. Когда полиція сдѣлала попытку арестовать прибывшихъ членовъ съѣзда, на защиту выступила боевая дружина и ей пришлось столкнуться съ солдатами, причемъ съ обѣихъ сторонъ оказалось 7 человѣкъ убитыми и 24 ранеными. Руководитель этой бойни, полковникъ Нестеренко, былъ убитъ послѣ «усмиренія однимъ изъ солдатъ своего батальона.

Кровавое столкновеніе имѣло мѣсто также и въ г. *Лохвицѣ* (Полтавской губ.). Здѣсь 14 декабря 1905 г. долженъ былъ состояться съѣздъ выборныхъ отъ крестьянъ всего уѣзда. Крестьяне, собравшись въ городѣ въ числѣ до 500 человѣкъ, узнали объ арестѣ одного изъ своихъ руководителей, гласнаго лохвицкаго земства г. Бедро. Съ требованіемъ освободить Бедро они окружили полицейское управленіе. Въ происшедшемъ затѣмъ столкновеніи было убито 3 и ранено 9 крестьянъ. Такая расправа возмутила крестьянъ. Посредствомъ телефона и нарочныхъ они стали созывать односельчанъ со всего уѣзда, и на слѣдующій день къ вечеру собралось въ Лохвицѣ до 10.000 крестьянъ, настаивавшихъ на освобожденіи Бедро и на разрѣшеніи съѣзда. Въ концѣ концовъ властямъ пришлось уступить и освободить Бедро; вслѣдъ затѣмъ состоялся и съѣздъ.

Итакъ, первая попытка создать единый руководящій органъ для крестьянскаго движенія не удалась. Слишкомъ поздно выступилъ «Союзъ» на сцену, когда гроза стихійнаго взрыва, погромовъ и поджоговъ, неумолимо надвигалась и была уже близка.

Въ моментъ такихъ взрывовъ условія для «органической» работы бываютъ крайне неблагопріятны, а тутъ еще на сцену выдвинулись репрессіи и преслѣдованія всѣхъ и всякаго, кто такъ или иначе стремился придать организованность и планомѣрность стихійному движенію крестьянскихъ массъ. Въ результатѣ всего этого Союзу пришлось на нѣкоторое время стушеваться.

Какъ долго продлится такое состояніе, трудно сказать. Несомнѣнно только одно, что лозунгъ «крестьянская бѣднота, объединяйся!» брошенъ въ массы и нашелъ уже мѣстами благопріятную для себя почву. Рано или поздно, мысль объ образованіи безпартійнаго союза сознательнаго крестьянства будетъ снова выдвинута ходомъ событій на первый планъ политической сцены и сыграетъ тогда крупную роль. Я сказалъ «безпартійнаго союза», потому что, при всемъ разнообразіи мѣстныхъ условій въ разныхъ частяхъ Россіи, невозможно думать о проведеніи той или другой опредѣленной программы повсюду. Симпатіи и интересы крестьянъ, положимъ, Юго-Западнаго края сильно разнятся отъ таковыхъ же у крестьянъ сѣверныхъ, восточныхъ и прочихъ губерній. Неодинаковая нужда въ землѣ, несходныя условія землепользованія и т. д. и т. д. — все это создаетъ у насъ не одинъ крестьянскій вопросъ, а много *крестьянскихъ вопросовъ*.

Но у всѣхъ крестьянъ, несмотря на разнообразіе ихъ экономическаго положенія и ближайшихъ интересовъ, имѣется однако и общая цѣль, заключающаяся въ широкомъ демократическомъ преобразованіи государственнаго и общественнаго строя жизни. Поэтому, если Крестьянскій союзъ, какъ Всероссійская организація, возродится, то это будетъ *политическимъ союзомъ мелкой демократіи*.

Платформа такого Союза должна объединить и общинниковъ черноземной полосы, и подворныхъ собственниковъ западныхъ, южныхъ и малороссійскихъ губерній. Ни одна изъ существующихъ партій не можетъ претендовать взять въ свои руки это многостороннее движеніе, но всѣ онѣ будутъ несомнѣнно оказывать большее или меньшее вліяніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, и соотвѣтственно съ этимъ опредѣлится степень ихъ вліянія во Всероссійскомъ Союзѣ.

ГЛАВА VI.

Какъ я уже говорилъ выше, крестьянскія волненія послѣ взрыва въ февралѣ и мартѣ 1905 г. не прекратились. То тамъ, то тутъ вспыхивали «недоразумѣнія», кое-гдѣ происходили единичные поджоги владѣльческихъ усадебъ, кое-гдѣ бастовали

сельскіе рабочіе, мѣстами совершались потравы, порубки и т. п. явленія.

Для борьбы съ этимъ движеніемъ правительство мобилизовало всю свою полицейскую силу, но «успокоенія» въ средѣ населенія она не только не внесла, но разжигала страсти еще болѣе. Само правительство не могло не видѣть этого. Но что же было имъ предпринято для предотвращенія надвигавшейся волны, для «успокоенія» населенія, кромѣ полицейскихъ мѣръ?

Не утративъ все еще вѣры въ канцелярскія средства, правительство продолжало разрабатывать въ различныхъ департаментахъ, комиссіяхъ и совѣщаніяхъ вопросы «землеустройства» и призывало населеніе вѣрить въ плодотворность этихъ работъ и «спокойно ждать» ихъ окончанія. Такъ, работавшая въ то время комиссія д. т. с. Горемыкина («Особое совѣщаніе о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія») нашла необходимымъ разослать лѣтомъ 1905 г. по волостямъ циркуляръ, которымъ крестьянское населеніе «поставлялось въ извѣстность, что выбранные довѣренные крестьяне будутъ призваны... для составленія совѣщанію отвѣтовъ и объясненій по подлежащимъ обсужденію Совѣщанія вопросамъ, касающимся землеустройства и хозяйственнаго быта разныхъ родовъ крестьянскаго населенія государства». «Самый вызовъ крестьянъ, говорилось въ этомъ воззваніи, предполагается осенью текущаго года, когда работы совѣщанія будутъ достаточно къ тому подготовлены».

Это воззваніе, какъ и другія обращенія правительства къ населенію по земельному вопросу, лишь укрѣпляло надежды крестьянъ на прирѣзку земли, надежды, которыя само правительство не хотѣло, да и не могло удовлетворить. Мало того, эти воззванія не вносили въ крестьянскую среду даже небольшого, хотя бы временнаго успокоенія и не могли заставить крестьянъ «ждать спокойно» приглашенія какихъ-то «довѣренныхъ» въ какую то комиссію для какого-то «землеустройства».

И какъ можно было разсчитывать на «спокойное благоразуміе» крестьянъ, когда надвигался грозный голодъ, который и для привычнаго къ недородамъ крестьянина являлся чрезвычайнымъ. Само правительство смутно предчувствовало возможность голоднаго стихійнаго взрыва осенью, но оно, по обыкновенію, не дооцѣнило положеніе дѣла.

Какъ извѣстно, *въ 1905 г.* серьезный *неурожай охватилъ 25 губерній*, на пространствѣ которыхъ «недородомъ» озимыхъ

хлѣбовъ было затронуто 150 уѣздовъ [1]). По приблизительному подсчету, населеніе пострадавшихъ мѣстностей составляло около 20 милліоновъ душъ о. п. При этомъ по своей интенсивности неурожай мѣстами значительно превосходилъ неурожай 1891—1892 г.г. [2]).

Всѣмъ памятна та враждебность, съ которой правительство относилось всегда къ заявленіямъ мѣстныхъ властей, земствъ, печати и т. д. о неурожаѣ. Одно время газетамъ запрещалось даже писать что-либо о «недородахъ», какъ именуются на бюрократическомъ языкѣ неурожаи. Словомъ, все всегда обстояло благополучно, а потому говорить о голодѣ, а тѣмъ паче помогать голодающимъ,—значило подрывать основы и колебать престижъ власти.

Подозрительность бюрократіи заставила ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ (12 іюня 1900 г.) изъять продовольственное дѣло изъ рукъ земскихъ собраній и передать въ полное распоряженіе чиновничьихъ канцелярій—губернскихъ присутствій и уѣздныхъ съѣздовъ земскихъ начальниковъ.

Такова была политика правительства до злополучнаго 1905 г.

Начавшіяся съ весны этого года крестьянскія волненія и въ особенности угроза усиленія этихъ волненій вслѣдствіе «недорода» побудили и правительство измѣнить курсъ. На этотъ разъ неурожай уже не замалчивался имъ; наоборотъ, онъ былъ признанъ «исключительнымъ» и «вызывающимъ необходимость въ принятіи самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для оказанія помощи пострадавшему населенію» [3]).

Съ другой стороны, не полагаясь на свои канцеляріи, правительство обратилось за содѣйствіемъ земствъ, которыя 5 лѣтъ тому назадъ были отстранены имъ отъ продовольственнаго дѣла.

То же междувѣдомственное совѣщаніе, постановленіе котораго цитировалось нами выше, высказалось за предоставленіе «широкаго простора мѣстнымъ учрежденіямъ» въ дѣлѣ организаціи продовольственной помощи населенію.

---

[1]) Всѣ уѣзды пострадали въ слѣдующихъ губерніяхъ: Воронежской, Казанской, Калужской, Новгородской, Пензенской, Петербургской, Псковской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Херсонской. Въ остальныхъ 12 губерніяхъ пострадали нѣкоторые уѣзды.

[2]) См. «Извѣстія Общеземской Организаціи», № 1, стр. 2—3.

[3]) Слова постановленія междувѣдомственнаго совѣщанія въ Петербургѣ 25—27 августа 1905 г.

Высшее правительство не только одобрило это заключеніе, но—о, ужасъ!—пошло еще дальше и стало оказывать поддержку крамольной и полулегальной «Общеземской Организаціи». Для продовольственной кампаніи 1905—06 г. г. было отпущено имъ въ распоряженіе этой организаціи 2 мил. руб. Кромѣ того въ распоряженіе земствъ отдѣльныхъ губерній было ассигновано 12.129.272 рубля и изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала израсходовано на заготовку хлѣба 57.775.267 рублей [1]).

Общія усилія министерства, земскихъ учрежденій и Краснаго Креста были однако слишкомъ недостаточны для того, чтобы водворить въ средѣ голодающихъ «спокойствіе». На почвѣ неурожая и голодовки недовольство крестьянской массы все росло, и уже въ началѣ осени появились тревожные симптомы въ видѣ участившихся поджоговъ въ наиболѣе затронутыхъ неурожаемъ губерніяхъ, особенно въ Саратовской.

Но все это мало привлекало вниманіе правительства и общества, такъ какъ никто не предвидѣлъ, что черезъ нѣсколько недѣль вспыхнетъ такой пожаръ возстанія въ деревнѣ, какого исторія давно уже не видѣла.

Возстаніе началось въ серединѣ октября, почти одновременно въ нѣсколькихъ губерніяхъ, и затѣмъ съ огромной силой перекинулось на большое пространство, охвативъ *въ концѣ октября и въ теченіе ноября около 140 уѣздовъ* въ 27 губерніяхъ, не считая Кавказа, Польши и Прибалтійскаго Края.

За это время было сожжено, «разобрано» и вообще уничтожено свыше 2000 усадебъ, причемъ убытки помѣщиковъ только по 10 наиболѣе затронутымъ губерніямъ опредѣляются, по оффиціальнымъ даннымъ, *въ 29 милліоновъ рублей.*

По размѣрамъ убытковъ эти губерніи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

1.	Саратовская . . .	9.550.320 руб.
2.	Самарская . . .	3.915.012 »
3.	Курская	3.052.148 »
4.	Черниговская . .	3.000.500 »
5.	Тамбовская . . .	2.475.608 »
6.	Херсонская . . .	1.778.900 »
7.	Воронежская . .	1.018.314 »

[1]) См. «Извѣстія Общеземской Организаціи» № 6, стр. 54—55.

8. Екатеринославская	775.000	руб.
9. Орловская . .	744.663	»
10. Полтавская . . .	592.000	»
11. Пензенская . . .	542.150	»
12. Симбирская . . .	420.550	»
13. Могилевская . .	411.000	»
14. Витебская . . .	283.000	»
15. Тульская . . .	99.470	»
16. Нижегородская .	99.425	»
17. Казанская . . .	75.000	»
18. Смоленская . . .	35.150	»
19. Бессарабская . .	4.540	»
Итого	28.812.865	руб.

Что касается количества разрушенныхъ помѣщичьихъ усадебъ, то мы не имѣемъ до сихъ поръ точныхъ и подробныхъ данныхъ по всѣмъ мѣстностямъ, а лишь весьма приблизительныя и притомъ только для нѣкоторыхъ уѣздовъ и губерній.

На основаніи этихъ данныхъ (во всякомъ случаѣ минимальныхъ) количество разгромленныхъ усадебъ составляетъ:

Въ Саратовской губ.	272
« Тамбовской «	130
« Орловской «	84
« Пензенской «	30
« Курской «	127
« Верхнеднѣпров. у.	66
« Борисовскомъ «	50
« Волчанскомъ «	33
« Днѣпровскомъ «	30
« Черниговскомъ «	25
« Курмышскомъ «	20
« Прибалтійскомъ краѣ . . .	260

Отъ этихъ общихъ цифръ перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ губерніямъ и посмотримъ, какъ возникло въ нихъ движеніе и при какихъ условіяхъ затѣмъ развивалось оно.

Саратовская губ. Здѣсь движеніе возникло прежде всего въ уѣздахъ: Аткарскомъ, Сердобскомъ и Балашовскомъ. Позднѣе оно перешло въ уѣзды: Петровскій, Кузнецкій и Саратовскій,

попадивъ на этотъ разъ остальные,— Вольскій, Камышинскій, Хвалынскій и Царицынскій.

Въ Аткарскомъ у. (наиболѣе пострадавшемъ отъ неурожая) крестьяне еще съ ранней осени, не дождавшись сѣмянъ для обсѣмяненія полей, начали самовольно разбирать хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ и цѣлыми обществами увозить хлѣбъ изъ помѣщичьихъ амбаровъ. Кос-какъ отсѣявшись, крестьянство успокоилось на нѣкоторое время. Скоро однако далъ знать о себѣ голодъ, и деревня всколыхнулась: началась усиленная «разборка» экономій, а затѣмъ съ 10 октября вспыхнули и пожары, уничтожившіе въ теченіе октября и ноября свыше 40 усадебъ. Кромѣ того у многихъ владѣльцевъ былъ разграбленъ хлѣбъ, затѣмъ сожжено не мало винныхъ лавокъ и т. д.

Помѣщикамъ дозволялось уѣзжать безпрепятственно, и случаевъ насилія надъ ними не было.

Въ Балашовскомъ у. пожары начались около 15 октября, достигнувъ наибольшей силы съ 22 по 30 октября. Порядокъ разгрома былъ вездѣ одинъ и тотъ же: сначала развозили хлѣбъ и угоняли скотъ, затѣмъ жгли постройки и домъ, унося все, что попадало подъ руку. Съ мелкими экономіями справлялись въ одинъ день, крупныхъ хватило и на нѣсколько дней. Насилій надъ личностью и здѣсь точно также не было.

Въ общемъ разгромлено въ Балашовскомъ у. около 40 усадебъ.

Въ Сердобскомъ у. разгромы начались 24 октября, съ экономіи кн. Волконской, при с. Владыкинѣ. Отсюда толпа направилась въ разныя стороны, увеличиваясь по пути крестьянами окрестныхъ деревень, громить помѣщиковъ Сердобскаго и смежнаго Балашовскаго у. у.

Позднѣе, въ концѣ октября и въ началѣ ноября, движеніе возникло и въ др. уѣздахъ Саратовской губ., причемъ въ Петровскомъ и Кузнецкомъ у. у. оно приняло широкіе размѣры, а въ Саратовскомъ дѣло ограничилось сравнительно немногими случаями.

Всѣ корреспонденціи изъ Саратовской губ. единодушно отмѣчаютъ то обстоятельство, что непосредственнымъ толчкомъ къ движенію послужилъ полный неурожай хлѣбовъ. При этомъ движеніе возникло и развивалось чисто стихійно, безъ всякаго руководства революціонныхъ партій. Отрицать вліяніе этихъ послѣднихъ, конечно, нельзя, но его не приходится вмѣстѣ съ тѣмъ оцѣнивать слишкомъ высоко.

Точно также и непосредственной связи съ происходившимъ въ то время движеніемъ въ городахъ крестьянское движеніе здѣсь не имѣло. Большинство населенія, по свидѣтельству корреспондентовъ, было почти незнакомо даже съ манифестами 6 августа и 17 октября 1905 г. Такъ что, когда возникли погромы, губернаторъ, желая скорѣе прекратить движеніе, разослалъ черезъ полицейскія управленія сотни экземпляровъ манифеста и собственныхъ воззваній къ населенію.

Послѣ 2—3 недѣль власти, сначала была растерявшіяся, овладѣли движеніемъ и подавили его.

Въ началѣ ноября прибылъ ген.-ад. Сахаровъ съ чрезвычайными полномочіями. О прибытіи этого «царскаго посла» было возвѣщено губернаторомъ по всѣмъ волостямъ, а скоро населеніе и само убѣдилось въ прибытіи «посла» и его миссіи. Повсюду начались расправы надъ примирѣвшими уже крестьянами. Казаки, полиція, земскіе начальники и т. д. спѣшили вознаградить себя за растерянность во время погромовъ. Въ телеграммѣ губ. земской управы Сахарову, по поводу усмиреній въ Балашовскомъ у., говорилось, что «казаки бьютъ, калѣчатъ, грабятъ, насилуютъ женщинъ, убиваютъ». Въ с. Дурникинѣ, напр., было убито 4 и ранено 10 крестьянъ; въ с. Чернавкѣ пьяные казаки изнасиловали беременную женщину; тамъ же были изнасилованы дѣвочки 13—15 лѣтъ и т. д.

Такую же картину «усмиреній» рисовали и корреспондентскія сообщенія изъ различныхъ мѣстъ губерніи. Массовое сѣченіе, многочисленные аресты и т. д. и т. д.—вотъ однообразная, но ужасная картина усмиреній, когда движеніе уже прекратилось и въ средѣ самого населенія наступила естественная реакція.

Послѣ убійства, по постановленію боевой организаціи с.-р., ген.-ад. Сахарова (22 ноября), руководство усмиреніями перешло къ ген.-ад. Максимовичу, продолжавшему еще долгое время «усмирять» покорившихся крестьянъ.

Къ серединѣ ноября движеніе въ Саратовской губ. почти вездѣ прекратилось и не возобновлялось до апрѣля 1906 г.

Въ *Самарской* и *Симбирской* губ. движеніе (около середины ноября) носило въ общемъ такія же формы, какъ и въ сосѣдней Саратовской губ., хотя поджоговъ было гораздо меньше и дѣло по большей части ограничивалось разгромомъ и увозомъ хлѣба изъ экономій. Лишь въ Бугульминскомъ, Курмышскомъ и Сызранскомъ у. у. поджоги имѣли массовый характеръ.

Въ *Тамбовскую* губ. движеніе перекинулось изъ сосѣднихъ уѣздовъ Саратовской губ. и началось сперва въ Кирсановскомъ у., затѣмъ перешло въ у. у.: Тамбовскій, Борисоглѣбскій и Козловскій. Гораздо меньше былъ затронутъ Моршанскій у. Отдѣльные случаи поджоговъ были также въ у. у.: Спасскомъ, Шацкомъ, Елатомскомъ и Липецкомъ.

Общій характеръ движенія здѣсь былъ такой же, какъ и въ Саратовской губ.: крестьяне разбирали хлѣбъ изъ помѣщичьихъ амбаровъ, затѣмъ жгли постройки, усадьбы и т. д. Вреда личности помѣщиковъ не причиняли.

Всего было разрушено: въ Тамбовскомъ у. болѣе 20 усадебъ, въ Козловскомъ около 60, въ Кирсановскомъ около 25, а въ общемъ по губерніи около 130 усадебъ.

Руководство усмиреніями находилось здѣсь въ рукахъ вице-губернатора Богдановича и его ближайшаго помощника, совѣтника губернскаго правленія Луженовскаго. Оба они были убиты революціонерами, мстившими за карательныя экспедиціи и звѣрства надъ беззащитнымъ населеніемъ. Оба этихъ «экспедиціяхъ» писалось много [1]) и память о нимъ слишкомъ ярко живетъ въ широкихъ кругахъ общества, чтобы стоило распространяться на этотъ счетъ. Всюду одна и та же картина: насилія, истязанія и пр. и пр. Каждая корреспонденція, каждое сообщеніе объ этихъ экспедиціяхъ начиналось или сопровождалось стереотипной фразой: «мучительно описывать подробности», «жгучее чувство негодованія поднимается въ душѣ» и т. д.

Полтавская губ. То, что въ Тамбовской губ. совершали г.г. Богдановичи и Луженовскіе, пристава Ждановы, урядники Рыжовы, то въ Полтавской губ. съ успѣхомъ выполняли г.г. Фидяновы.

Здѣсь движеніе не получило осенью 1905 г. широкаго размаха, ограничившись почти исключительно слѣдующими уѣздами: Прилукскимъ, Пирятинскимъ, Кременчугскимъ и Роменскимъ. Возникло оно тутъ около 8 ноября и закончилось ноябрю къ 25.

Наиболѣе сильное движеніе происходило въ Пирятинскомъ у., гдѣ было разгромлено нѣсколько крупныхъ имѣній и значительное количество болѣе мелкихъ. Въ Прилукскомъ у. было

---

[1]) См., напр., статьи Е. Ганейзера въ «Народной Свободѣ»; статью А. Петрищева въ «Русскомъ Богатствѣ» и т. д.

сожжено 5 крупныхъ экономій, причемъ хлѣбъ и имущество увезены крестьянами.

Несмотря на такіе сравнительно небольшіе размѣры движенія, въ ходъ были пущены самыя жестокія мѣры, не столько, правда, «пресѣченія», сколько устрашенія. Объ избіеніяхъ, сѣченіяхъ и т. под. мѣропріятіяхъ нечего, конечно, и говорить: онѣ были въ полномъ ходу. Совѣтникъ губернскаго правленія Филоновъ, руководившій экзекуціями, былъ убитъ въ отмщеніе за усмирительныя дѣйствія [1]).

Въ *Курской* губ. разгромы начались позже, чѣмъ въ Саратовской и вообще приволжскихъ губерніяхъ, и происходили, главнымъ образомъ, въ періодъ съ 10 по 25 ноября.

Здѣсь движеніе возникло въ первыхъ числахъ ноября въ Новооскольскомъ у., а затѣмъ перешло въ у. у.: Дмитровскій, Суджанскій, Старооскольскій, Рыльскій, Курскій, Щигровскій, Грайворонскій и Путивильскій. Въ остальныхъ 8 уѣздахъ движеніе не имѣло массового характера.

Сильнѣе всѣхъ пострадалъ Новооскольскій у., гдѣ были уничтожены почти всѣ крупныя экономіи (съ 1 по 7 ноября сожжено 38 усадебъ); затѣмъ Старооскольскій и Суджанскій у. у.

Усмиреніями въ Курской губ. руководилъ вначалѣ ген.-ад. Дубасовъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи славу на посту московскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ начальствованіе перешло къ ген.-ад. Пантелѣеву, который началъ свою миссію съ воззванія къ населенію. Въ этомъ воззваніи онъ призывалъ крестьянъ, «дерзнувшихъ посягнуть на чужую собственность, немедленно прекратить всякое преступное насиліе, воспрещенное. какъ законами, такъ и нашей святой православной вѣрой», и выражалъ увѣренность, что «всѣ честные, благомыслящіе, вѣрующіе въ Бога и преданные царю и родинѣ» окажутъ ему «непоколебимое вѣрное содѣйствіе».

Аресты, сѣченіе и проч. практиковались и здѣсь при «возстановленіи порядка», но они не приняли тутъ такого разгульнаго характера, какъ, напр., въ Саратовской и Тамбовской губ.

Въ *Орловской* губ. движеніе началось въ концѣ ноября и охватило преимущественно уѣзды: Малоархангельскій, Дмитровскій, Кромскій и Сѣвскій. Всего въ губерніи разгромлено до 84 имѣній, но поджоговъ было сравнительно немного.

---

[1]) См. статью В. Г. Короленко въ «Русскомъ Богатствѣ».

Въ *Черниговской* губ. аграрныя волненія начались еще въ 20-хъ числахъ октября и выразились главнымъ образомъ въ сожженіи и разграбленіи усадебъ въ уѣздахъ: Городнянскомъ, Суражскемъ и Стародубскомъ. Менѣе пострадали уѣзды: Черниговскій, Новозыбковскій, Сосновицкій и Нѣжинскій.

Мѣстами здѣсь крестьяне начинали громить еврейское имущество, но погромы пріостанавливались подъ вліяніемъ болѣе сознательныхъ крестьянъ.

Въ *Харьковской* губ. броженіе началось также въ концѣ октября, разгромы же впервые вспыхнули 21 ноября въ Волчанскомъ у. За короткій промежутокъ времени въ этомъ уѣздѣ было разрушено свыше 30 имѣній, при чемъ были сожжены огромныя мельницы Попова, Стрекалова и др.

Въ Волчанскомъ у., какъ, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ, аграрное движеніе проходило съ большой примѣсью хулиганства. Хулиганы, совмѣстно съ полиціей, громили здѣсь сектантовъ; были также убиты два земскихъ врача и нѣсколько руководителей движенія. Со стороны же собственно крестьянъ не было насилій надъ личностью помѣщиковъ.

Изъ Волчанскаго у. волненія перешли въ уѣзды: Зміевскій, Лебединскій, Изюмскій, но тутъ случаи поджоговъ и разгромовъ были лишь единичными.

Въ *Пензенской* губ. движеніе возникло въ ноябрѣ и вылилось въ форму поджоговъ и погромовъ. Въ общемъ, здѣсь сожжено нѣсколько десятковъ усадебъ.

Въ *Воронежской* губ. погромы и поджоги не носили характера взрыва, а совершались постепенно въ теченіе второй половины ноября и первой половины декабря. Въ итогѣ, однако, сожжено и разрушено порядочное количество имѣній въ уѣздахъ: Землянскомъ, Коротоякскомъ, Валуйскомъ, Бирюченскомъ и Павловскомъ.

Въ *Екатеринославской* губ. движеніе носило въ общемъ такой же характеръ, какъ и въ Саратовской, Тамбовской и т. д. губ., но началось оно значительно позже—въ декабрѣ 1905 г.

Сильнѣе всего оно проявилось въ Верхнеднѣпровскомъ у. (сожжено около 66 усадебъ). Въ остальныхъ уѣздахъ движеніе было гораздо слабѣе. Разгромы не имѣли тамъ массоваго характера.

Въ *Херсонской* и *Таврической* губ. волненія возникли въ декабрѣ и ограничились почти исключительно Днѣпровскимъ и Александрійскимъ у.у., а также въ меньшихъ размѣрахъ:

Херсонскимъ и Одесскимъ. Въ Днѣпровскомъ у. было сожжено и разгромлено до 30 экономій, въ томъ числѣ много крупныхъ. Въ Александрійскомъ у. разрушено около 20 усадебъ. Кое-гдѣ толпы крестьянъ принимались громить еврейскія лавки, но движеніе это не получило развитія[1]). Крупное движеніе имѣло мѣсто также въ губерніяхъ *Витебской* и *Могилевской*.

Въ остальныхъ мѣстностяхъ погромное движеніе не приняло осенью 1905 г. широкаго характера и выразилось въ единичныхъ вспышкахъ. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (въ у.у.: Чистопольскомъ, Московскомъ, Тверскомъ и др.) были случаи поджоговъ и разгромовъ усадебъ, а въ другихъ движеніе вылилось въ форму порубокъ (въ губерніяхъ: Смоленской, Казанской, Пермской, Нижегородской, Новгородской, Гродненской, Рязанской, Бессарабской и др.) и отказа платить подати (въ Петербургской, Владимірской, Ярославской и Московской губ.).

Въ общемъ все *движеніе носило болѣе организованный характеръ въ губерніяхъ промышленнаго района.* Наоборотъ, погромы и поджоги нашли для себя хорошую почву въ черноземной полосѣ центра и востока.

Было нѣсколько причинъ, обусловившихъ такое территоріальное расположеніе различныхъ формъ движенія.

Главная изъ нихъ — это несомнѣнно бо́льшая острота земельной и проч. нужды въ «житницѣ» Россіи, въ губерніяхъ черноземной полосы. Малоземелье, неурожаи, вѣчныя голодовки, кабальныя условія аренды и т. п.—все это создало особенно благопріятную почву для стихійнаго взрыва долго накапливавшагося недовольства.

Въ нечерноземной полосѣ положеніе крестьянъ также далеко отъ сколько-нибудь сноснаго, но здѣсь нужда не такъ обострена, благодаря стороннимъ заработкамъ, съ одной стороны, и благодаря болѣе высокой культурѣ крестьянскихъ хозяйствъ, съ другой стороны.

Это послѣднее обстоятельство имѣетъ важное значеніе потому, главнымъ образомъ, что устраняетъ рѣзкія колебанія урожаевъ, дѣлаетъ хозяйство менѣе зависимымъ отъ перемѣны погоды

---

[1]) Интересно отмѣтить, что Ново-Петровскій сходъ Тираспольскаго у. постановилъ исключить изъ общества и выслать 14 крестьянъ-однообщественниковъ, участвовавшихъ въ еврейскомъ погромѣ.

и д. т. Въ общемъ, несмотря на плохое качество почвы, въ нечерноземной полосѣ земля даетъ въ среднемъ приблизительно такой же урожай, какъ и въ богатыхъ черноземныхъ земляхъ восточныхъ, малороссійскихъ и др. губерніяхъ. Дѣйствительно, урожайность одной десятины составляетъ въ среднемъ за большой періодъ времени (въ пудахъ): [1])

Черноземная полоса:

	озимь	ярь
Самарская губ. . . .	37	34
Орловская » . . .	37	36
Саратовская » . . .	39	37
Тульская » . . .	39	47
Курская » . . .	42	40
Рязанская » . . .	44	49
Харьковская » . . .	46	45
Воронежская » . . .	47	47
Пензенская » . . .	48	43
Тамбовская » . . .	48	45
Полтавская » . . .	48	47
Черниговская » . . .	49	46

Нечерноземная полоса:

	озимь	ярь
Владимірская » . . .	39	39
Тверская » . . .	41	42
Калужская » . . .	42	38
Костромская » . . .	42	42
Московская » . . .	45	44
Нижегородск. » . . .	47	43
Смоленская » . . .	47	51
Олонецкая » . . .	43	47
Псковская » . . .	41	43
Вологодская » . . .	44	43
Ярославская » . . .	55	49
Новгородская » . . .	39	43

Какъ видимъ, разница не слишкомъ велика между урожайностью въ томъ и др. районѣ. При этомъ въ нѣкоторыхъ черноземныхъ губерніяхъ (Самарской, Орловской, Саратовской, Туль-

[1]) См. «Матеріалы комиссіи 16 ноября 1901 г.».

ской, Курской) урожаи даже ниже, чѣмъ въ нечерноземной полосѣ. Кромѣ того колебанія урожаевъ въ этой послѣдней бываютъ несравненно меньше, и сильные неурожаи здѣсь болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ.

Въ 1905 г. Саратовская, Самарская и др. губерніи черноземной полосы были постигнуты сильнѣйшимъ «недородомъ»: мѣстами удалось едва-едва собрать сѣмена.

Въ 1906 г. неурожай въ этихъ губерніяхъ повторился опять приблизительно въ такомъ же размѣрѣ[1]).

Вотъ такихъ именно рѣзкихъ обостреній нужды и не бываетъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ. Дефицитъ отъ неурожая восполняется здѣсь, кромѣ того, отчасти промышленными заработками.

Кромѣ всего этого не слѣдуетъ забывать, что деревня промышленнаго района имѣетъ больше общенія съ городскими рабочими и болѣе подвержена вліянію этихъ послѣднихъ и такимъ образомъ въ движеніе вносится больше планомѣрности и организованности.

Въ октябрьскіе дни 1905 г. это выразилось въ томъ, что волненія крестьянъ не приняли характера погромовъ и поджоговъ, а проявились, съ одной стороны, въ формѣ отказа отъ платежа повинностей, а съ другой — въ рядѣ политическихъ митинговъ и демонстрацій. Ни того, ни другого—за единичными исключеніями—не наблюдалось въ мѣстностяхъ, охваченныхъ погромами и поджогами.

Крестьянскіе митинги въ дни октябрьскихъ «свободъ» и вообще въ теченіе конца 1905 г. и начала 1906 г. имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ губерніяхъ: Нижегородской, Ярославской, Владимірской, Костромской, Московской и Петербургской, а также отчасти въ Волынской, Пермской и др.

По сообщенію «Нижегородскаго Листка» въ Нижегородскомъ у. митинги устраивались и проходили весьма оживленно въ концѣ октября. Такъ, напр., были митинги въ с.с. Вередѣевѣ, Черпухѣ, Ликѣевѣ, Воскресенскомъ и др.—Всюду на нихъ разбирался вопросъ о Государственной Думѣ, о положеніи крестьянъ, о задачахъ текущаго момента и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ митинги устраивались по иниціативѣ «интеллигентовъ», въ другихъ же руководство принадлежало партійной организаціи с.-д.

[1]) Въ 1906 г. охвачено полнымъ неурожаемъ 130 уѣздовъ въ 29 губерніяхъ, при этомъ для 88 уѣздовъ онъ является повторнымъ.

Такія же собранія устраивались въ большомъ количествѣ въ Московской губ., а также въ Ярославской, Костромской и Петербургской.

Другимъ райономъ митинговаго движенія въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 г. явилась Область Войска Донского и смежныя части Екатеринославской губ., т. е. опять-таки та мѣстность, гдѣ погромнаго движенія не наблюдалось.

Въ Донской Области въ ноябрѣ происходилъ цѣлый рядъ митинговъ, на которыхъ между прочимъ выступалъ одинъ изъ организаторовъ Крестьянскаго Союза Мазуренко. Какъ гласитъ обвинительный актъ по дѣлу г. Мазуренко, этотъ послѣдній убѣждалъ крестьянъ выступить на борьбу съ правительствомъ и не платить податей, не давать новобранцевъ, порвать сношенія съ должностными лицами, приговоровъ не представлять на утвержденіе, а также отчислять 20% волостныхъ сборовъ въ пользу Крестьянскаго Союза. Если же и несмотря на это правительство будетъ упорствовать въ созывѣ Учредительнаго Собранія, то крестьяне должны разверстать между собой землю помѣщиковъ и весной приступить къ распахиванію ея, платя помѣщикамъ аренду по своему усмотрѣнію[1]).

Агитація эта встрѣчала большое сочувствіе крестьянъ. Когда, напр., братья Мазуренко были арестованы, отъ сельскихъ обществъ стали поступать приговоры съ выраженіемъ сочувствія и съ требованіемъ освобожденія ихъ. Такъ, напр., въ приговорѣ слободы Криворожья говорится слѣдующее: «Во всѣ скорбные для насъ дни тюремнаго заключенія братьевъ Мазуренко постановляемъ совершенно не пить водки и не допускать торговли водкой. Чтобы выяснить, кто изъ нашихъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ потребовалъ ареста братьевъ М., теперь же предложить имъ созвать окружной съѣздъ и сдѣлать постановленіе о немедленномъ освобожденіи изъ тюрьмы нашихъ уполномоченныхъ. Землевладѣльцевъ, не подписавшихся подъ этимъ заявленіемъ, мы объявимъ подъ бойкотомъ, приговорами постановимъ навсегда порвать съ ними всякія сношенія. Съ 1-го января с. г. до принятія дворянами и землевладѣльцами требуемаго нами постановленія отбираемъ отъ нихъ всѣхъ нашихъ рабочихъ и всю домашнюю прислугу» [2]).

---

[1]) См. «Русскія Вѣдомости» 1903 г., № 34.
[2]) Тамъ же, № 15.

Всего приговоровъ было составлено свыше 20. Содержаніе всѣхъ ихъ приблизительно одно и то же.

Митинговое движеніе имѣло мѣсто также въ юго-западномъ и западномъ краѣ (волынская, минская и др. губ.); слабѣе оно было на югѣ (херсонская губ.) и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ въ губерніяхъ, охваченныхъ поджогами и погромами. Такъ, напр., въ аткарскомъ у. состоялись митинги крестьянъ Графчинскаго общества, Б.-Дмитріевки, Юнгеровки, Ключей; въ с. Поповкѣ саратовскаго у. была устроена 20 октября демонстрація. Такая же демонстрація съ красными флагами имѣла мѣсто въ с. Голицынѣ саратовскаго у. [1]).

Начавшееся было такимъ образомъ мирное движеніе скоро отступило на задній планъ подъ напоромъ стихійнаго взрыва, такъ что о митингахъ, демонстраціяхъ и т. п. надолго ничего не было слышно.

Репрессіи, послѣдовавшія вслѣдъ за погромами и распространившіяся на всю Россію, сдѣлали крайне затруднительнымъ устройство митинговъ, образованіе союзовъ и т. п. попытки организовать движеніе и придать ему большую сознательность. «Противоправительственной» пропагандѣ пришлось еще разъ уйти въ подполье и уступить мѣсто пропагандѣ «правительственной», цѣлью которой было разрушить всякія зародыши организованности въ движеніи и тѣмъ самымъ толкнуть крестьянъ на новый стихійный взрывъ.

Агитація въ этомъ направленіи велась очень усиленно высшимъ правительствомъ и мѣстнымъ начальствомъ. Мы уже говорили о просвѣтительно-карательныхъ экспедиціяхъ гг. Луженовскихъ, Богдановичей, Филоновыхъ и т. д. Эти экспедиціи являлись на мѣсто возстанія тогда, когда движеніе уже затихало, такъ что имъ оставалось лишь «карать» и «усмирять» смирившихся крестьянъ. Нечего и говорить о томъ, какое большое агитаціонное значеніе имѣло это «общеніе» власти (въ лицѣ полиціи, казаковъ и т. д.) съ населеніемъ.

Мѣстные власти дѣйствовали, конечно, въ направленіи, указанномъ свыше, и осуществляли «виды правительства». Какъ извѣстно, еще 31 октября 1905 г. состоялось высочайшее повелѣніе о командированіи въ саратовскую, черниговскую и тамбовскую губ. генералъ-адъютантовъ, снабженныхъ чрез-

---

[1]) Отдѣльные случаи устройства митинговъ имѣли мѣсто также въ Самарской, Тульской и др. губерніяхъ.

вычайными полномочіями. Впослѣдствіи генералъ-адъютанты были командированы также и въ другія губерніи (пензенскую, орловскую, курскую). Этимъ «царскимъ посламъ» ввѣрялось главное начальствованіе надъ всѣми войсками и полиціей въ предѣлахъ означенныхъ губерній. Имъ подчинялись также гражданскія учрежденія, за исключеніемъ судебныхъ и государственнаго контроля. Наконецъ, они имѣли право примѣнять цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, начиная съ арестовыванія «всѣхъ лицъ, признанныхъ ими опасными для общественнаго порядка и спокойствія».

Когда «порядокъ и спокойствіе» были болѣе или менѣе водворены, миссія генералъ-адъютантовъ кончалась, но правительственный терроръ въ деревняхъ и селахъ не прекратился. Съ того времени возставшія губерніи продолжаютъ состоять на исключительномъ положеніи и находиться подъ управленіемъ различныхъ генералъ-губернаторовъ.

На почвѣ такихъ условій пышно распустилась правительственная агитація словомъ и дѣломъ. Образчикъ такой агитаціи былъ указанъ нами выше, когда мы говорили о подвигахъ черниговскаго жандармскаго полковника Рудова, по приказанію котораго, за невыдачу «зачинщиковъ», сжигались крестьянскія гумна и постройки (въ суражскомъ уѣздѣ въ январѣ 1906 г.).

Агитаціей «словомъ» занялся, между прочимъ, и кременчугскій генералъ-губернаторъ Штеричъ. Объѣзжая уѣздъ, онъ произносилъ къ населенію рѣчи и раздавалъ брошюру подъ заглавіемъ: «Приказъ по временному генералъ-губернаторству гор. Кременчуга, посада Крюкова и уѣзда крестьянамъ и казакамъ уѣзда». Въ этомъ «приказѣ» говорилось, между прочимъ, о томъ, что «главнѣйшей заботой государей было счастье и благополучіе ихъ вѣрноподданныхъ народовъ». Далѣе шла рѣчь о земельномъ вопросѣ. о японской войнѣ, о «тайныхъ внутреннихъ врагахъ Россіи», которые много помогали Японіи; затѣмъ о смутѣ, виновники которой «по большей части иноплеменники, нехристи, а также потерявшіе связь съ родной землей фабричные и желѣзнодорожные мастеровые, студенты, фельдшера и проч. люди,.... которымъ нечего въ жизни терять, ибо они ничего не имѣютъ».

Приказъ заканчивался угрозами по отношенію бунтовщи-

ковъ-крестьянъ и, между прочимъ, обѣщаніемъ сжигать усадьбы за нарушаніе правъ собственности [1]).

Угрозами поджога пользовались и др. власти, начиная отъ урядника. Такъ, напр., 6-го апрѣля 1906 г. въ с. Грязнуху саратовской губ. явился исправникъ съ казаками и, собравъ старостъ со всей волости, держалъ къ нимъ строгую рѣчь, смыслъ которой сводился къ слѣдующему: «Вы должны беречь имѣніе Устинова: ну, а если вы не убережете, то я сожгу всѣ деревни ваши и перебью васъ всѣхъ».

Балашовскій исправникъ, явившись въ с. Турки (саратовской губ.) послѣ развоза хлѣба со станціи, угрожалъ открыть по селу артиллерійскій огонь. Угрозу не пришлось исполнить, такъ какъ на слѣдующій же день хлѣбъ былъ возвращенъ.

Эти и т. п. воззванія и угрозы, содержавшія въ себѣ всѣ признаки уголовнаго преступленія, молчаливо санкціонировались правительствомъ къ вящему соблазну «вѣрноподданныхъ народовъ».

Другіе генералъ-губернаторы грозили штрафами, арестами за неплатежъ податей. Словомъ, мѣстными властями дѣлалось все, чтобы зажечь пожаръ стихійнаго возстанія, разжечь злобу противъ всѣхъ, охраняющихъ «священныя права частной собственности».

Высшее правительство проводило ту же политику, рѣшительно ставъ на стражу помѣщичьихъ интересовъ. Образчикъ такого рода политики представляетъ, напримѣръ, извѣстный *циркуляръ Дурново о невыдачѣ продовольственнаго пособія крестьянамъ*, принимавшимъ участіе въ аграрномъ движеніи («въ безпорядкахъ, сопровождавшихся грабежами»).

Этимъ циркуляромъ предписывалось «немедленно прекратить» помощь всѣмъ привлеченнымъ за безпорядки къ судебной отвѣтственности, а «равно и тѣмъ, участіе коихъ въ безпорядкахъ будетъ установлено соглашеніемъ мѣстныхъ чиновъ полиціи съ земскими начальниками, причемъ послѣдніе должны установить участіе отдѣльныхъ крестьянъ въ грабежахъ при содѣйствіи волостныхъ правленій въ законномъ составѣ, съ участіемъ всѣхъ старостъ сельскихъ обществъ, входящихъ въ составъ волости».

Несообразность и дикая жестокость этого предписанія вызвали протестъ даже среди нѣкоторыхъ подчиненныхъ мини-

---

[1]) «Русскія Вѣдомости» 1906 г, № 29.

стра. Такъ, напр., камышинскій уѣздный съѣздъ отказался выполнить это предписаніе. Также поступили и нѣкоторые др. съѣзды [1]).

Не ограничившись лишеніемъ продовольственной помощи крестьянъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, министерство, а затѣмъ и мѣстныя власти, направили свои усилія на то, чтобы стѣснить продовольственную дѣятельность земства, частныхъ лицъ и разныхъ обществъ.

Въ откровенно-циничной бесѣдѣ съ уполномоченнымъ общеземской организаціи кн. Орбельяни Дурново изложилъ свой взглядъ на этотъ предметъ. По его мнѣнію, «кормить народъ безнравственно»; онъ, министръ, не потерпитъ, чтобы одной рукой давали хлѣбъ, другой—прокламацію, а ртомъ говорили народу что-либо хуже, чѣмъ напечатанное въ прокламаціи». Въ заключеніе своей исторической рѣчи Дурново сказалъ, что онъ спасаетъ «остатки русской государственности» и добивается, чтобы «губернаторы проникліись хотя бы на половину его идеей,»—пока же они «проникаются всего на одну четверть» [2]).

Мы не знаемъ, насколько усилился бы произволъ, если бы губернаторы и урядники проникліись «идеей» Дурново на половину; можно лишь сказать, что и при проникновеніи ихъ на одну четверть этой «идеей» создались совершенно невозможныя условія для продовольственной помощи населенію. Въ общемъ создалось такое положеніе, что «оффиціально помощь голодающимъ не только не возбраняется, но даже одобряется», на практикѣ же происходило иное [3]). Тамбовскій губернаторъ, напр., разрѣшилъ привлекать къ этой работѣ только священниковъ и закрылъ цѣлый рядъ столовыхъ. Также поступали губернаторы и въ др. мѣстахъ. Въ тульской губ. былъ арестованъ инженеръ Чаевъ, открывшій на собственныя средства столовыя, а столовыя закрыты. Противъ столовыхъ Вольнаго Экономическаго Общества была предпринята систематическая травля, по поводу которой дѣлался, между прочимъ, запросъ въ Государственной Думѣ и т. д. и т. д.

Не менѣе правительства, старались въ подавленіи «крамолы» сами землевладѣльцы, въ лицѣ земскихъ и дворянскихъ собраній, частныхъ совѣщаній и, наконецъ, отдѣльныхъ лицъ.

Ни о чемъ другомъ, какъ объ усиленіи репрессій, изъ этой

[1]) «Русь» 1906 г., № 12.
[2]) «Извѣстія Общеземской Организаціи» № 4—5, стр. 66—67.
[3]) Тамъ же, стр. 81.

среды не было слышно во время вакханалій бѣлаго террора. Въ послѣдовавшее затѣмъ время всякіе съѣзды и собранія землевладѣльцевъ повторяли одно и то же: они требовали усиленія и усиленія репрессій. *Съѣздъ саратовскихъ землевладѣльцевъ* (около 600 человѣкъ) и екатеринославское дворянство просили о продленіи постоя войскъ и возмѣщеніяи омѣщикамъ убытковъ отъ погрома. Землевладѣльцы *елисаветградскаго, александрійскаго, днѣпровскаго* у. у. и дворяне *тульской* губерніи установили на свои земли налогъ для найма казачьей охраны [1]). *Екатеринославское и Жиздринское земства* ассигновали на этотъ предметъ 100 тыс. и 7 тыс. руб.

Словомъ, пошла усиленная мобилизація реакціонныхъ силъ правительства и «общества» для подавленія крестьянскаго движенія. Вчерашніе либералы протянули руку правительству и заговорили объ усиленной охранѣ, о наймѣ казаковъ и т. п. мѣрахъ «предупрежденія и пресѣченія».

Несомнѣнно, что всѣми принятыми въ этомъ направленіи мѣрами, классовая ненависть крестьянъ къ помѣщикамъ, «господамъ», лишь раздувалась,—тѣмъ болѣе, что въ подавленіи и экзекуціяхъ видную роль играли земскіе начальники, представители помѣстнаго дворянства.

Не съ народомъ пошли въ данномъ случаѣ и пастыри церкви, ставшіе по обыкновенію на сторону интересовъ предержащихъ властей. Интересно однако отмѣтить, что именно *съ этого времени изъ массы реакціоннаго сельскаго духовенства все больше начинаютъ выдѣляться отдѣльныя личности, примыкающія къ освободительному движенію.*

Весной 1905 г. въ «Южныхъ запискахъ», а затѣмъ и въ другихъ газетахъ [2]), появилось письмо священника, призывавшаго своихъ собратьевъ «примкнуть къ прогрессивному движенію». «Въ настоящее время, писалъ онъ, духовенство снова можетъ сблизиться съ передовыми элементами, съ лучшей интеллигенціей, если вступитъ въ ряды бойцовъ за новые идеалы. Въ эти знаменательное дни оно можетъ и у народа пріобрѣсти довѣріе, утраченное подъ давленіемъ бюрократіи,

---

[1]) Высочайшимъ повелѣніемъ 6 декабря 1906 г. губернаторамъ предоставлено разрѣшать ходатайства землевладѣльцевъ объ учрежденіи на частныя средства «низшихъ полицейскихъ должностей, а также объ образованіи командъ пѣшей и конной полицейской стражи».

[2]) См. «Русскія Вѣдомости» 1905 г., № 102.

если съ церковной кафедры открыто произнесетъ передъ всѣми нуждающимися и обремененными правдивыя слова о настоящемъ и о близкомъ великомъ будущемъ».

«Станемъ же для народа настоящимъ истиннымъ свѣтомъ, а не чадящей головней»,—такъ заканчивался этотъ горячій призывъ къ духовенству.

Это послѣднее не вняло однако голосу своего собрата и продолжало быть въ освободительномъ движеніи «чадящей головней»: доносы, сыскъ и т. д. продолжали находить себѣ ревностныхъ поборниковъ въ средѣ сельскаго духовенства.

Когда вспыхнули аграрныя волненія, большинство священнослужителей не замедлило стать на сторону усмирителей и не возвысило голоса противъ чинившихся насилій. Нашлись, однако, и исключенія. Мѣстами послѣ 17 октября священники устроили съ крестьянами собесѣдованія на политическія темы и пытались придать движенію организованный характеръ. Такъ напр., священникъ *Троепольскій* при содѣйствіи своихъ сыновей (студента и семинариста), еще лѣтомъ 1905 г. организовалъ подобныя собесѣдованія въ селѣ Телѣгинѣ Мценскаго уѣзда. Послѣ манифеста 17 октября эти бесѣды приняли болѣе правильную форму и посвящались главнымъ образомъ предстоящимъ выборамъ въ Государственную Думу. Свѣдѣнія объ этой пропагандѣ дошли скоро до начальства, и сыновья Троепольскаго были арестованы, а самъ онъ, по распоряженію консисторіи, заключенъ въ монастырь.

Въ отвѣтъ на это насиліе крестьяне 8 обществъ составили приговоръ съ ходатайствомъ объ освобожденіи священника. Одинъ изъ такихъ приговоровъ (Ново-Дмитровскаго общества 5 января 1906 г.) заканчивался слѣдующими словами: «Въ заключеніе сего приговора мы всѣ доводимъ до свѣдѣнія правительства, что нашъ священникъ не былъ развратителемъ общества, а наставникомъ добра».

Пока священникъ Троепольскій содержался въ монастырѣ, кто-то поджегъ его имущество—сгорѣли дворъ и скотъ. Послѣ этого крестьяне въ теченіе мѣсяца охраняли уцѣлѣвшій домъ священника, опасаясь повторенія мести.

Послѣ долгихъ мытарствъ, священникъ былъ, наконецъ, возвращенъ въ приходъ, но не надолго: вскорѣ жандармское управленіе вызвало его въ Орелъ и тамъ онъ былъ задержанъ.

Другой священникъ, *А. Голиковъ* (въ селѣ Шелтомякѣ Кашинскаго уѣзда) пытался организовать крестьянъ въ «про-

грессивный союзъ». Съ этой цѣлью имъ былъ созванъ 17 ноября 1905 г. сходъ бобровской волости. Вслѣдъ за образованіемъ союза, благочинный сдѣлалъ доносъ на Голикова, и этотъ послѣдній былъ лишенъ права священнодѣйствовать и приговоренъ къ заключенію въ монастырь.

7-го января 1906 г. былъ арестованъ за пропаганду священникъ села Тарабановой Валуйскаго уѣзда *І. Мерецкій*, причемъ арестовать его удалось лишь послѣ того, какъ онъ уговорилъ крестьянъ отнестись къ этому спокойно. На другой день двухтысячная толпа направилась къ тюрьмѣ съ хоругвями и пѣніемъ «Спаси, Господи!», заставила полицію освободить священника и другихъ заключенныхъ. Послѣ этого на городской площади былъ отслуженъ Мерецкимъ молебенъ, толпа пѣла «Боже, царя храни». За молебномъ послѣдовалъ митингъ, но тутъ вмѣшались въ дѣло казаки, избили крестьянъ нагайками и снова арестовали священника [1]).

Въ Балтскомъ уѣздѣ былъ арестованъ священникъ *Н. Домбровскій* за то, что велъ съ крестьянами бесѣды о манифестѣ 17 октября и т. п. [2]). За то же преступленіе подвергся аресту шестидесятилѣтній священникъ села Успенскаго Владимірской губ. *І. И. Преображенскій* [3]); въ Бахмутскомъ уѣздѣ *Н. Лавровъ* и *І. Гуреевъ*—за пропаганду постановленій Крестьянскаго Союза и за агитацію вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Были арестованы также: въ с. Перово Московской губерніи священникъ *Казанскій*, въ Рыбинскомъ уѣздѣ—священникъ *Ливанскій*, въ Пронскомъ—*Минкевичъ*, въ Одесскомъ—священникъ села Визирки; въ Ставропольскомъ уѣздѣ (Самарской губерніи)—*А. Касаткинъ*.

Вообще, начиная съ января 1906 г., аресты сельскихъ священниковъ стали не рѣдкостью, но особенно участились они съ открытіемъ выборной кампаніи. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе даже Святѣйшаго Синода, по ходатайству котораго полиціи было вмѣнено въ обязанность относиться «особенно осторожно» къ аресту духовныхъ лицъ, дабы не вносить понапрасно смуту въ умы мірянъ.

Въ самихъ выборахъ, какъ извѣстно, духовенство приняло весьма замѣтное участіе, но по большей части не встрѣтило поддержки со стороны населенія. Это и не удивительно. Лучшіе элементы духовенства были лишены возможности принять

---

[1]—[3]) «Русскія Вѣдомости», 1906 г. №№ 22, 70 и 61.

участіе въ выборахъ или вслѣдствіе ареста (напр., св. А Микулинъ богучарскаго уѣзда былъ арестованъ на предвыборномъ собесѣдованіи съ крестьянами) или вслѣдствіе давленія и угрозъ своего духовнаго начальства. Въ выборахъ же принимали участіе преимущественно реакціонные элементы духовенства.

Какъ извѣстно, въ Государственную Думу попали 5 православныхъ священниковъ, изъ нихъ четыре «прогрессиста» (Афанасьевъ, Огневъ,Гума и Поярковъ) и лишь одинъ, изъ тамбовской губ., «правый» (Воздвиженскій).

Кромѣ указанныхъ выше отдѣльныхъ выступленій священниковъ въ роли устроителей собесѣдованій съ крестьянами, сельское духовенство дѣлало мѣстами попытку выступить организованно на защиту своей паствы. Выразилось это между прочимъ въ постановленіяхъ, сдѣланныхъ нѣкоторыми «пастырскими собраніями», напр. *въ г. Балашовѣ* (Саратовской губ.) и *въ г. Бугульмѣ* (Самарской губ.).

Собраніе духовенства въ Балашовѣ (въ декабрѣ 1905 г.) признало необходимымъ, въ видахъ «умиротворенія края», увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія и поднять технику хозяйства, такъ какъ «дѣйствія и пропаганда крайнихъ революціонныхъ и реакціонныхъ партій и лицъ» находятъ благопріятную почву «вслѣдствіе обѣднѣнія и невѣжества деревни». Надѣленіе крестьянъ землей должно производиться, по мнѣнію собранія, «въ достаточномъ количествѣ на счетъ казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ и частновладѣльческихъ земель и угодій».

«Для умиротворенія же края» необходимо, далѣе, скорѣйшее созваніе Думы на началахъ всеобщей, тайной, прямой и равной подачи голосовъ, а также «немедленное удаленіе изъ городовъ и селеній казаковъ, въ виду допускаемыхъ ими насилій надъ мирнымъ населеніемъ», и «скорѣйшее возвращеніе запасныхъ изъ манчжурской арміи».

Не пожелало быть «чадящей головней» и духовенство перваго бугульминскаго благочинническаго округа, постановившее ходатайствовать (16 декабря 1905 г.) о «возможно немедленномъ надѣленіи крестьянъ землей», такъ какъ въ этомъ заключается «единственное средство къ умиротворенію сельскаго населенія уѣзда».

Такіе случаи организованнаго выступленія духовенства являются однако исключеніями. Гораздо чаще раздавались протесты со стороны отдѣльныхъ представителей духовнаго сосло-

вія, хотя и они, надо признать, не отличались обиліемъ. Въ общемъ, сельское духовенство въ значительной массѣ продолжаетъ стоять на стражѣ законности и порядка и не пользуется престижемъ въ глазахъ населенія, нужды котораго оно не умѣетъ, да и не желаетъ отстаивать, препочитая итти рука объ руку съ власть имущими и поближе держаться къ помѣщикамъ.

Я говорилъ выше о томъ, что первымъ отвѣтомъ правительства на возникшее въ октябрѣ крестьянское движеніе явился указъ 31 октября 1906 г. о командированіи для «усмиреній» генералъ-адъютантовъ. Также было поступлено, какъ мы видѣли, въ апрѣлѣ 1905 г. въ отвѣтъ на возстаніе орловскихъ, курскихъ и черниговскихъ крестьянъ: для усмиренія туда былъ посланъ т. с. Звегинцевъ, снабженный чревычайными полномочіями, вплоть до права назначать военно-полевые суды.

Другимъ отвѣтомъ на весеннее возстаніе крестьянъ (1905 г.) послужило *сложеніе недоимокъ по правительственнымъ долгамъ*.

Принимая во вниманіе размѣры осенняго движенія, не представлялось уже возможнымъ ограничиться такой скромной мѣрой, какъ сложеніе недоимокъ, которыхъ крестьяне по большей части и не собирались платить. Потребовалась особенная милость и она была сдѣлана манифестомъ 3 ноября въ видѣ, съ одной стороны, сложенія выкупныхъ платежей, а съ другой стороны — въ видѣ обѣщанія «дать Крестьянскому банку возможность успѣшнѣе помогать малоземельнымъ крестьянамъ въ расширеніи покупной площади ихъ землевладѣнія, увеличивъ для сего средства банка и установивъ болѣе льготныя правила для выдачи ссудъ.

Посмотримъ, какое значеніе имѣли эти уступки, вырванныя крестьянскимъ движеніемъ у стараго строя.

Манифестомъ 3 ноября 1905 г. выкупные платежи съ крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ уменьшены съ 1 января 1906 г. наполовину, а съ 1 января 1907 г. взыманіе этихъ платежей прекращается совсѣмъ.

Вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей поднимался не разъ въ правительственныхъ сферахъ, но каждый разъ по тѣмъ или другимъ причинамъ не получалъ разрѣшенія. Обсуждался этотъ вопросъ между прочимъ и въ «Особомъ Совѣщаніи» подъ предсѣдательствомъ Витте (1902-1903 г. г.), но

тогда было рѣшено повременить съ пониженіемъ выкупныхъ платежей, чтобы не поставить казну въ затруднительное положеніе. Мало того,—Витте считалъ даже опаснымъ бросать въ крестьянскую массу принципіальное рѣшеніе вопроса безъ его практическаго осуществленія, и вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей былъ снова похороненъ въ министерскихъ канцеляріяхъ до 1905 г., когда онъ всплылъ въ «Совѣщаніи» Горемыкина, чтобы затѣмъ снова заглохнуть. На одномъ изъ первыхъ же засѣданій этого совѣщанія было признано, что «подобныя мѣры приносятъ ущербъ государственному казначейству безъ существенной пользы для населенія, ибо трудное экономическое положеніе крестьянъ объясняется не столько тяжестью прямыхъ налоговъ, сколько скудостью земельнаго обезпеченія, высотой арендныхъ цѣнъ на частновладѣльческія земли и отсутствіемъ заработковъ».

Но вотъ аграрныя волненія усилились, впереди виднѣлся призракъ голодныхъ бунтовъ и сферы опять стали обсуждать вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ, наконецъ, въ положительномъ смыслѣ на засѣданіи Государственнаго Совѣта *20 октября 1905 г.* Было предложено понизить платежи въ 18 неурожайныхъ губерніяхъ на 20 мил. руб., а не на 11, какъ проэктировало министерство финансовъ.

Вспыхнувшія въ концѣ октября волненія заставили перерѣшить вопросъ и заговорить о полномъ прекращеніи платежей съ 1 января 1905 г.

Такова исторія милости, дарованной манифестомъ 3 ноября 1905 г.

Посмотримъ теперь, каково ея реальное значеніе.

Бывшіе помѣщичьи крестьяне уплатили къ 1 января 1901 г. за доставшуюся имъ землю 1.544.189.000 р.; въ то время, какъ первоначальный ихъ долгъ равнялся 867 мил. р. Такимъ образомъ, они уплатили съ избыткомъ какъ первоначальный долгъ, такъ и % % на этотъ долгъ. Въ виду этого взымать выкупные платежи послѣ 1 января 1906 г. правительство не имѣло даже права, и взыманіе ихъ въ 1907 г., хотя бы въ половинномъ размѣрѣ, есть актъ безусловной несправедливости, а не особой милости.

На бывшихъ государственныхъ крестьянахъ числилось 1.053 милліона выкупного долга казнѣ, и къ 1906 г. этотъ долгъ былъ также погашенъ съ избыткомъ. О выкупныхъ платежахъ

удѣльныхъ крестьянъ (около 51 мил. р.)—нечего и говорить: этотъ долгъ былъ уплаченъ давно.

Такимъ образомъ, правительство было обязано цѣликомъ прекратить взиманіе выкупныхъ платежей съ 1 января 1906 г., а не продолжать взимать ихъ въ половинномъ размѣрѣ (45 мил. р.) до 1907 г. Вполнѣ справедливо замѣтилъ А. Е. Лосицкій по поводу манифеста 3 ноября, что «это не милость, а новая тягота» [1]).

Посмотримъ теперь, что сулитъ крестьянамъ обѣщаніе манифеста расширить операціи Банка и сдѣлать болѣе льготными условія полученія изъ него ссудъ.

Эта льгота должна заключаться въ увеличеніи размѣра ссуды. Какъ извѣстно, однако, практика банка за 20 лѣтъ отлично показала, что при страшной нуждѣ крестьянъ въ землѣ установленіе болѣе «льготныхъ» условій полученія ссуды вело постоянно къ вздорожанію цѣнъ на землю и, въ концѣ концовъ, было не въ интересахъ покупателей, а въ интересахъ продавцевъ, которымъ давало возможность сбыть землю по повышенамъ цѣнамъ. «Чѣмъ шире банкъ развивалъ свою дѣятельность, пишетъ г. Герценштейнъ: чѣмъ больше выдавалъ ссудъ, чѣмъ больше крестьяне покупали земли, тѣмъ дороже приходилось за нее платить». «Кто же въ такомъ случаѣ остается въ выигрышѣ отъ расширенія дѣятельности банка?» спрашиваетъ г. Герценштейнъ: продавецъ или покупатель, помѣщикъ или крестьянинъ, и отвѣчаетъ: «землевладѣлецъ, который имѣетъ возможность выручить за свою землю вдвое или втрое больше, чѣмъ онъ могъ бы выручить 10—15 лѣтъ тому назадъ, несомнѣнно находится въ выигрышѣ» [2]).

Если такъ обстояло дѣло въ мирное время, то тѣмъ болѣе помѣщикамъ стало выгодно расширеніе дѣятельности банка теперь, давъ имъ возможность хорошо ликвидировать насиженныя гнѣзда и спасти, пока что, свое добро отъ окончательнаго разгрома. Насколько сильное движеніе обнаружили помѣщики въ этомъ направленіи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что съ 3 ноября 1905 г. по 1 августа 1906 г. ими предложено банку купить около 6 мил. десятинъ за 660 мил. рублей.

Какой курсъ сразу же взялъ приэтомъ банкъ, видно между прочимъ изъ письма одного землевладѣльца Полтавской

---

[1]) См. «Начало» 1905 г., № 10.
[2]) М. Я. Герценштейнъ. Аграрный вопросъ, стр. 110—111.

губ. [1]). «Хотѣлось бы, пишетъ онъ: все, что имѣешь, ликвидировать, хоть за часть стоимости, и бѣжать. Но ликвидировать, теперь очень, очень трудно. Впрочемъ это не для всѣхъ. Кн. Кочубей продалъ свою землю непосредственно банку за высокую, прямо удивительную цѣну, получилъ груду золота и, по слухамъ, уже перевелъ все заграницу. Но то, что легко ихъ сіятельствамъ, недоступно простымъ смертнымъ... Знать торопится, пока у кормила свои люди, сбыть что нужно за высокую цѣну».

Многіе крестьяне поняли смыслъ такой милости и первое время воздерживались отъ покупки земли черезъ банкъ, но затѣмъ, толкаемые нуждой и видимо льготными условіями ссудъ, стали чаще и чаще покупать у банка земли, скупленныя имъ у ихъ «сіятельствъ».

Объ этомъ я буду говорить еще дальше, а пока перейдемъ къ движенію въ началѣ 1906 года.

ГЛАВА VII.

Аграрныя волненія, вспыхнувшія въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 г., повлекли за собой жестокія репрессіи. Мы говорили уже о командированіи особыхъ «пословъ» для усмиренія, о продовольственной политикѣ правительства въ отношеніи крестьянъ, принимавшихъ участіе въ движеніи, а также о дѣйствіяхъ карательныхъ экспедицій г. г. Луженовскихъ, Филоновыхъ и прочихъ.

Въ добавленіе ко всему этому, бюрократія прибѣгла къ излюбленному пріему и объявила мѣстности, въ которыхъ проявилось какое-нибудь движеніе, на исключительномъ положеніи, начиная отъ положенія усиленной охраны и кончая военнымъ. Къ марту 1906 г. на исключительномъ положеніи состояли 30 губерній цѣликомъ и 30 губерній частями [2]).

Имѣя въ своемъ распоряженіи такой богатый арсеналъ средствъ для «усмиренія», правительству, конечно, не стоило большого труда придавить едва начавшееся движеніе крестьянъ. Это было сдѣлать тѣмъ болѣе легко, что самыя волненія 1905 г.

---

[1]) См. «Наша Жизнь», № 348.
[2]) См. «Вѣстникъ Народной Свободы», № 14.

носили большею частью характеръ вспышекъ, быстро потухавшихъ естественнымъ порядкомъ, такъ что на долю г. г. Луженовскихъ выпадало не столько «усмирять», сколько «карать» уже усмирившихся.

Насилія, производившіяся при этомъ, естественно должны были вызвать панику въ населеніи и заставить его на нѣкоторое время присмирѣть. И дѣйствительно, мы видимъ, что *начало 1906 г. проходитъ сравнительно тихо.* Крупныя волненія до мая этого года имѣли мѣсто лишь въ немногихъ губерніяхъ (напр., въ Могилевской и Черниговской); въ остальныхъ же волненія вспыхивали спорадически: то тутъ, то тамъ громили экономію; совершали порубку лѣса, развозили хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ и т. д.

Въ іюнѣ движеніе значительно усилилось, принявъ массовой характеръ. Въ Воронежской губ. движеніе вылилось, напр., въ форму сплошныхъ погромовъ и поджоговъ, во многихъ др. губерніяхъ—въ забастовки сельскихъ рабочихъ.

Въ іюлѣ—сентябрѣ движеніе замѣтно ослабѣло, хотя поджоги и разгромы продолжали совершаться то тутъ то тамъ. Съ октября движеніе совсѣмъ затихло.

Главными формами движенія въ 1906 г. явились, съ одной стороны, погромы и, съ другой стороны, порубки лѣса. Затѣмъ впервые на сцену выдвинулись массовыя стачки въ центральныхъ губерніяхъ.

Посмотримъ, какіе размѣры носило каждое изъ этихъ теченій въ 1906 году.

Въ первые мѣсяцы 1906 г. наиболѣе распространенной формой движенія явились массовыя *порубки лѣсовъ*. Съ января по апрѣль включительно онѣ имѣли мѣсто въ 53 уѣздахъ Европейской Россіи [1]). Въ теченіе слѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ

---

[1]) Въ аткарскомъ, армавирскомъ, ардатовскомъ (Самарской г.) бердичевскомъ, бѣлозерскомъ, бѣльскомъ, балашовскомъ, бузулукскомъ, брацлавскомъ, бендерскомъ, горецкомъ, гомельскомъ, глуховскомъ, дмитровскомъ, изюмскомъ, кадниковскомъ, кологривскомъ, кинишемскомъ, кашинскомъ, каширскомъ, княгининскомъ, климовическомъ, лихвинскомъ, макарьевскомъ, мосальскомъ, мологскомъ, моршанскомъ, никольскомъ, новоладожскомъ, нижегородскомъ, опочецкомъ, оргѣевскомъ, павлоградскомъ, рославльскомъ, радомысльскомъ, солигаличьскомъ, свіяжскомъ, стародубскомъ, староконстантиновскомъ, суражскомъ, сердобскомъ, устюженскомъ, черскомъ, чаусскомъ, чериковскомъ, черниговскомъ, черникскомъ, шенкурскомъ, шуйскомъ. Главнымъ райономъ движенія были губерніи: Во-

(съ мая по іюль) порубки производились, судя по газетнымъ сообщеніямъ, въ 34 уѣздахъ, расположенныхъ преимущественно въ губерніяхъ: Казанской, Курской, Новгородской, Петербургской, Самарской, Смоленской и др. [1]). Всѣ эти порубки не имѣли однако сколько-нибудь крупнаго характера.

О порубкахъ въ теченіе августа, сентября и октября, за крайне рѣдкими исключеніями, не упоминается (въ бѣлостокскомъ, чистопольскомъ и др. уѣздахъ).

Обратное наблюдается въ отношеніи *поджоговъ и разгромовъ* помѣщичьихъ усадебъ. Въ теченіе января-марта поджоги представляли единичныя явленія. Такъ, напр., было сожжено нѣсколько крупныхъ экономій въ Кіевской губ. Они участились лишь съ апрѣля. Въ апрѣлѣ они имѣли мѣсто въ губерніяхъ: Саратовской, Псковской, Казанской, Орловской, Тульской, Харьковской и Новгородской [2]).

Въ маѣ погромы и поджоги имѣли мѣсто главнымъ образомъ въ Саратовской губ. и отчасти въ Орловской [3]).

Въ іюнѣ поджоги значительно усилились. Болѣе всего происходили они въ Саратовской губерніи, а затѣмъ въ Орловской и Тульской [4]). Въ этихъ же губерніяхъ были чаще пожары и въ предъидущіе мѣсяцы, начиная съ конца марта 1906 г.

логодская, Костромская, Могилевская, Смоленская, Кіевская, Черниговская и Саратовская.

[1]) Въ уѣздахъ: новградволынскомъ, бѣлостокскомъ, пружанскомъ, лужскомъ, петербургскомъ, демянскомъ, тихвинскомъ, духовщинскомъ, порѣчьскомъ, моложскомъ, московскомъ, муромскомъ, костромскомъ, юрьевецкомъ, макарьевскомъ, чебоксарскомъ, свіяжскомъ, тетюшскомъ, ялтинскомъ, ѳедоссійскомъ, рыльскомъ, дмитріевскомъ, суджанскомъ, обояжскомъ, курскомъ, щигровскомъ, елецкомъ, веневскомъ, данковскомъ, аткарскомъ, хвалынскомъ, самарскомъ, бугульминскомъ и уфимскомъ.

[2]) Въ Аткарскомъ у. (у Глаголева, Попова, Куракина, Рославлевой); въ Полтавской губ. (у Кочеткова, Балева, Казинцева); въ Тульской губ. (у Новосильскаго и Бурдукова); въ Новоржевскомъ у. (у Креницыныхъ, Хряпьево, Львова и др.); въ Бѣлозерскомъ у. (у Громова); въ Орловскомъ у. (уЧернышева); въ Новочеркасскомъ у. (Веселаго).

[3]) Въ Аткарскомъ у. (у Агафонова, Немировскаго, Балашова, Хряповицкаго, Куткина); въ Саратовскомъ (Менде); Петровскомъ (Иванова); Балашовскомъ (Кожевникова); Орловскомъ (Голицына).

[4]) Въ уѣздахъ: Кіевскомъ (Терещенко, Давыдовъ); Орловскомъ (Святополкъ-Мирскаго, Зиновьева, Шеншиной); Мценскомъ (Юрасовской); Аткарскомъ (Широченко, Корчіенко); Петровскомъ (Курочкина); Балашовскомъ (бр. Арзамасскихъ); Сердобскомъ (Щербины); Саратовскомъ (Горяинова); Бугурусланскомъ (Шуваловой); Ниже-

Перечисленныя въ примѣчаніи погромы носили однако спорадическій характеръ. Лишь въ Воронежской губ. вспыхнули въ іюнѣ массовые погромы, мѣстами уничтожившіе подрядъ десятки помѣщичьихъ усадебъ.

Еще съ весны начались здѣсь столкновенія, иногда съ кровавыми жертвами, на почвѣ неполученія продовольственныхъ ссудъ. Затѣмъ въ маѣ возникла экономическая забастовка сельскихъ рабочихъ. Во многихъ селахъ составлялись приговора, которыми устанавливались цѣны на землю, на рабочія руки при уборкѣ хлѣбовъ; въ имѣніяхъ снимались рабочіе и т. д.

Затѣмъ движеніе стало принимать болѣе грозный характеръ: участились столкновенія крестьянъ съ полиціей, и наконецъ въ 20-хъ числахъ іюня вспыхнули погромы. За короткій промежутокъ времени, въ какихъ-нибудь дней десять, было сожжено свыше 60 усадебъ въ Бобровскомъ у., около 40—въ Воронежскомъ у., 4—въ Задонскомъ у. Разгромы происходили также въ уѣздахъ: Бирюченскомъ, Павловскомъ и Землянскомъ, но здѣсь они не вылились въ массовую форму. Кромѣ того не мало было уничтожено казенныхъ винныхъ лавокъ.

О томъ, какъ происходили погромы, можно судить между прочимъ по описанію корреспондента «Нашей Жизни» движенія въ Бобровскомъ у.

«Изъ амбаровъ и сараевъ брали хлѣбъ, рожь, пшеницу, муку, овесъ, сало, пшено; съ поля везли сѣно, рожь; женщины обрывали сады, огороды. Слухъ о разгромѣ мигомъ распространялся по окрестностямъ и къ имѣнію изъ сосѣднихъ селеній спѣшили новыя толпы. Брали все, что только можно было взять: канделябры, ленты, столы, кресла, посуду, одежду, срывали обои со стѣнъ, вырывали доски изъ половъ,—брали скотъ..., опустошали сады... и затѣмъ все оставшееся поджигали—дома, службы, амбары, сараи, мельницы, сады. Громили и жгли ужасно, «до корешка»,—какъ говорятъ крестьяне». При этомъ, «чѣмъ дальше шло движеніе, тѣмъ грознѣе и безпощаднѣе оно дѣлалось. Паника сдѣлалась всеобщею, защиты никакой, и весь

городскомъ (Миллера); Бѣльскомъ (Вейдлихъ); Данковскомъ (Желудко); Полтавскомъ (Летунова, Власенко); Моршанскомъ (Волконскаго); Ранненбургскомъ (Оболенскаго, Вячеславова, Ракитина, Ознобишина); Епифанскомъ (Голицына); Веневскомъ (Шереметьева); Одоевскомъ (Осицкаго и др.); Новосильскомъ (монастыря); Елецкомъ (Покотило); Бѣлгородскомъ (Волкова); Лебедянскомъ (Наумова, Игнатьева); Суджанскомъ (Шереметьева).

Бобровскій у. жилъ въ такой обстановкѣ въ теченіе 2-хъ недѣль... Картина дѣйствительно ужасная: по селамъ гудитъ набатъ кругомъ вьются и заволакиваютъ небо густые столбы дыма; ночью всюду на горизонтѣ зарево. Мимо селеній, а иногда и черезъ самыя селенія проходятъ толпы; населеніе прячется. Толпа то уменьшается, то увеличивается. Часть отстаетъ и разсѣивается; но черезъ нѣсколько времени къ ней пристаютъ новые люди, и имѣніе, попадающееся на дорогѣ, разгромляется и сжигается. Въ день страдало по 5—10 имѣній; былъ день, когда очевидцы насчитали до 13 пожаровъ... Волна сразу захватила всю прилегающую окрестность и только остались въ цѣлости имѣнія по какой-либо случайности».

Сообщенія корреспондентовъ единодушно отмѣчаютъ тотъ фактъ, что въ погромахъ принимали значительное участіе черносотенные элементы, городскіе хулиганы и т. д. «Въ селѣ Щучьемъ и др. селеніяхъ, пишетъ тотъ же корреспонденгъ «Нашей Жизни»: выступали и волновали населеніе отбросы общества. Напр., въ с. Щучьемъ фигурировала личность, нѣсколько разъ находившаяся подъ судомъ, пропойца... Въ др. селахъ называли по именамъ такихъ господъ; фигурировали имена какихъ-то пропоицъ—Волкъ, Гора и т. п.». Было замѣчено также, что «въ періодъ погромовъ въ бобровскомъ у. отсутствовали въ Воронежѣ босяки».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разгрому подверглись мелкія владѣнія самихъ крестьянъ; были подожжены также села: Козлово и Замятино Землянскаго у. Въ Павловскомъ у. подожжены сахарный и винокуренный заводы Петровыхъ.

Войска все время отсутствовали; они опять-таки явились лишь «карать». Полиція, конечно, была безсильна подавить возстаніе и ограничивалась больше ролью зрительницы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однако происходили кровавыя столкновенія погромщиковъ со стражниками и охраной экономій. Такъ, напримѣръ, въ воронежскомъ у. толпа въ $1^1/_2$ тыс. человѣкъ напала на имѣніе кн. Мещерскаго. Имѣніе три дня защищалось, вооруживъ 42 человѣка рабочихъ и служащихъ. Три аттаки были отбиты, причемъ изъ нападавшихъ трое убито. Въ концѣ концовъ имѣніе было все-таки сожжено. Въ с. Щучьемъ Бобровскаго у. была разгромлена винная лавка, квартира станового и почтовая контора. Затѣмъ толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ отправилась громить сахарный заводъ кн. Орловыхъ. Нападеніе было отбито казаками, причемъ среди крестьянъ

оказалось много убитыхъ и раненыхъ. Здѣсь же былъ убитъ, между прочимъ, казачій офицеръ. Въ бирюченскомъ у. крестьяне слободы Алексѣевки произвели разгромъ экономіи гр. Шереметьева, а затѣмъ напали на лавки и казенныя учрежденія; разгромили полицейское управленіе, желѣзнодорожную станцію и т. д. Въ столкновеніи пострадало 57 стражниковъ и масса крестьянъ. При нападеніи на усадьбу Звягинцева изъ нападавшихъ одинъ былъ убитъ и нѣсколько ранено. Въ с. Перлевкѣ землянскаго у. произошло настоящее сраженіе. Толпа женщинъ и дѣтей разгромила винную лавку. Мужики, покупая по дешевымъ цѣнамъ у бабъ водку, подвыпили. Въ это время показался приставъ со стражниками. Толпа напала на нихъ и заставила укрыться подъ охрану казаковъ. Крестьяне ударили въ набатъ и все село собралось защищаться кольями, косами и проч. Казаки дали еще 2 залпа, убивъ трехъ человѣкъ и нѣсколькихъ ранивъ. Толпа не прекращала однако наступать. Стражники, собравшись на кладбищѣ, продолжали отстрѣливаться до вечера, но въ концѣ концовъ должны были ускакать.

Іюньское движеніе въ Воронежской губ. поучительно во многихъ отношеніяхъ. Оно показываетъ прежде всего, насколько трудно бороться съ крестьянскимъ движеніемъ, разлитымъ одновременно на большомъ пространствѣ. Всѣ сообщенія свидѣтельствуютъ о томъ, что войска и полиція не могли первое время предпринимать какихъ-либо дѣйствій вслѣдствіе своей сравнительной малочисленности. Лишь съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ сосѣднихъ губерній войска стали господами положенія.

Затѣмъ воронежское движеніе демонстрировало въ чистомъ видѣ истинную природу крестьянскихъ волненій. О «преступной пропагандѣ» тутъ едва ли можетъ быть рѣчь: движеніе развивалось слишкомъ стихійно, чтобы возможно было какое-нибудь руководство имъ. Выведенные изъ терпѣнія нуждой крестьяне въ данномъ случаѣ пытались найти мирные пути для улучшенія своего положенія, составляли приговора о цѣнахъ на рабочія руки, на аренду земли.

Но, во-первыхъ, они встрѣтили въ этомъ отпоръ со стороны властей и помѣщиковъ, а, во вторыхъ, движенію, такъ долго подавлявшемуся, было слишкомъ трудно удержаться въ мирныхъ рамкахъ.

Отбрасывая неважныя подробности чисто мѣстнаго характера, мы можемъ сказать, что если крестьянскому движенію у насъ суждено принять размѣры великой революціи, то прото-

типомъ для нея послужитъ іюньское возстаніе въ Воронежской губ., осложненное, быть можетъ, убійствами помѣщиковъ и пр.

Въ теченіе *іюля* поджоги значительно сократились. За весь мѣсяцъ было сожжено лишь нѣсколько усадебъ[1]). Сравнительно чаще были за этотъ мѣсяцъ поджоги скирдовъ хлѣба и сѣна[2]). Было также нѣсколько случаевъ нападенія на желѣзнодорожныя станціи (напр., на Баланду Аткарскаго у.), помѣщичьи сады и т. д.

Въ *августѣ* поджоги усадебъ снова участились, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Саратовской, Харьковской и Херсонской[3]). Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ продолжались поджоги хлѣба въ скирдахъ и скошеннаго сѣна[4]). Въ Слободскомъ у. (Вятской губ.) совершались поджоги казенныхъ лѣсовъ. Высланные для тушенія пожара казаки встрѣтили отпоръ со стороны крестьянъ. Въ Самарскомъ у. въ Александропольской и Тростянской волостяхъ крестьяне старались поджогами согнать съ земли нѣмцевъ-хуторянъ. Въ Саратовской губ., по свидѣтельству земскихъ страховыхъ агентовъ, поджоги стали практиковаться съ іюня въ иной формѣ: поджигались уже не только

---

[1]) Въ Полтавской губ.—3; въ свіяжскомъ у.—1; въ Курляндской губ.—1; въ Николаевскомъ у.—1.

[2]) Елецкій, Елатомскій, Дмитровскій, Николаевскій, Одоевскій, Орловскій и др. у. у.

[3]) Въ Волчанскомъ у. (Гендрихова и Яхонтова); въ Богородскомъ (В. Хрущовой); Рославльскомъ (Фролова); Землянскомъ (Толмачева); Елисаветградскомъ (Эрдели, Шевякова, Бутовича, Барскаго и др.); Кузнецкомъ (Киндякова); Вышневолоцкомъ (Эгерштрома); Саратовскомъ (Столыпина, Штейнберга, Добровольскаго, Шмидта, Катковой); Балашовскомъ (Кожевникова); Пирятинскомъ (Отрадино); Бѣльскомъ (Забѣло, Энгельгардта); Богородицкомъ (Стишинскаго); Пружанскомъ (Шпинина); Буинскомъ (Батанова); Моршанскомъ (Жеребцовой); Суджанскомъ (Волконскаго); Бугурусланскомъ (Грюмбладта); Арзамасскомъ (монастыря); Чистопольскаго (Крыловой); Свіяжскомъ (Салтыковой); Дмитровскомъ (Быкова); Тетюшскомъ (Эливанова); Ветлужскомъ (Гагариной); Полтавскомъ (Козинцева); Царицынскомъ (Полякова); Новградволынскомъ (Муженскомъ); Нижегородскомъ (Волконской); Двинскомъ (Корфа); Сердобскомъ (Закса); въ Елисаветградскомъ (Ремма и паровая мельница Маловисковскаго завода). Пожары построекъ были также въ у. у.: ахтырскомъ, волковскомъ, житомірскомъ и др.

[4]) Напр., въ у. у.: богородицкомъ, могилевскомъ, валковскомъ, тверскомъ, верхнеднѣпровскомъ, ростовскомъ (Яр. губ.), кобелякскомъ, тетюшскомъ, кіевскомъ, маленковскомъ, можайскомъ, елецкомъ, царицынскомъ, староконстантиновскомъ, симферопольскомъ, бердянскомъ, бугурусланскомъ, дмитровскомъ (Кур. губ.) и др.

помѣщики, но и крестьяне. Одинъ агентъ, напр., пишетъ: «Аграрное движеніе въ нынѣшнемъ году перенеслось и въ деревню: жгутъ богатыхъ крестьянъ за аренду разныхъ угодій у помѣщиковъ безъ согласія общества, жгутъ вообще богатыхъ крестьянъ и преимущественно кормъ у нихъ... Богатые, подозрѣвая въ поджогахъ бѣдныхъ, отплачиваютъ имъ тѣмъ же, иногда даже нанимая для этого другихъ».

Другой агентъ доноситъ управѣ, что «поджоги дѣлаются и въ селахъ, какъ месть населенія лицамъ, подозрѣваемымъ въ сношеніяхъ съ полиціей и экономіями».

Въ *сентябрѣ* количество поджоговъ помѣщичьихъ построекъ еще болѣе сократилось [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по-прежнему совершались поджоги сѣна и хлѣба въ скирдахъ[2]). Въ Серпуховскомъ у. крестьяне подожгли домъ лѣсничества, предварительно обливъ его керосиномъ и порѣзавъ всѣ пожарные рукава. Когда же служащіе гр. Орлова-Давыдова все-таки пытались тушить, они были встрѣчены градомъ камней, причемъ трое служащихъ оказались серьезно ранеными. Въ с. Ивотовѣ Брянскаго у. сожжена квартира урядника и винная лавка. Въ Житомірскомъ у. въ имѣніи Терещенко крестьяне сожгли казармы ингушей, содержавшихся на счетъ помѣщиковъ. Ингуши, съ трудомъ спасшіеся, были переведены въ сосѣднее село, гдѣ крестьяне встрѣтили ихъ также враждебно. Въ Бердянскомъ у. разгромлено нѣсколько винныхъ лавокъ, причемъ одна изъ нихъ (въ Б. Лепетихѣ) сожжена.

Въ *октябрѣ* поджоги окончательно стихли; за весь мѣсяцъ было лишь нѣсколько случаевъ въ Тульскомъ у., въ Казанской губ. и въ Аткарскомъ у.

Въ *ноябрѣ* единичные поджоги происходили въ у.у.: За-

---

[1]) За этотъ мѣсяцъ были сожжены строенія помѣщиковъ въ у. у.: Новградволынскомъ (Роммера), Ямбурскомъ (Тантыкова, Гиппіуса, бар. Меллера, Мейера, Блокъ, Оболенскаго); Вяземскомъ (Соколовой); Смоленскомъ (Савищенко); Гжатскомъ (Булгакова); Духовщинскомъ (Григорьевыхъ); Серпуховскомъ (Орлова-Давыдова); Чистолольскомъ (Улитской); Бузукскомъ (Артанова); Самарскомъ (Брыкова); Новогрудскомъ (Гордіевскаго); Орловскомъ (Левшиной); Балашовскомъ (Оремъ). Единичные поджоги происходили также въ губерніяхъ: Владимірской, Минской, Херсонкой, Тверской и въ у. у.: Павлоградскомъ и Кременчугскомъ.

[2]) Напр., въ уѣздахъ: сычевскомъ, бѣльскомъ, радомысльскомъ, игуменскомъ, кишиневскомъ, рѣчицкомъ, новогрудскомъ, житомірскомъ и черниговскомъ.

славльскомъ, Саратовскомъ, Новогрудскомъ, Аткарскомъ, Борисовскомъ, Вяземскомъ, Хмѣльницкомъ, Кіевскомъ, Елисаветградскомъ и Минскомъ.

Выше я отмѣтилъ 2 главныя формы аграрнаго движенія въ 1906 г.: лѣсныя порубки и разгромы усадебъ, а также поджоги скирдовъ. Теперь мы должны остановиться на третьемъ видѣ «безпорядковъ» въ деревнѣ, именно на *стачечномъ движеніи* сельскихъ рабочихъ.

Въ одной изъ предъидущихъ главъ намъ пришлось уже говорить о распространенности этого рода движенія въ предшествующіе годы—въ Польшѣ, Прибалтійскомъ и Юго-Западномъ краѣ, т. е. тамъ, гдѣ сильно развито веденіе хозяйства при помощи батраковъ.

Батрацкое хозяйство значительно распространено также на югѣ Россіи, но до сихъ поръ движеніе тамъ не получило сколько-нибудь широкихъ размѣровъ. Тѣмъ болѣе это приходится сказать относительно др. мѣстностей Россіи [1]).

Несмотря на крайне отвратительныя условія батрацкаго труда, на низкую плату, на черезмѣрно продолжительный рабочій день [2]),—движеніе это до 1906 г. не получило распространенія въ коренной Россіи.

Въ 1906 г. стачки сельскихъ рабочихъ начались съ весенними работами. Первая забастовка была въ Бердичевскомъ у. въ *концѣ февраля*.

Затѣмъ *въ апрѣлѣ* забастовки вспыхнули въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Царства Польскаго [3]). Требованія рабочихъ были здѣсь всюду болѣе или менѣе однородныя и сводились главнымъ образомъ къ слѣдующему: повышеніе жалованья, улучшеніе жилищъ, безплатность медицинской помощи, обязательное начальное обученіе дѣтей служащихъ на счетъ помѣщиковъ, наложеніе штрафовъ при участіи выборныхъ отъ рабочихъ, вѣжливое обращеніе администраціи экономій и т. п.

Кромѣ уѣздовъ Царства Польскаго движеніе на почвѣ найма

---

[1]) Всего въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи насчитывается около 3½ мил. земледѣльческихъ рабочихъ, изъ нихъ свыше 1 милліона батраковъ. См. Н. Флеровъ «Земледѣльческіе рабочіе въ Россіи», стр. 11.

[2]) Средняя годовая плата мужчинѣ равняется 62 руб.+46 руб. на продовольствіе; годовая плата работницы=34 р.+46 р. Рабочій день нерѣдко доходитъ до 17 часовъ въ сутки.

[3]) Въ уѣздахъ: лодзинскомъ, плоцкомъ, сохачевскомъ, блонскомъ, варшавскомъ и грубешовскомъ.

проявилось въ апрѣлѣ при весеннихъ работахъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Аткарскомъ, Балашовскомъ, Бердичевскомъ, Бѣлостокскомъ, Лохвицкомъ, Нѣжинскомъ, Саратовскомъ, Черниковскомъ, Ялтинскомъ. Но здѣсь забастовки не имѣли массоваго характера.

Однако, правительство не могло не предвидѣть, что именно въ этомъ году легко могутъ вспыхнуть повсемѣстныя массовыя стачки при уборкѣ хлѣбовъ, и оно поспѣшило приготовиться къ нимъ, выступивъ со всегдашнимъ своимъ оружіемъ — репрессіями. За нѣсколько дней до созыва Государственной Думы *(15 апрѣля 1906 г.)* были созданы «*Правила противъ возникновенія стачекъ среди сельскихъ рабочихъ*».

Этимъ закономъ впервые устанавливались кары за стачку рабочихъ въ сельской промышленности. Дѣйствовавшее до этого времени «Положеніе о наймѣ на сельскія работы» (12-го іюня 1886 г.) карало лишь за «самовольный уходъ» и «неявку на работу» и лишь при томъ условіи, если рабочій «не исполнитъ законнаго требованія полиціи о возвращеніи къ нанимателю». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рабочій наказывался арестомъ не свыше 1 мѣсяца.

Въ то время, когда издавался этотъ законъ, не было еще и рѣчи о забастовкахъ сельскихъ рабочихъ. «Уходъ» и «неявка» являлись не результатомъ планомѣрныхъ дѣйствій со стороны рабочихъ съ цѣлью добиться улучшенія условій труда, а были лишь непосредственнымъ отвѣтомъ на ужасную эксплоатацію въ экономіяхъ.

Въ настоящее время на сцену выступили забастовки въ подлинномъ смыслѣ этого слова, и правительство поспѣшило встать на защиту священныхъ правъ собственности.

Законъ 15 апрѣля 1906 г. въ подробностяхъ предусматриваетъ различныя степени участія рабочихъ въ стачкѣ и усиливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры наказаній.

По этому закону виновные въ подстрекательствѣ къ забастовкѣ подвергаются тюремному заключенію на время отъ 6 мѣсяцевъ до 1 года. Виновные въ поврежденіи имущества хозяина при забастовкѣ—тюремному заключенію отъ 3 до 6 мѣсяцевъ. Предусматривается даже тотъ случай, когда «возбужденіе» къ стачкѣ «учинено лицомъ, не работающимъ у владѣльца имѣнія». Такой «подстрекатель» наказывается тюрьмой на срокъ 2—8 мѣсяцевъ.

Еще болѣе драконовскія мѣры установлены противъ организацій сельскихъ рабочихъ или, по выраженію закона, противъ «сообществъ, направившихъ свою дѣятельность къ возбужденію

сельскихъ рабочихъ къ самовольному прекращенію сельскихъ работъ». Участники такого «сообщества» наказываются заключеніемъ въ крѣпость на время отъ 1 года 4 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ.

Законъ 15 апрѣля, проявляющій изобрѣтательность въ наказаніи забастовщиковъ, совершенно не касается вопроса объ отвѣтственности предпринимателей — помѣщиковъ, и это обстоятельство оттѣняетъ его еще болѣе, какъ карательную мѣру, наспѣхъ придуманную для подавленія движенія, виднѣвшагося на горизонтѣ.

Этотъ законъ оказался однако не въ состояніи, какъ и слѣдовало ожидать, ни предупредить возникновеніе стачекъ, ни ограничить сколько-нибудь ихъ размѣры: движеніе съ нимъ попросту не считалось.

Уже съ первыхъ чиселъ *мая* начали появляться свѣдѣнія о растущемъ движеніи среди сельскихъ рабочихъ, — на этотъ разъ не только на окраинахъ (въ Польшѣ и Юго-Западномъ краѣ) [1]), но и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ центральнаго земледѣльческаго и промышленнаго районовъ.

Въ *Польшѣ* забастовки происходили въ уѣздахъ: Плоцкомъ, Маковскомъ, Радомысльскомъ, Сохачевскомъ, Ломжинскомъ, Маріампольскомъ и въ Сѣдлецкой губ. Стачечники требовали здѣсь: повышенія поденной платы рабочему до 75 к. и работницѣ до 50 к.; отвода земли подъ посѣвъ картофля въ пользу батрака въ три раза больше, чѣмъ теперь; содержанія батрацкаго скота на счетъ помѣщика.

Другимъ райономъ стачечнаго движенія явился *Юго-Западный край*, преимущественно губерніи Кіевская и Подольская. Борьба здѣсь носила планомѣрный характеръ; велась она организаціями сельскихъ рабочихъ, находящимися подъ вліяніемъ украинскаго союза Р. С.-Д. Рабочей Партіи («Спілка»). Въ этомъ году движеніе началось съ празднованія 1 мая. По свидѣтельству «Курьера», въ этотъ день «жизнь замерла на всѣхъ панскихъ фольваркахъ и бураковыхъ плантаціяхъ; экономическіе рабочіе праздновали всѣ».

Первомайская забастовка способствовала во многихъ случаяхъ повышенію платы.

Послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ стачки были организованы

---

[1]) Въ Прибалтійскомъ краѣ, благодаря правительственному террору, въ этомъ году не было никакого движенія.

«волостными» и «уѣздными» комитетами, постановившими не наниматься на работу меньше, какъ за извѣстную плату. Въ Брацлавскомъ и Гайсинскомъ у.у. образовались совѣты крестьянскихъ депутатовъ, которымъ удалось достигнуть большихъ результатовъ въ смыслѣ повышенія заработной платы.

Стачки обыкновенно начинались здѣсь приговорами крестьянъ, устанавливавшихъ таксу для работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удовлетворялись 50 коп., въ другихъ требовали 1 р. и даже 2 р. Рабочее время устанавливались отъ 7 часовъ утра до 8 вечера или отъ 5 утра до 6 часовъ вечера, съ 3 часами на отдыхъ.

Установивъ таксу, крестьяне «снимали» мѣстныхъ рабочихъ и проняли пришлыхъ, причемъ нерѣдко происходили крупныя столкновенія.

Такимъ образомъ мѣстами удавалось добиться довольно крупныхъ уступокъ. Напр., въ Сквирскомъ и Васильковскомъ у.у. (Кіевской губ.) крестьяне большинства селъ ввели явочнымъ порядкомъ 9-часовой, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 8-часовой рабочій день на бурачныхъ плантаціяхъ. Поденная плата путемъ забастовокъ была поднята съ 20 до 50—70 коп. для женщинъ и подростковъ. Косари стали получать по 1 руб. за 9-час. день [1]).

Въ *Съверно-Западномъ Краѣ* стачечное движеніе охватило за май—августъ 20 уѣздовъ [2]).

Главныя требованія здѣсь сводились: къ повышенію платы мужчинъ до 1 р. и женщинъ до 60 к., а также къ улучшенію пищи. Въ двинскомъ у. требовали также сокращенія рабочаго дня до 12 часовъ и вѣжливаго обращенія съ рабочими. Въ пружанскомъ у. ординарщики [3]) требовали сокращенія числа отработочныхъ дней.

---

[1]) Осенью въ юго-западномъ краѣ стачки кое-гдѣ возобновились. Въ Староконстантиновскомъ и Ушицкомъ у. у. на картофельныхъ и свекловичныхъ плантаціяхъ рабочіе требовали повышенія платы съ 1 до 3-хъ коп. за выкопку пуда. Въ Гайсинскомъ у. (близъ с. Ташлыка) забастовщики прогнали пришлыхъ рабочихъ и сожгли постройки Маньковскаго. Затѣмъ стачки имѣли мѣсто въ Волынской губ. (повышеніе платы за выкопку свеклы) и въ Слонимскомъ у.

[2]) Въ брестскомъ, кобринскомъ, пружанскомъ, волковыскомъ, слонимскомъ, вилейскомъ, новогрудскомъ, пинскомъ, слуцкомъ, бобруйскомъ, рѣчицкомъ, игуменскомъ, борисовскомъ, двинскомъ, быховскомъ, могилевскомъ, сѣнненскомъ, горецкомъ, лидскомъ и мстиславскомъ.

[3]) Безземельные батраки, живущіе на помѣщичьей землѣ и обязанные отработать 3—4 дня въ недѣлю.

Четвертымъ районом стачечнаго движенія явился въ 1906 г. *югъ* [1]). Здѣсь движеніе носило менѣе организованный характеръ, чѣмъ въ трехъ предъидующихъ районахъ, но тѣмъ не менѣе согласованность въ дѣйствіяхъ и тутъ была довольно значительная. Это сказалось между прочимъ въ однородности требованій, выставлявшихся забастовщиками.

Главное требованіе здѣшнихъ рабочихъ сводилось къ повышенію платы мужчинамъ до 1 р. 50 к., женщинамъ до 1 р., подросткамъ до 60—70 коп. въ день и къ улучшенію пищи. Въ Елисаветградскомъ у. стачечники требовали также сокращенія рабочаго дня до 10 часовъ въ сутки, вѣжливаго обращенія, выдачи платы еженедѣльно и уплаты за время забастовки. И тутъ во многихъ мѣстахъ происходили столкновенія съ пришлыми рабочими-штрейкбрехерами.

Особенно сильное движеніе въ 1906 г. проявилось однако не на окраинахъ, а въ *центральной черноземной полосѣ Россіи*. Оно охватило здѣсь губерніи: Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Саратовскую,—всего около 66 уѣздовъ [2]).

Главными требованіями и тутъ были: повышеніе платы до 1 р. въ день мужчинѣ, а также сокращеніе рабочаго дня до 12—14 чавовъ съ 2—3 часами перерыва, улучшеніе пищи и вѣжливое обращеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (балашовскій у.) было выдвинуто требованіе еженедѣльнаго разсчета съ рабочими, плата за сверхурочные часы; отмѣна штрафовъ; въ случаѣ болѣзни рабочаго-вычетовъ не дѣлать; въ случаѣ увѣчья—

---

[1]) Въ у. у.: днѣпровскомъ, симферопольскомъ, ѳедоссійскомъ, бахмутскомъ, одесскомъ, верхнеднѣпровскомъ и елисаветградскомъ.

[2]) Балашовскій, аткарскій, царицынскій, саратовскій (Саратов. губ.); Новоузенскій (Самар. губ.); Константиноградскій, кобелякскій, кременчугскій, зенковскій, лубенскій, прилукскій, полтавскій, (Полт. губ.); козелецкій, нѣжинскій, борзенскій, конотопскій, сосницкій, глуховскій, суражскій, черниговскій (Черн. губ.); купянскій, зміевскій, валковскій, богодуховскій, сумскій, харьковскій (Харьк. губ.); бѣлгородскій, грайворонскій, суджанскій, льговскій, дмитріевскій, щигровскій, курскій (Курск. губ.); сѣвскій, трубчевскій, дмитровскій, кромскій, мценскій, болховскій, елецкій, брянскій, орловскій, (Орл. губ.); ефремовскій, новосильскій, богородицкій, епифанскій, бѣлевскій, тульскій (Тул. губ.); землянскій. бобровскій, воронежскій (Вор. губ.); борисоглѣбскій, усманскій, лебедянскій, козловскій, липецкій, кирсановскій, моршанскій, тамбовскій (Там. г.); сапожковскій, рязанскій, [illegible]иненбургскій, данковскій, пронскій, михайловскій (Ряз. г

медицинская помощь на счетъ хозяина; страхованіе за его счетъ отъ несчастныхъ случаевъ (балашовскій у.).

Кое-гдѣ рабочіе требовали прекращенія работъ жатвенными машинами и сѣноносилками; были даже случаи, правда немногіе, порчи машинъ. Такъ, напр., въ Черкасскомъ у. рабочіе сожгли складъ сельскохозяйственныхъ машинъ и ремонтныя мастерскія Добровольскаго. Въ константиноградскомъ у. крестьяне с. Гранковки поломали у сосѣдняго помѣщика сѣнокосилки и т. д.

Во многихъ мѣстахъ стачечники требовали ограниченія доступа пришлыхъ рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (мценскомъ, орловскомъ, щигровскомъ)—крестьяне прямо требовали у помѣщиковъ не нанимать постороннихъ, а брать на работы лишь мѣстныхъ жителей. Въ козловскомъ у. землевладѣльцы были распредѣлены между селеніями, крестьянъ которыхъ они должны были брать на работу. Въ Саратовскомъ у. наемъ пришлыхъ допускался лишь въ случаѣ недостатка мѣстныхъ рабочихъ. Также въ балашовскомъ, аткарскомъ и нѣкоторыхъ др. уѣздахъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что ни въ одномъ случаѣ *при забастовкѣ сельскихъ рабочихъ не было выставлено* хотя бы элементарныхъ *политическихъ требованій*. Въ частности, напр., не было заявлено требованія объ отмѣнѣ закона 15 апрѣля 1906 г. о стачкахъ. Все движеніе носило исключительно экономическій характеръ, причемъ и сами экономическія требованія сводились, въ сущности, къ одному: къ повышенію заработной платы.

Переходя теперь къ вопросу о причинахъ, обусловившихъ дружность и организованность движенія въ центральномъ районѣ, мы должны прежде всего отмѣтить одну особенность полевыхъ работъ по уборкѣ хлѣбовъ, — именно крайнюю спѣшность ихъ.

Иногда бываетъ достаточно опоздать на нѣсколько дней — и зерно уже сыплется, такъ что хлѣбъ приходитъ въ состояніе, не окупающее издержекъ по уборкѣ. Это обстоятельство, конечно, благопріятствуетъ развитію стачечнаго движенія.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и въ прежніе годы, хотя и не наблюдалось въ центрѣ Россіи стачечнаго движенія, но атмосфера при наймѣ на уборку хлѣбовъ всегда значительно сгущалась, а крестьяне не упускали случая, пользуясь выгодной конъюнктурой, улучшить условія найма. Въ такихъ случаяхъ рѣшающее вліяніе оказывалъ всегда урожай: если уро-

жай хорошій, крестьянамъ удавалось настоять на лучшихъ условіяхъ найма, и обратно.

Это обстоятельство дало себя знать и при забастовкахъ текущаго года. Въ общемъ можно сказать, что стачечное движеніе проявилось съ большей силой тамъ, гдѣ урожай хлѣбовъ выше, именно въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Кіевской, Полтавской, Харьковской, Орловской, Тульской (урожай «хорошій»), а также въ губерніяхъ: Черниговской, Курской, Тамбовской, Минской и Гродненской (урожай «удовлетворительный»). Исключеніе представляютъ лишь Саратовская, Воронежская и Рязанская губ., гдѣ при неудовлетворительномъ урожаѣ—движеніе было все-таки весьма значительное, особенно въ двухъ первыхъ изъ нихъ.

Въ Саратовской губ. имѣла мѣсто, между прочимъ, самая грандіозная забастовка 1906 г. Стачечное движеніе охватило здѣсь районъ въ 10—12 волостей, расположенныхъ въ окрестностяхъ большого базарнаго с. Аркадакъ Балашовскаго у.

Тутъ мы имѣемъ дѣло съ др. особенностью найма на уборку хлѣбовъ,—особенностью, которая значительно облегчаетъ возникновеніе и организацію стачки. Именно, въ губерніяхъ, пользующихся пришлымъ трудомъ, наемъ совершается на базарахъ, въ немногихъ крупныхъ центрахъ. Такое скопленіе нѣсколькихъ тысячъ нанимающихся въ одномъ мѣстѣ сильно способствуетъ имъ отстаивать свои требованія и облегчаетъ веденіе организованной борьбы.

Въ забастовкахъ сельскихъ рабочихъ 1906 г. сказалось также и *вліяніе городского движенія*. Несомнѣнно, что своею организованностью эти забастовки обязаны во многихъ случаяхъ участію пришлаго рабочаго элемента. Организованность этого движенія проявилась съ одной стороны, какъ я сказалъ, въ томъ, что забастовщики не прибѣгали къ мѣрамъ насилія, а съ другой стороны въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ требованія вырабатывались на сходахъ или частныхъ совѣщаніяхъ и затѣмъ дружно отстаивались. Въ Балашовскомъ у., напр., забастовка длилась 10 дней., такъ что хлѣбъ во многихъ экономіяхъ пришелъ въ полную негодность, зерно осыпалось.

Кромѣ перечисленныхъ выше мѣстностей (Польша, Юго-и Сѣверо-западный Край, Югъ и центръ Россіи), гдѣ стачечное движеніе носило массовой характеръ, — въ нѣкоторыхъ губерніяхъ были спорадическія забастовки сельскихъ рабочихъ.

Такъ, напр., въ Юрьевскомъ у. (Владимірской губ.), въ Новогородской и Вологодской губ.

Мы видѣли, что забастовки начались еще въ февралѣ; затѣмъ онѣ продолжались (въ Польшѣ и Юго-западномъ краѣ) въ апрѣлѣ и усилилось въ маѣ. *Главная же волна ихъ приходится на іюнь* (въ этомъ году была ранняя уборка хлѣбовъ); въ іюлѣ число стачекъ уже сильно сократилось, а въ слѣдующіе мѣсяцы они представляли единичное явленіе.

Отмѣтивъ три основныхъ формы аграрнаго движенія 1906 г. (лѣсныя порубки, поджоги усадебъ и хлѣба, а также стачки), мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ, менѣе распространенныхъ формъ движенія: къ потравамъ луговъ, къ отказу платить подати и т. д., и посмотримъ, какъ распространялись онѣ съ теченіемъ времени по различнымъ мѣстностямъ.

Въ маѣ — іюлѣ 1906 г. весьма распростаненнымъ видомъ движенія явился *захватъ помѣщичьихъ луговъ*, самовольная коеьба и увозъ крестьянами сѣна. Такого рода движеніе имѣло мѣсто въ 43 уѣздахъ, расположенныхъ главнымъ образомъ въ губерніяхъ: Орловской, Курской, Харьковской, Рязанской, Гродненской, Тульской, Смоленской, Новгородской и Тверской [1]).

Конечно, большинство газетныхъ сообщеній о потравахъ, самовольныхъ покосахъ и т. д. должно быть отнесено къ обычнымъ въ деревенской практикѣ явленіямъ, однако многіе изъ этихъ случаевъ носили несомнѣнно характерь массового аграрнаго движенія. Такъ, напр., въ спасскомъ у. (Рязанской губ.) крестьяне захватили помѣщичьи луга, подѣлили ихъ по душамъ и скосили. Въ Лубенскомъ у. (Полтавской губ.) крестьяне оставили помѣщику половину самовольно скошеннаго сѣна, а другую половину увезли и поровну подѣлили между участниками. Въ Аткарскомъ у. такимъ образомъ было скошено у гр. Воронцова-Дашкова 62 десятины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свозили уже скошенное сѣно. На-

---

[1]) Уѣзды: Весьегонскій, новоторжскій, вышневолоцкій, рязанскій, спасскій, кременчугскій, кобелякскій, мелитопольскій, сызранскій, одесскій, зміевскій, россіенскій, одоевскій, аткарскій, брестскій, семеновскій, новоузенскій, елецкій, золотоношскій, болховскій, тульскій, ефремовскій, епифанскій, тихвинскій, мценскій, лубенскій, могилевъподольскій, бѣжецкій, жиздринскій, кирсановскій, самарскій, слонимскій, щигровскій, бѣлозерскій, игуменскій, николаевскій, духовщинскій, чебоксарскій, ялтинскій, устюженскій, череповецкій, пружанскій, олонецкій.

конецъ, въ иныхъ случаяхъ крестьяне ставили помѣщику извѣстныя условія, отказываясь при неудовлетвореніи ихъ приступить къ косьбѣ луга. Требованія эти, какъ и при уборкѣ хлѣбовъ, сводились почти исключительно къ двумъ: къ увеличенію платы и къ тому, чтобы помѣщики не пользовались трудомъ пришлыхъ косцовъ. Такъ, напр., въ Щигровскомъ у. крестьяне потребовали повышенія платы до 1 руб. мужчинѣ и до 60 к. женщинѣ въ день, при условіи не нанимать крестьянъ сосѣднихъ деревень. Такія же требованія были выставлены крестьянами и въ Мценскомъ у. При этомъ нерѣдко крестьяне прогоняли пришлыхъ косцовъ.

Еще меньшее распространеніе получило въ 1906 г. движеніе *къ захвату помѣщичьихъ земель* и запахиванію ихъ.

Съ января по апрѣль такіе случаи были крайне рѣдки. Въ золотоношскомъ у., напр., крестьяне не позволили пахать экономическую землю; въ черниговскомъ у.—приступили къ размежеванію помѣщичьей земли; въ буинскомъ—къ дѣлежу и запахиванію. Отдѣльные случаи подобнаго движенія были также въ у.у.: ямпольскомъ, одесскомъ, ялтинскомъ, пятигорскомъ.

Съ наступленіемъ весны захваты земель не только не приняли массового характера, какъ многіе ожидали, но даже не участились замѣтно. Въ теченіе мая—октября они имѣли мѣсто въ уѣздахъ: ахтырскомъ, вяземскомъ, ѳеодосійскомъ; въ губерніяхъ Тульской и Самарской. Въ Тульской губ., напр., крестьяне пытались произвести раздѣлъ имѣнія кн. Хилковой.—Въ Степной Области, на почвѣ земельныхъ неурядицъ, произошло столкновеніе крестьянъ покровской волости съ киргизами прѣсногорьковской волости; при этомъ было убито и ранено, по газетнымъ свѣдѣніямъ, болѣе 100 человѣкъ.

Всѣ эти столкновенія и неурядицы носили, однако, чисто мѣстный характеръ и почти нигдѣ не принимали сколько-нибудь крупныхъ размѣровъ.

Не больше было распространено и движеніе въ пользу *измѣненія арендныхъ условій*. Въ небольшихъ размѣрахъ оно происходило въ уѣздахъ: Пронскомъ, Саратовскомъ, Сызранскомъ, ѳеодосійскомъ и нѣкоторыхъ другихъ.

Незначительность этого движенія, несмотря на повсемѣстное распространеніе тяжелыхъ условій аренды, объясняется, на нашъ взглядъ, преимущественно тѣмъ, что въ этой области рѣзче всего сказывается конкуренція между самими крестья-

нами и ихъ боязнь упустить изъ своихъ рукъ заарендованный клочекъ земли.

Вообще при обзорѣ крестьянскаго движенія сплошь и рядомъ бросается въ глаза *антагонизмъ, развивающійся въ процессѣ борьбы между различными слоями крестьянства.* Да и какъ ему было не проявиться! При массовыхъ порубкахъ лѣса и «разборкѣ» экономій богатый крестьянинъ ѣхалъ на нѣсколькихъ подводахъ, средній—на одной, а безлошадный—шелъ въ экономію съ мѣшкомъ за плечами. Все это порождало протесты бѣдныхъ и вносило въ крестьянскую среду рознь.

Также обстояло дѣло и съ земельными захватами, арендой и пр. Приэтомъ положеніе еще осложнялось антагонизмомъ интересовъ крестьянъ различныхъ селеній.

Словомъ, по мѣрѣ развитія движенія все болѣе выяснилось, что крестьянство далеко не однородная масса. Отсюда—ссоры, конфликты, доходившіе до убійствъ, поджоги и т. д.

Чтобы исчерпать различные виды крестьянскаго движенія, имѣвшаго мѣсто въ теченіе 1906 г., намъ слѣдовало бы сказать еще объ отказѣ сельскихъ обществъ платить подати, а также объ отказѣ выбирать членовъ въ землеустроительныя комиссіи, учрежденныя по закону 4 марта 1906 г., и затѣмъ перейти къ движенію, непосредственно связанному съ выборами въ Государственную Думу и съ ея дѣятельностью. Разсмотрѣнію этого послѣдняго вопроса мы посвятимъ слѣдующую главу. Тамъ же мы остановимся и на движеніи въ пользу отказа платить подати и выбирать въ землеустроительныя комиссіи, такъ какъ и то и др. движеніе въ значительной степени связано съ Государственной Думой, особенно выборы въ комиссіи.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой сторонѣ вопроса, мы должны остановиться на одномъ крупномъ явленіи, составляющемъ характерную черту для движенія 1906 г.

Выше мнѣ приходилось отмѣчать тотъ фактъ, что въ крестьянскомъ движеніи, начиная съ 1902 г. и кончая осенью 1905 г., полиціи и войскамъ приходилось дѣйствовать обыкновенно въ роли «усмирителей» уже смирившихся крестьянъ, приходилось, иначе говоря, не столько усмирять, сколько карать. На этой почвѣ, естественно, создалось у крестьянъ озлобленіе противъ «усмирителей» и зародилось желаніе мстить. Движеніе 1906 г. показываетъ, что это озлобленіе и чувство мести на-

чинаютъ все чаще и чаще находитъ себѣ выходъ въ упорныхъ столкновеніяхъ съ полиціей, казаками и солдатами; все чаще приходятъ извѣстія о кровавомъ исходѣ «усмиреній» и все большіе размѣры принимаютъ эти столкновенія.

Собственно говоря, уже въ концѣ погромнаго движенія 1905 г. крестьяне стали кое-гдѣ давать полиціи отпоръ. Такъ, по словамъ саратовскихъ газетъ, въ Балашовскомъ у. крестьяне, долго служившіе цѣлью для казаковъ, сами наконецъ принялись устраивать форменныя облавы на нихъ.

Но отпоръ этотъ долго не принималъ видныхъ размѣровъ и крестьяне больше служили объектомъ облавъ, чѣмъ устраивали ихъ сами. Такъ, напр., въ Сорочинцахъ, Хорольскаго у., было убито и ранено 20 человѣкъ; въ д. Васильевкѣ того же у. пострадало столько же; въ д. Афиновкѣ, Херсонскаго у., войсками убито 5, ранено 23 крестьянина. Въ Вяткѣ убито 7 и ранено 27 человѣкъ; въ Лохвицѣ убито 3 и ранено 9 и пр.

Однако съ начала 1906 г. все чаще повторяются случаи «сопротивленія властямъ». Такъ, напр., въ г. Торжкѣ крестьяне собрались освобождать арестованныхъ старшину и писаря. Въ Трубчевскѣ, Путивлѣ, Звенигородскѣ, Лебедяни, Суджѣ, Лохвицѣ и т. д. крестьяне являлись толпами освободить арестованныхъ односельчанъ и «пропагандистовъ». Въ Валуйки, напримѣръ, явилась 2-хъ тысячная толпа и освободила священника Мерецкаго.

Въ цѣломъ рядѣ мѣстъ (с. Караваево, Влад. губ.; д. Мелюшино, Костромской губ.; с. Новосильское, Воронежской губ. и т. д.) крестьяне препятствовали арестамъ «агитаторовъ» и пр.

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ столкновенія, происшедшія въ 1906 г. на почвѣ аграрныхъ отношеній, а потому мы остановимся лишь на болѣе крупный изъ нихъ и посмотримъ, какой характеръ принимали эти столкновенія съ теченіемъ времени.

Случаи столкновеній крестьянъ съ полиціей, представлявшіе въ первые мѣсяца 1906 г. явленія еще довольно рѣдкія,—значительно участились съ апрѣля.

Въ теченіе апрѣля кровавыя столкновенія имѣли мѣсто: Въ с. Дѣвицѣ, Воронежскаго у. (11 крестьянъ убито); въ Баландѣ, Аткарскаго у. (избиты 4 осетина и 1 казакъ); Крутой Балкѣ, Полтавской г. (казаки отступили); въ с. Гавриловкѣ, Семирѣченской обл. (стражники отступили, были тяжело раненые); въ Краснинскомъ у. (ранено 4 стражника и нѣсколько

крестьянъ); въ Кустанайскомъ у. (съ обѣихъ сторонъ были раненые); въ г. Калязинѣ (2 убитыхъ и 7 раненыхъ крестьянъ); въ Дубровкѣ, Могилевской губ. (3 убито и 3 тяжело ранено).

Въ теченіе мая:

у Чаплина Аткарскаго у. (нѣсколько убито и ранено); въ с. Лопандинѣ, Сѣвскаго у. (1 крестьянинъ убитъ и 1 раненъ, 1 казакъ раненъ); въ с. Горбатовѣ, Летичевскаго у. (стражники бѣжали, едва спасшись); въ Новозыбковскомъ у. (ранено нѣсколько крестьянъ); въ с. Олентиевкѣ, Саратовской г. (избита полиція); въ с. Литвиновкѣ, Кіевскаго у. (изгнаны стражники); въ д. Бурой, Гродненской г. (1 крестьянинъ убитъ); въ с. Крутыхъ Горкахъ, Задонскаго у. (убито 2 стражника); въ с. Глубочекъ, Радомысльскаго у. (ранены: приставъ и 3 стражника); въ м. Оникситы, Вилькомірскаго у. (убитъ приставъ).

Въ теченіе іюня:

въ с. Лебединѣ, Чигиринскаго у. (1 солдатъ убитъ, 2 тяжело ранено, 1 офицеръ раненъ легко и 4 крестьянина тяжело); у гр. Шереметьева, Саратовской г. (убитъ 1 крестьянинъ), въ с. Ясеновомъ, Лебединскаго у. (2 офицера и нѣсколько крестьянъ ранено); въ с. Никольскомъ, Самарской г. (убитъ приставъ, исправникъ бѣжалъ); въ с. Свишни, Слуцкаго у. (ранено 3 крестьянина и 3 стражника); въ с. Городищѣ, Черкасскаго у. (убито 4 и ранено 13 крестьянъ, ранено 2 ингуша); въ Баландѣ, Аткарскаго у. (ранено 3); въ сс. Хрущево и Петровка, Моршанскаго у. (1 крестьянинъ убитъ и 1 тяжело раненъ; тяжело раненъ помощн. исправника); въ имѣніи Евреинова, Суджанскаго у. (2 крестьянина убито и 4 ранено); въ с. Каменкѣ, Черкасскаго у. (ранено 5 солдатъ и 16 крестьянъ); въ с. Крапивномъ, Черниговской г. (2 убито и нѣсколько тяжело ранено); въ Кашновомъ, Харьковской губ. 1 убитъ, 1 раненъ тяжело и 3 легко); въ с. Елани, Аткарскаго у. (убитъ урядникъ; приставъ бѣжалъ и квартира его разгромлена); въ с. Лебедяни, Козловскаго у. (3 крестьянина убито и 2 ранено); въ с. Курчаниновкѣ, Суджанскаго у. (стражники отступили); въ д. Митинкѣ, Новоузенскаго у. (убиты приставъ и нѣсколько крестьянъ, много изувѣчено); въ д. Матвѣевкѣ, Саратовской г. (убиты приставъ и 2 крестьянина); въ Мологскомъ у. (избитъ земскій начальникъ и много крестьянъ); въ с. Чернавкѣ, Елецкаго у. (2 крестьянина убиты); въ Уфимской губ. башкиры 6 деревень загнали 70 стражниковъ въ болото и многихъ изувѣчили; въ с. Щучьемъ, Боброгскаго у. (много

убитыхъ и раненыхъ, убитъ 1 офицеръ); въ сл. Алексѣевкѣ, Бирюченскаго у. (избито 57 стражниковъ и много крестьянъ); у Звегинцева, Бобровскаго у. (1 убитъ и нѣсколько ранено); въ с. Марьевкѣ, Воронежской г. (1 убитъ и 3 крестьянина ранены); въ Перлевкѣ, Землянскаго у. (3 убито и нѣсколько ранено); у кн. Мещерскаго, въ Воронежскомъ у. (3 крестьянина убито); въ с. Тростянцѣ, Подольской губ. (убито нѣсколько крестьянъ).

Въ теченіе іюля:

въ с. Тепломъ, Данковскаго у. (ранены приставъ и урядникъ); въ Н.-Басани, Козелецкаго у. (1 убитъ, нѣсколько ранено); въ Минаевкѣ, Суджанскаго у. (2 убито и нѣсколько ранено); въ с. Кочетовкѣ, Козловскаго у. (убито много крестьянъ и ранено нѣсколько драгунъ); въ Самовцѣ, Козловскаго уѣзда (1 крестьянинъ убитъ и 3 ранены, 2 казака ранены); въ с. Яблоновкѣ, Черкасскаго у. (ранены 5 крестьянъ); въ с. Пескахъ, Житомірскаго у. одинъ крестьянинъ распятъ между лошадьми; въ Бобровицѣ, Черниговскаго у. (есть убитые и раненые); при Шаховѣ, Орловскаго у.; въ Омельникѣ, Александрійскаго у. (2 ранены тяжело и 1 легко); въ Борисовкѣ, Грайворонскаго у. (избиты приставъ и старшина; убиты 2 и ранено 13 крестьянъ); въ Череповѣ, Проскуровскаго у. (ранены 12 драгунъ и 5 крестьянъ); въ г. Тетюшахъ (много раненыхъ, есть убитые); въ Ярославскомъ у. (избиты урядникъ и приставъ); въ Снагостѣ, Рыльскаго у. (6 убито и 3 ранены); въ Казалчанкѣ, Кіевской губ. (убито 2 крестьянина); въ с. Метлѣ (убито 2 крестьянина); въ с. Долгушахъ (убито 2 крестьянина).

Въ теченіе августа:

въ Демшинскѣ, Усманскаго у. (убито нѣсколько крестьянъ); въ Новорѣпномъ, Новоузенскаго у. (1 крестьянинъ убитъ); въ Дергачахъ, Новоузенскаго у. (есть убитые и раненые); въ Казинкѣ, Мстиславскаго у. (убиты 2 стражника, избитъ приставъ и завѣдующій экономической стражей); въ Ивановкѣ, Саратовскаго у. (есть убитые и раненые); въ Мачехахъ, Полтавской г. (избиты урядникъ и осетинъ); въ Слободскомъ у. при арестѣ депутата Кузнецова (убитъ 1 и ранено нѣсколько крестьянъ); въ с. Мамыковѣ, Чистопольскаго у. (убито 3: псаломщикъ, крестьянинъ и священникъ); въ Казинкѣ, Ливенскаго у., толпа отбила старосту у полиціи; въ Екатериновкѣ, Самарской губ. (есть раненые); въ Новомъ Мѣстѣ, Поневѣжскаго у. (3 крестья-

нина убито и нѣсколько ранено); въ Казинѣ, Смоленской губ. (убито 2 стражника); въ г. Борзнѣ (убитъ исправникъ, раненъ помощникъ исправника); въ Ивановкѣ, Екатеринославской губ. (убито 5, ранено 3); въ Ильинской волости, Городищенскаго у. (1 убитъ и нѣсколько ранено); въ Каменкѣ, Ломовскаго уѣзда (убитъ исправникъ, раненъ приставъ); въ Звенигскомъ затонѣ, Казанской г. (разгромлена квартира земскаго начальника); въ Соломенкѣ, Бѣлостокскаго у. (1 тяжело раненъ); въ Брыковѣ, Николаевскаго у. (1 раненъ); въ Старовѣровской волости, Купянскаго у. (1 убитъ и 7 ранено); артиллерійская стрѣльба по с. Кугуты, Ставропольской губ. (арестовано 6 солдатъ за отказъ стрѣлять); въ Ломовкѣ, Арзамасскаго у. (прогнанъ приставъ); въ Котельнѣ, Житомірскаго у. (избитъ стражникъ); въ с. Богодуховѣ, близъ Харькова (есть раненые); въ Рѣпномъ, Меленковскаго у. (ранены стражники); въ Бруханщикахъ, Минской губ. (убитъ крестьянинъ); въ Рѣшетиловѣ, Полтавской г. (1 убитъ); въ Карловкѣ, Полтавской г. (1 крестьянинъ убитъ).

Въ теченіе сентября:

Въ Малмыжскомъ у. (убито 8 стражниковъ, 1 урядникъ и тяжело раненъ помощ. испр.); въ м. Воронежѣ Глухов. у. (1 уб.); въ Юрьевѣ Козельскаго у. (нападеніе на стражниковъ); въ Зарѣчанахъ Волковысскаго у. (избиты приставъ и урядникъ); въ Завьяловѣ Балашовскаго у. (брошена бомба въ квартиру урядника); въ Ромашкинѣ Бузулукскаго у. (убитъ 1 казакъ и 15 крестьянъ); въ Яскевичахъ Гродненскаго у. (нѣсколько ранено); въ Купевѣ Симбирскаго у. (убиты 2 крестьянина и ранены 2 казака); въ Щербаковѣ Камышинскаго у. (убито съ обѣихъ сторонъ до 20 человѣкъ, между прочимъ 2 офицера); въ Селивановкѣ Донской Обл. (1 убитъ и 3 ранено); въ Лысой горѣ Херсонской губ. (избиты приставъ и 3 стражника); въ с. Городкѣ Пензенской губ. (избитъ стражникъ); въ Мерсѣ Бѣлозерскаго у. (убито 2 крестьянина); въ Левковѣ Гродненскаго у. (убитъ стражникъ); въ Кориличахъ Новогрудскаго у. (убитъ 1 крестьянинъ); въ Неѣловкѣ Дорогобужскаго у. (есть раненые); въ Ивановѣ Цивильскаго у. (ранены 1 стражникъ и 1 крестьянинъ); въ Еремичахъ Новогрудскаго у. (1 крестьянинъ убитъ); въ Анрустовкѣ Волынской губ. (1 крестьянинъ раненъ); въ Луконичахъ Слонимскаго у. (3 крестьянина ранено); въ Каменскомъ Кустанайскаго у. (убитъ лѣсной объѣзчикъ); въ Юринѣ Васильевскаго у. (избиты урядникъ и стражникъ); въ Траханистовѣ Кузнецкаго у. (сильно избиты 5 стражниковъ);

въ Бѣльничахъ Могилевскаго у. (убито 8 крестьянъ и ранено 10); въ Александровскомъ Ставропольской губ. (1 убитъ и 2 ранены); въ Благодатномъ Ставропольской губ. (2 убиты и 12 ранены); въ ст. Старолабинской Кубанской области (2 крестьянина убито и 5 ранено, 1 офицеръ убитъ); въ Демшинѣ Уманьскаго у. (3 крестьянина убито и нѣсколько ранено); въ г. Богодуховѣ (убито 5 крестьянъ и ранено 12); въ Ровавичахъ Могилевской губ. (нѣсколько ранено); въ Луковицѣ сл. у. (убито 8 кр.); въ Новорѣпномъ Новоуз. у. (1 кр. убитъ); въ Зміевѣ Чистопольскаго у. (убито нѣсколько крестьянъ); въ с. Колышки Смоленской губ. (убитъ урядникъ).

Въ теченіе октября:

Въ Раевкѣ Маріинскаго у. (убитъ урядникъ); въ Шевыревкѣ Саратовскаго у. (1 раненъ); въ Б. Глушицѣ Николаевскаго у. (толпа напала на стражниковъ, 1 крестьянинъ раненъ); у Чаплица въ Саратовскомъ у. (1 крестьянинъ убитъ); въ Ахматѣ Камышинскаго у. (раненъ 1 крестьянинъ).

Въ теченіе ноября:

Вооруж. нападеніе на эк. Пеньковскаго Полтав. губ. (раненъ кучеръ); въ Сердобскомъ у.—раненъ земскій начальникъ и его служащій; около Кобелякъ—раненъ стражникъ; въ Лунинцѣ убиты урядникъ и стражникъ; въ с. Порѣцкомъ Алатырскаго у. (избитъ зем. нач.); въ с. Напольномъ Алатырскаго у.—убитъ стражникъ; въ Денисовкѣ Полтав. губ. (избитъ стражникъ и уб. крестьянинъ); въ д. Рогожиной Балахнинскаго у. (убиты 1 кр. и 1 стражникъ); въ д. Кушаевой Цивильскаго у. (убито 4 и тяж. ран. 3 крест.); въ с. Студенкѣ Сердобскаго у. (ранены 4 крест.); въ Симферопольскомъ у. (ранено 2 стражника); въ Семеновѣ Цивильскаго у. (нѣсколько убито и много ранено); въ Сорочей Крѣпости Аткарскаго у. (ранено 3 крестьянина); въ Мышкинскомъ у. подожжена камера зем. нач.

Вотъ далеко не полный, конечно, мартирологъ крестьянской революціи за 1906 г. Около 200 крестьянъ убито; сотни человѣкъ ранено, изувѣчено и т. д. «Усмирители» понесли гораздо меньше урона убитыми, хотя число раненыхъ также весьма значительно. За 1906 г. при подавленіи крестьянскихъ безпорядковъ убито [1]): 4 офицера, 2 исправника, 4 пристава,

[1]) Приводимыя ниже цифры не претендуютъ на большую точность, во всякомъ случаѣ онѣ значительно ниже дѣйствительныхъ. Въ это число не входятъ жертвы экспедицій Прибалтійскаго края и Кавказа.

8 урядниковъ, 10 стражниковъ, 5 солдатъ. Ранено за то же время: 3 офицера, 3 помощ. испр., 7 приставовъ, 4 урядника, 24 солдата, 1 исправникъ.

Обстановка «сопротивленія властямъ» была въ большинствѣ случаевъ одна и та же. Поводомъ обыкновенно служили: или арестъ «агитатора», или безчинства полиціи.

Крестьяне вооружались кто чѣмъ могъ: кольями, вилами и т. д., ударяли въ набатъ и производили натискъ, нерѣдко обращая въ бѣгство большіе отряды стражниковъ. Въ концѣ концовъ являлись войска и производили усмиреніе. Въ с. Кугуты Ставропольской губ. генераломъ Литвиновымъ была пущена въ ходъ даже артиллерія: 22 августа было выпущено нѣсколько холостыхъ залповъ. Шесть артиллеристовъ, отказавшихся стрѣлять, были арестованы. Со стороны стражниковъ отказовъ стрѣлять почти не было [1]), но за то наблюдалось мѣстами повальное оставленіе ими службы.

Въ иныхъ случаяхъ со стороны крестьянъ дѣлались попытки устраивать баррикады, причемъ въ ходъ пускались бороны, сохи, телѣги и проч. Одну изъ такихъ баррикадъ въ Житомірскомъ у. описываетъ корреспондентъ «Нашей Жизни». «Поздно ночью, пишетъ онъ, крестьяне переправили на паромѣ всѣ свои бороны въ сосѣднее село Нехворость и устлали привезенными боронами, зубьями вверхъ, всю дорогу отъ паромной переправы до деревни. Затѣмъ забили въ набатъ и подняли неистовый шумъ. На тревогу изъ Андрушовки помчались драгуны. Не успѣли они сойти съ парома и двинуться въ темнотѣ по дорогѣ, какъ лошади сразу попали въ колючее загражденіе.. Лошади обезумѣли, стали бросаться во всѣ стороны, драгуны попадали на бороны; поднялась невообразимая суматоха; жестоко пораненые люди и лошади принуждены были вернуться обратно» [2]).

Непосредственными «столкновеніями» протесты крестьянъ однако не ограничивались. Во многихъ мѣстахъ сельскія общества составляли приговора о томъ, чтобы не давать стражникамъ квартиръ, не продавать корма для лошадей. Въ Новоузенскомъ у., напр., крестьяне на сходѣ постановили объ удаленіи изъ села стражниковъ и оштрафованіи каждаго, отдающаго домъ подъ квартиру или стоянку стражниковъ, на 25 р.

[1]) Такъ, напр., въ Куракинской волости, Ефремовскаго у. стражники, на команду стрѣлять, отвѣтили молчаніемъ.

[2]) См. № 478.

Въ м. Котельнѣ Житомірскаго у. крестьяне потребовали въ одинъ изъ праздничныхъ дней удаленія стражниковъ изъ церкви.

Въ общемъ, движеніе, какъ въ этой мирной формѣ *бойкота*, такъ и въ видѣ «столкновеній» несомнѣнно имѣетъ тенденцію расти, и, быть можетъ, недалеко то время, когда оно выльется въ форму открытаго возстанія и массоваго бойкота полиціи.

Насилія надъ личностью помѣщиковъ, ихъ семьей и управляющими были до сихъ поръ очень немногочисленны [1]). Такъ, напр., въ Волынской губ. убитъ управляющій кн. Ливена; въ Могилевскомъ у.—помѣщица Боголюбова; въ Харьковской губ. произведено насиліе надъ управляющимъ кн. Голицына; въ Хвалынскомъ у. нанесены побои управляющему Шихобалова; въ Могилевъ-Подольскомъ у. убитъ бабами посессоръ послѣ того, какъ имъ была избита крестьянка за пастьбу скота на его участкѣ; въ Зміевскомъ у. убитъ помѣщикъ Кочубей и избита Терентьева; въ Самарскомъ у. убитъ управляющій имѣніемъ Чарыкова; въ Россіенскомъ у. избитъ помѣщикъ, ударившій крестьянина; въ Вилейскомъ у. избитъ помѣщикъ Малиновскій; въ Опатовскомъ у. убитъ сынъ землевладѣльца Сатырь; въ Борзнѣ—убитъ управляющій Басанько; въ с. Михельполье Курск. губ.—убитъ арендаторъ Назаровъ; въ Новозыбковскомъ у. убитъ помѣщикъ Леонтовичъ съ женой.

Если движеніе и впредь будетъ вынуждено развиваться при такихъ ненормальныхъ условіяхъ, при какихъ оно происходитъ теперь,—то надо ждать, что убійства и насилія надъ помѣщиками возрастутъ; они явятся местью за дѣйствія полиціи и казаковъ, усмиряющихъ крестьянъ во имя помѣщичьихъ интересовъ.

ГЛАВА VIII.

Карательныя экспедиціи, послѣдовавшія за октябрьскими погромами 1905 г., оказали на деревню терроризирующее дѣйствіе и на нѣкоторое время заставили крестьянское движеніе перейти въ скрытое состояніе. Порубки, погромы и т. п. про-

[1]) Рѣчь идетъ о насиліяхъ на аграрной почвѣ, а не о простыхъ убійствахъ и грабежахъ.

явленія аграрнаго движенія на нѣсколько мѣсяцевъ. Прекратились также митинги, затормозилась организація крестьянскихъ массъ и лишь мѣстами, гдѣ карательныя экспедиціи произвели меньше опустошенія, такая работа шла не прерываясь. Однако и тутъ она должна была приноравливаться къ конспиративнымъ условіямъ и въ силу этого не могла получить достаточно широкаго размаха.

При такихъ условіяхъ происходили выборы въ первую Государственную Думу.

Съ др. стороны, элементы, которые раньше имѣли болѣе доступа въ крестьянскія массы и вели среди нихъ работу, высказались за тактику бойкота Думы. Такое постановленіе, какъ мы знаемъ, было сдѣлано ноябрьскимъ съѣздомъ Всероссійскаго Крестьянскаго Союза и затѣмъ подтверждено на областныхъ и губернскихъ съѣздахъ союза. Бойкотъ Думы былъ также партійнымъ лозунгомъ с.-р. и с.-д.

Теперь не приходится уже говорить о томъ, насколько ошибочна была тактика бойкота вообще и насколько сугубо ошибочной она явилась передъ лицомъ крестьянскихъ массъ.

Крестьянство, едва начинавшее пробуждаться къ политической жизни, едва приступавшее къ формированію своихъ политическихъ симпатій,—было оставлено безъ руководства, предоставлено самому себѣ. Правда, по условіямъ тогдашняго времени, нельзя было и расчитывать какой-либо партіи взять въ свои руки направленіе предвыборной кампаніей: исключительныя положенія, аресты и высылки тысячъ интеллигентныхъ силъ деревни и т. д. — все это дѣлало невозможной сколько-нибудь широкую агитацію. Но не слѣдуетъ забывать, что при тактикѣ бойкота приходилось итти по пути наибольшаго сопротивленія и завѣдомо суживать предѣлы партійнаго вліянія, такъ какъ сама постановка вопроса въ данномъ случаѣ являлась менѣе конкретной.

Насколько тактика бойкота была чужда сознанію даже наиболѣе передовыхъ элементовъ крестьянства, видно между прочимъ изъ того, что за двумя—тремя исключеніями она не нашла себѣ никакого отклика въ деревнѣ.

Крестьянство цѣликомъ приняло участіе въ выборахъ.

Едва ли нужно доказывать, что выборы эти протекли крайне ненормально. Въ самомъ дѣлѣ, лишь въ немногихъ случаяхъ удавалось устроить предвыборныя собранія, и благодаря этому выборы отъ крестьянъ проходили сплошь и рядомъ въ темную

безъ достаточно сознательнаго отношенія избирателей. Въ *Боровичахъ*, напр., выборы на уѣздномъ собраніи производились по жребію, причемъ избранными оказались два совсѣмъ не развитые крестьянина и одинъ георгіевскій кавалеръ съ платформой: «веселіе Руси есть пити [1])». Изъ *Гдовскаго у.* корреспондентъ писалъ: «выборы на волостныхъ сходахъ прошли съ малосознательнымъ отношеніемъ къ дѣлу... На многихъ сходахъ думали, что избираютъ непосредственно членовъ Государственной Думы [2]). Въ *Суджанскомъ у.* нѣкоторые волостные старшины ограничились тѣмъ, что приказали всѣмъ сельскимъ старостамъ явиться къ такому-то числу въ мѣсто выборовъ, не упомянувъ даже для какой цѣли. Попытки устроить наканунѣ предвыборное собраніе почти нигдѣ не увѣнчались успѣхомъ [3])». Изъ *Самарской губ.* въ «Н. Ж.» сообщалось, что предвыборныя собранія, за небольшими исключеніями, въ волостяхъ не были».

Мало того. Были случаи, когда повѣстки вручались лишь наканунѣ схода. Въ *Борзенскомъ у.*, напр., «подготовка къ выборамъ прошла въ глубокой тайнѣ отъ населенія»... О днѣ выборовъ узнали только наканунѣ». Изъ *Николаевскаго* и *Бугурусланскаго у. у.* сообщалось, что «деревня въ полномъ невѣдѣніи, какъ о сущности Г. Думы, такъ равно и о положеніяхъ, вытекающихъ изъ манифеста 17 октября, который во многихъ мѣстахъ даже неизвѣстенъ [4])».

Мы могли бы привести сколько угодно свидѣтельствъ изъ разныхъ угловъ Россіи, что крестьяне въ дѣлѣ выборовъ бойкотировались начальствомъ, которое прилагало всѣ усилія, чтобы населеніе было затронуто «агитаціей» возможно менѣе и менѣе сознательно отнеслось бы къ выборамъ. Въ однихъ случаяхъ это достигалось запрещеніемъ предвыборныхъ собраній и оповѣщеніемъ наканунѣ выборовъ, въ другихъ — односторонней, черносотенной агитаціей съ соизволенія начальства. Газета «Наканунѣ» сообщала, напр., объ агитаціи духовенства *Старобѣльскаго у.*, проповѣдывавшаго истинно-русскія идеи.

Въ др. мѣстахъ агитаціей занимались земскіе начальники и полиція. Изъ *Гадячьскаго* у., напр., сообщалось, что [5]) «земскіе начальники разъѣзжаютъ по селамъ и на сходахъ разъясняютъ манифестъ 17 октября, приглашаютъ вступить въ

[1]) Такъ же происходили выборы, напр., и въ Муромѣ.
[2]—[3]) «Вѣстникъ Народной Свободы», №№ 4 и 6.
[4]—[5]) «Русскія Вѣдомости» 1906 г. №№ 45, 57 и 55.

партію правоваго порядка, а остальные союзы называютъ революціонными и грозятъ преслѣдованіемъ». Въ *Пермской* г. агитировалъ губернаторъ, убѣждавшій крестьянъ въ своемъ воззваніи «крѣпко сплотиться», чтобы не попали въ Думу «разные смутьяны, которые натравляли крестьянъ противъ царя и подстрекали къ грабежу [1])».

Власти не ограничивались однако «словами», но примѣняли и болѣе рѣшительное оружіе, не останавливаясь передъ прямымъ насиліемъ. Такъ, въ *Витебской* г. неугодныхъ кандидатовъ арестовали; нѣкоторые волости (напр., Королевская) отказались *вслѣдствіе этого выбирать*. Во *Владимірской* губ. земскіе начальники являлись на сходы и навязывали крестьянамъ уполномоченныхъ. Такъ прошелъ между прочимъ старшина, обвинявшійся въ утайкѣ суммъ Краснаго Креста. На многихъ сходахъ присутствовали стражники. Въ *Воронежской* губ. на сходахъ фигурировали не только стражники, но и казаки. Въ *Екатеринославской* губ. казаки распространяли прокламаціи октябристовъ, и когда одинъ рабочій пытался сорвать ее, выбили ему глазъ нагайкой. Въ *Кіевѣ* выборщиковъ-крестьянъ изолировали въ Печерской Лаврѣ и «обрабатывали» полиція и духовенство. «Обработка» однако не удалась: крестьяне выбрали лѣвыхъ. Въ с. Севрони *Подольской* г. выборами распоряжался приставъ, назначившій въ уполномоченные старшину и бывшаго жандарма. Въ *Зарайскомъ* у. уполномоченные также были назначены: «никакихъ собраній—ни предвыборныхъ, ни выборныхъ въ уѣздѣ не было [1])». Въ *Херсонской* г. въ м. Станиславовку, гдѣ крестьяне переизбрали сходъ, явился приставъ съ казаками и высѣкъ 18 человѣкъ, приговаривая: «вотъ вамъ выборы, вотъ вамъ депутаты, свобода слова и собраній». Въ Хатунской волости *Московскаго* у. было вывѣшено «правительственное объявленіе»: «крикуновъ не выбирать». Въ *Волынской* г. выборщиковъ-крестьянъ подвергли «домашнему аресту», не пустивъ ихъ на предвыборное собраніе, и взяли съ нихъ присягу евреевъ не выбирать» и т. д.

Такъ словомъ и дѣломъ агитировали власти, безсознательно подготавливая неугодную для начальства Думу.

Агитація оппозиціонныхъ элементовъ въ деревнѣ была поставлена въ невозможныя условія. Даже такая «лойяльная» партія, какъ кадеты, не могли устраивать собраній, а литера-

[1]) См. «Наша Жизнь» 1906 г.

тура ихъ усиленно отбиралась у крестьянъ полиціей. О болѣе лѣвыхъ партіяхъ нечего, конечно, и говорить: ихъ участіе въ агитаціи опредѣлялось всецѣло условіями конспиративной работы и не могла поэтому принять значительныхъ размѣровъ.

Итакъ, вотъ обстановка, при какой крестьянская масса должна была избрать своихъ представителей въ первый парламентъ: косвенное и прямое давленіе властей, духовенства и пр., съ одной стороны, и внутренняя изоляція прогрессивныхъ элементовъ, съ другой. Такимъ образомъ, все какъ будто благопріятствовало тому, чтобы выборы крестьянскихъ уполномоченныхъ дали составъ, соотвѣтствующій видамъ правительства и чтобы въ Думу прошли черносотенные «богатыри мысли». Этого однако не случилось. Крестьянство, въ массѣ своей, инстинктивно пошло не той дорогой, на которую усиленно толкало его начальство, и избрало самостоятельный путь, болѣе отвѣчающій его насущнымъ интересамъ.

Корреспондентскія извѣстія о ходѣ выборовъ единодушно отмѣчаютъ тотъ фактъ, что крестьяне при выборахъ руководились по большей части опредѣленными, отнюдь не случайными, соображеніями. Изъ *Черниговской* г., напр., сообщалось, что «крестьяне дружно проваливаютъ на выборахъ пановъ и поповъ [1]). Въ *Суджанскомъ* у. «проявилась тенденція не пропускать священниковъ [2])». Въ *Гдовскомъ* у. «на нѣкоторыхъ сходахъ выбирали только бѣдняковъ [3])». Въ *Рузскомъ* у. избирались крестьяне, имѣющіе только надѣльную землю, безъ собственной», причемъ старшины и т. п. начальство обыкновенно забаллотировывались [4]). На сходахъ *Изюмскаго* у. «не выбирали ни одного собственника земли (сверхъ надѣльной), полагая, что онъ будетъ противъ раздѣленія ея [4])». Въ Вольскомъ у. «богатый своекорыстный элементъ былъ почти во всѣхъ случаяхъ забаллотированъ [5])».

Такія свѣдѣнія шли со всѣхъ сторонъ: *почти всюду на сходахъ рѣзко сказалось стремленіе бѣдноты выбирать только такихъ крестьянъ, которые постоятъ за землю.* Выбирались, приэтомъ, обыкновенно наиболѣе развитые элементы: грамотные, учителя, писаря, снискавшіе себѣ уваженіе населенія, и т. д.

Тотъ же подборъ происходилъ на уѣздныхъ выборахъ и

[1]) «Вѣстникъ Народной Свободы», №№ 4 и 6.
[2]) «Русскія Вѣдомости» 1906 г., № 56.
[3]—[5]) «Русскія Вѣдомости» 1906 г., №№ 56 и 69.

затѣмъ при избраніи членовъ Думы. Въ результатѣ получилось именно то, чего опасалась бюрократія и противъ чего она принимала «зависящія мѣры». Министръ Дурново однажды заявилъ, что «третій элементъ Россіи не нуженъ», что «съ нимъ надо бороться». Руководясь этимъ, правительство всегда старалось изолировать крестьянъ отъ вліянія интеллигентныхъ лицъ. Въ данномъ случаѣ это проявилось въ томъ, что крестьяне были обособлены въ особыя выборныя коллегіи на первыхъ двухъ стадіяхъ, а на третьей—выбирали изъ своей среды по крайней мѣрѣ одного депутата. Такимъ путемъ правительство надѣялось получить порядочное количество покорныхъ голосовъ. Разсчеты, какъ извѣстно, не оправдались: крестьяне избрали своими представителями по большей части лицъ идейныхъ и притомъ изъ числа «третьяго элемента». Въ Симбирской губ., напр. крестьянскимъ депутатомъ былъ избранъ Аладьинъ; въ Саратовской—учитель Аникинъ; въ Пензенской—учитель Дюмаевъ; въ Костромской—крестьянинъ Гороховъ, незадолго передъ тѣмъ арестованный; въ Ковенской—студентъ Лопасъ, въ Курской—статистикъ Шапошниковъ; въ Подольской—адвокатъ Заболотный; въ Самарской — земецъ Пустовойтовъ, въ Петербургской—учитель Быстровъ; въ Ставропольской—Онипко; въ Таврической—членъ крестьянскаго союза Ничипоренко; въ Тамбовской—земскій служащій Окуневъ; въ Тверской—студентъ Субботинъ; въ Харьковской—Назаренко; въ Гродненской—«неблагонадежный крестьянинъ Кондращукъ и т. д.

Въ большинствѣ случаевъ «крестьянскіе» депутаты примкнули къ Трудовой Группѣ и лишь нѣсколько человѣкъ составили въ Думѣ правую (Бѣлоусовъ—Олонецкой губ.; Костровъ—Ярославской; Павловъ—Московской, Алехинъ—Орловской и др.).

Не оправдали надеждъ правительства и большинство др. депутатовъ-крестьянъ, которые примкнули также къ Трудовой Группѣ.

Особенный интересъ представляютъ выборы по Саратовской г. Здѣсь руководство ими взялъ на себя «Союзъ трудящихся», ядро будущихъ трудовиковъ въ Думѣ, и ему удалось провести почти всѣхъ своихъ кандидатовъ. Выбранными тутъ оказались все «неблагонадежные»: Ульяновъ, Аникинъ, Бондаревъ, Жилкинъ и др., и только 2 члена Думы изъ 10 были к.-д.

Въ др. губерніяхъ «лѣвые» не взяли въ свои руки проведеніе кампаніи и руководство перешло къ к.-д., которымъ и удалось провести больше своихъ кандидатовъ, чѣмъ это было бы возможно въ иномъ случаѣ.

Въ общемъ итогѣ наиболѣе оппозиціонный составъ депутатовъ (при содѣйствіи крестьянъ) дали слѣдующія губерніи: Воронежская, Вятская, Костромская, Курская, Полтавская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Смоленская, Ставропольская, Пензенская, Таврическая, Харьковская и Черниговская. Консервативный (относительно) составъ депутатовъ дали лишь немногія губерніи,—напр., Калужская, Московская, Псковская, Нижегородская, Олонецкая, Пермская и Тамбовская. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подкладка «консерватизма» депутатовъ-крестьянъ кроется въ политической неразвитости (Псковская, Олонецкая); въ Московской, Нижегородской и Пермской губ. преобладалъ кулацкій элементъ; въ Тамбовской губ.—терроризирующее вліяніе оказали карательныя экспедиціи, заставившія притаиться все—мало-мальски прогрессивное.

Результаты выборовъ были тѣмъ болѣе неожиданны, что всякая политическая жизнь въ деревнѣ, какъ казалось, замерла. Въ дѣйствительности, однако, въ крестьянствѣ шла глубокая, скрытая работа политическаго самоопредѣленія и одинъ изъ толчковъ этому движенію былъ данъ несомнѣнно выборами въ Думу, вокругъ которой мало-по-малу стали сосредоточиваться чаянія и упованія массы населенія, ея надежды на землю и избавленіе отъ притѣсненія чиновниковъ.

Кто же могъ оказать защиту и удовлетворить мужицкія ожиданія? Конечно, не кулаки, не священники, тянущіе руку полиціи и земскихъ начальниковъ. Надежнымъ «ходокомъ» въ глазахъ крестьянъ могъ явиться лишь свой братъ-крестьянинъ, испытавшій на собственной спинѣ и земельную нужду, и начальническій гнетъ. Такихъ именно крестьянство и стремилось послать «добывать землю и волю». Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда администрація принимала особыя мѣры давленія, выбранными оказывались «богатыри мысли»; въ общемъ же, несмотря на все стараніе, правительству не удалось подтасовать выборовъ: ни искусственной избирательной системой, ни арестами кандидатовъ, ни давленіемъ на выборщиковъ. Слишкомъ рѣзко противорѣчатъ интересы крестьянскаго населенія самому существу этого правительства, чтобы такой опытъ могъ удасться.

Характерно, между прочимъ, то обстоятельство, что даже «богатыри мысли» въ Думѣ, въ большинствѣ случаевъ, скоро перешли въ противоправительственный лагерь, несмотря на подходы къ нимъ, на устройство Ерогинскаго общежитія и т. д.

Въ періодъ, предшествовавшій выборамъ, политическая жизнь была до крайности сдавлена. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ выборы подвигались впередъ, «прижимъ» неуклонно расползался, на сцену снова выдвинулись митинги, петиціи; печать заговорила свободнѣе, словомъ, жизнь стала живѣе. Заговорила снова и деревня. Кое-гдѣ состоялись проводы-митинги, на которыхъ депутаты развивали свою программу; затѣмъ мѣстами составлялись «наказы» депутатамъ и т. д.

До открытія Думы это оживленіе не было, однако, особенно замѣтно. Лишь съ открытіемъ ея, когда репрессіи ослабѣли еще, со всѣхъ сторонъ посыпались въ Думу телеграммы и петиціи изголодавшейся деревни. Въ Петербургъ стали являться ходаки, чтобы довести до свѣдѣнія Думы о своихъ нуждахъ. Словомъ, Дума сразу стала тѣмъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточились крестьянскія надежды на лучшую долю, на устраненіе тѣхъ или другихъ, сплошь и рядомъ чисто мѣстныхъ, притѣсненій. Къ Думѣ стали обращаться по самымъ различнымъ поводамъ. Напр., Поляковское сельское общество Донской Обл., «изнемогая отъ голода», просило похлопотать у министра о дополнительной продовольственной ссудѣ. Крестьяне д. Боронъ, Черниговскаго у., жаловались на губернатора и просили «требовать» ихъ «дѣло» (изъ-за выгона съ помѣщикомъ) «изъ черниговскаго губернскаго присутствія». Цѣлый рядъ сельскихъ обществъ просилъ «защиты» противъ казаковъ, помѣщиковъ и т. д. и обращался за «совѣтами» по поводу различныхъ случаевъ,—покупки земли и пр.

Крестьяне бѣлгородненской волости (вольскаго у.), напр., избитые казаками за потраву помѣщичьяго хлѣба, просили «защиты» Думы. Богдарское общество *Александровскаго у.*, ходатайствовало о томъ, «чтобы Крестьянскій банкъ выдалъ ссуду на покупку земли полностью, съ разсрочкой уплаты въ теченіе 50 лѣтъ». «Иначе, добавляли крестьяне: мы погибаемъ».

Не ограничиваясь письменными ходатайствами, нѣкоторыя общества посылали ходоковъ лично довести до свѣдѣнія членовъ Думы о своихъ нуждахъ.

Съ какими подчасъ просьбами обращались крестьяне, видно между прочимъ изъ слѣдующаго. Въ Петербургъ пріѣзжали уполномоченные 6 селеній Васильковскаго у. хлопотать о выдѣленіи этихъ селеній въ отдѣльную волость. Крестьяне просили объ этомъ во всѣхъ инстанціяхъ и даже подавали прошеніе на высочайшее имя,—но безрезультатно. Послѣ этого у

нихъ осталась, какъ говорили они: надежда только на Думу, въ средѣ которой есть «представители крестьянъ, знающіе всю тяжесть крестьянскаго безправія».

Наряду съ этими ходатайствами мѣстнаго характера, въ Думу поступали еще въ большемъ количествѣ заявленія общеполитическаго свойства. Особенно велико число этихъ заявленій было въ Трудовую Группу и на имя ея членовъ. Во всѣхъ нихъ не трудно подмѣтить одинъ общій крикъ: «земли и воли!» хотя больше всего подчеркивается первое изъ этихъ требованій.

«Безъ пониженія налоговъ, безъ всей земли, полной воли и всѣхъ правъ и амнистіи—не возвращайтесь, заявляли крестьяне села Скочилова, *Яранскаго у.*: особенно стѣснены удѣлами. Дальше терпѣть нѣтъ силъ». Крестьяне с. Козловки, *Чебоксарскаго у.* просятъ Думу «не забыть и бѣднѣйшую Козловку» и похлопотать «объ общемъ отчужденіи помѣщичьей земли». Порогинское общество *Нижнеломовскаго у.* проситъ объ удовлетвореніи его «нуждъ и печали», главнымъ образомъ о землѣ. Уполномоченные Б.-Малышевской вол., *Бузулукскаго у.* напоминаютъ своимъ представителямъ, что «крестьяне и земля неразлучны». Крестьяне *Псковской губ.* въ телеграммѣ депутату Савельеву просятъ «постараться достать какъ можно скорѣе земли и хлѣба». Баладинскій сходъ заявлялъ, что безъ свободы и земли крестьянамъ жить невозможно. «Пріобрѣсти землю за деньги въ виду полнаго нашего обнищанія не можемъ.

Большинство заявленій перваго періода дѣятельности Думы представляетъ варіацію этого основного требованія: «земли и воли» и проникнуто вѣрой въ то, что Дума сможетъ быстро разрѣшить ихъ наболѣвшія нужды и освободитъ, наконецъ, отъ крѣпостническихъ путъ, дастъ всѣмъ трудящимся землю, такъ какъ «крестьяне и земля неразлучны». «Дай землю тѣмъ, кто ею пользуется, вотъ и вся недолга», такъ по словамъ «Крымскаго Курьера» крестьяне представляли себѣ рѣшеніе вопроса Думой, когда посылали ей свои приговора.

Лишь въ видѣ исключенія можно указать на заявленія, въ которыхъ высказывалось бы недовѣріе къ компетенціи Думы рѣшать основные вопросы о землѣ, волѣ и проч. и требовался бы созывъ «всенароднаго учредительнаго собранія».

Такъ вопросъ ставился, напр., въ приговорѣ крестьянъ хутора Тищенскаго, *Ставропольской губ.* «Созываемая Дума, утверждали они: не вправѣ рѣшать судьбу Россіи, а потому требуемъ отъ крестьянъ-депутатовъ всѣми силами добиться не-

медленнаго всенароднаго учредительнаго собранія, осуществленія всѣхъ свободъ, объявленныхъ манифестомъ 17 октября, отмѣны всѣхъ исключительныхъ законоположеній, полной амнистіи всѣмъ пострадавшимъ за политическія убѣжденія и т. д.». Требованіе, чтобы «Дума была превращена въ учредительное собраніе», выражено также въ приговорахъ обществъ: Орловскаго Брянскаго у., Любопальскаго Одесскаго у. и нѣк. др.

Первые шаги Думы, наткнувшейся на сопротивленіе правительства, подѣйствовали отрезвляюще и на крестьянъ. Въ приговорахъ по поводу министерской декларации 13 мая начинаетъ опредѣленнѣе намѣчаться тотъ путь, какимъ депутаты должны добиваться земли и воли. Мѣсто неясныхъ поощреній занимаетъ указаніе на министровъ, какъ на враговъ народа, тормозящихъ удовлетвореніе крестьянскихъ нуждъ. Несомнѣнно поэтому, что декларація сослужила большую агитаціонную роль, показавъ даже самымъ темнымъ крестьянамъ, кто такое «правительство» и чего оно желаетъ.

Такую же агитаціонную роль сыгралъ и отказъ правительства амнистировать участниковъ политической борьбы, аграрныхъ волненій и т. д. Крестьянство имѣло возможность въ данномъ случаѣ непосредственно убѣдиться въ «благожелательности» правительства, не желающаго освободить изъ тюремъ тысячи аграрниковъ, пострадавшихъ за общее дѣло добыванія земли.

И вотъ мы видимъ, какъ въ заявленіяхъ этого *второго періода* (по поводу отвѣта Думы на тронную рѣчь и по поводу декларации 13 мая) все болѣе начинаетъ фигурировать на первомъ планѣ требованіе «свободы» и подчеркивается убѣжденіе, что безъ свободы не видать крестьянамъ и земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ большую остроту пріобрѣтаетъ вопросъ о поддержкѣ Думы. «Мы готовы каждую минуту поддержать васъ, заявляли, напр., крестьяне с. Тяглаго *Самарской г.*: если бы даже пришлось жертвовать собой». Крестьяне с. Каинокъ *Казанской г.*, протестуя противъ декларации, писали: «Помните, наши избранники, что за вами стоимъ мы, для которыхъ жить по старому невозможно». Ивановцы *Саратовскаго у.* поощряли депутатовъ «свергнуть иго деспотовъ-палачей, безсудно казнящихъ и давящихъ Россію своимъ произволомъ и насиліемъ». «Не смущайтесь отказомъ правительства, писали крестьяне с. Сарасгера *Мензелинскаго у.*: твердо стойте за землю, мы поддержимъ васъ словомъ и дѣломъ. Крестьяне Ништанской вол *Яран-*

скаго у. протестовали противъ декларацiи, какъ противъ «издѣвательства надъ волей русскаго народа». Огнетовское общество той же волости просило депутатовъ «не смущаться брошеннымъ странѣ вызовомъ... Поддержимъ; дольше такъ жить нельзя!»

Протестуя противъ декларацiи и предчувствуя, что за осуществленiе своихъ интересовъ придется не мало еще бороться, крестьяне, какъ показываютъ приговора, еще не разбирались тогда, что и какъ слѣдуетъ предпринять. Одни совѣтуютъ депутатамъ добиваться аудiенцiи у Государя, такъ какъ «недопустимо, чтобы Императоръ хотѣлъ гибели своей родины по совѣту министровъ» [1]). Другiе побуждаютъ Думу вступить на путь тѣснаго общенiя съ населенiемъ и искать поддержки не на верху, а въ низахъ. Такъ, крестьяне с. Ильмено въ телеграммѣ депутату Рогову просили внести въ Думу предложенiе объ изданiи воззванiя къ народу о смѣнѣ министерства и ознакомленiи народа съ отвѣтнымъ адресомъ на тронную рѣчь».

Что декларацiя впервые заставила широкiя массы задуматься надъ сложностью предстоящей политической задачи, объ этомъ единодушно свидѣтельствуютъ не только приговора, но и корреспонденцiи изъ провинцiи. «Правительственная декларацiя, пишутъ «Наканунѣ» изъ Сумскаго у.: сдѣлала то, что не могли сдѣлать многочисленныя прокламацiи крайней лѣвой. Отовсюду по адресу горемыкинскаго министерства можно слышать такiе эпитеты, которые звѣздоносцамъ и во снѣ не снились». «Министерская декларацiя произвела на крестьянъ впечатлѣнiе какого-то тумака по головѣ, сообщаютъ «Нашей Жизни» изъ Опочецкаго у.: она ошеломляетъ, заставляетъ сначала недоумѣвающе разводить руками, а затѣмъ злобно ощетиниваться». Особенно озабочиваетъ крестьянъ вопросъ, «что же теперь дѣлать, какъ земли не дадутъ? Дойдетъ до того, что осенью рекруты служить откажутся или лѣса казенные станемъ жечь». «Орловскiй Вѣстникъ» писалъ, что «крестьяне въ виду неудовлетворившаго ихъ отвѣта министровъ... во многихъ мѣстахъ держатъ себя вызывающе и открыто говорятъ, что терпѣть долго не станутъ». «Саратовскiй Дневникъ» также констатировалъ ростъ недовольства въ крестьянской средѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сознанiя, что «нужно всѣмъ сообща, общими силами дружно дѣйствовать, бороться съ врагомъ», такъ какъ «имъ, «бюро-

[1]) См. приговоръ крестьянъ слоб. Покровской, Новоузенскаго у

кратамъ», оторваться отъ власти, значитъ очинно трудно. Все-равно—поросята присосались или клещи впились въ тѣло». Изъ Гадячьскаго у. «Отголоскамъ жизни» сообщалось, что выступленіе Стишинскаго и Гурко въ Думѣ произвело на населеніе сильное впечатлѣніе. «Интересно отмѣтить, писалъ корреспондентъ, что больше всего волнуется наименѣе сознательная масса крестьянъ. Болѣе или менѣе сознательные элементы и раньше ничего не ждали отъ правительства». Корреспонденція оканчивается обычнымъ указаніемъ на агитаціонную роль декларації. «Министерство распространило въ милліонахъ экземпляровъ свою декларацію. Не знаю,—пишетъ корреспондентъ,—какъ отнесутся мѣстные помѣщики къ этой геніальной идеѣ нашего министерства, но что мѣстныя организаціи крайнихъ партій могутъ отъ всей души привѣтствовать это благое намѣреніе правительства,—не подлежитъ никакому сомнѣнію».

Вообще нужно сказать, что наибольшее агитаціонное значеніе имѣли вовсе не законопроекты, разрабатывавшіеся к.-д. въ большомъ количествѣ, а министерскія выступленія и думскія пренія по поводу злободневныхъ вопросовъ,—въ особенности же правительственныя заявленія и критика ихъ въ Думѣ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что правительство обладало гораздо лучшимъ аппаратомъ для распространенія своихъ «сообщеній», декларацій и пр., чѣмъ Дума. Оно печатало свои «сообщенія» въ милліонахъ экземпляровъ, Дума же не могла выполнить это по недостатку средствъ. Такъ, когда возникъ вопросъ о томъ, чтобы «организовать разсылку отчетовъ Думы во всѣ учрежденія Россіи и непремѣнно во всѣ сельскія и волостныя правленія, земскія и городскія управы и др. учрежденія», секретаріатъ Думы подсчиталъ, что осуществленіе этого потребовало бы около 1 милл. р., тогда какъ весь бюджетъ Думы равенъ 1,$_8$ милл. р., и вопросъ былъ такимъ образомъ похороненъ.

Съ другой стороны, Дума, или вѣрнѣе ея большинство, долгое время не хотѣла вступать на путь агитаціи въ массахъ и не заботилась о распространеніи своихъ «законопроектовъ» въ населеніи. Въ концѣ концовъ к.-д. рѣшились вступить на этотъ революціонный путь, но это было уже послѣднимъ шагомъ Думы.

Нерѣшительно на путь широкой агитаціи вступала и Трудовая Группа, ограничивавшаяся долгое время лишь полученіемъ крестьянскихъ приговоровъ и пріемомъ ходоковъ.

Мало по малу формы общенія депутатовъ съ населеніемъ ста-

новились разнообразнѣе, депутаты стали появляться передъ избирателями въ провинціи и давать отчеты о дѣятельности Думы. Къ сожалѣнію, такая форма общенія не успѣла получить широкихъ размѣровъ, а между тѣмъ она несомнѣнно имѣла крупное вліяніе на крестьянъ, и предѣлы ея воздѣйствія не ограничивались небольшимъ кругомъ лицъ, имѣвшихъ возможность лично слышать депутатовъ. Слухъ о пріѣздѣ депутата, о его рѣчахъ — обыкновенно распространялся на большую округу и больше «волновалъ» населеніе, чѣмъ газетныя сообщенія о засѣданіяхъ Думы.

Въ роли такихъ разъѣздныхъ агитаторовъ выступали преимущественно трудовики, изъ к.-д. же лишь немногіе предпринимали поѣздки по деревнямъ [1]). Правительство было сильно обезпокоено общеніемъ депутатовъ съ избирателями; оно хотѣло оставить монополію «общенія» за собой и стремилось оградить крестьянъ отъ тлетворнаго вліянія думцевъ. Вслѣдствіе этого приговоры сходовъ нерѣдко претерпѣвали сложныя мытарства: крестьяне прятали ихъ до отправки въ тайникахъ, посылали «для вѣрности» съ ходоками, а не почтой и т. д. Немало затрудненій встрѣчали крестьяне и при отсылкѣ телеграммъ въ Думу. Не ограничиваясь открытыми препятствіями, правительство секретно предписало губернаторамъ «воздѣйствовать» на крестьянъ, чтобы они не посылали на имя депутатовъ никакихъ крамольныхъ наказовъ, приговоровъ и пр.

Происходившія при этомъ столкновенія имѣли гораздо больше агитаціоннаго значенія, чѣмъ приговора, о которыхъ шла рѣчь. Одно изъ такихъ столкновеній описываетъ, напримѣръ, «Живое Слово». Крестьяне с. Талалаевки Роменскаго у. послали въ Думу привѣтственную телеграмму. Спустя нѣсколько дней они получили извѣщеніе, что передача телеграммы пріостановлена жандармами. Дѣло на этомъ однако не кончилось. Вскорѣ пріѣхалъ приставъ допрашивать, кто составилъ текстъ телеграммы. Не добившись толку, онъ долженъ былъ уѣхать. Рѣшительнѣе поступилъ урядникъ Васьковъ съ приговоромъ крестьянъ Мартыновской вол. Суджанскаго у. Явившись на сходъ, онъ, «никому

---

[1]) Напримѣръ, Сафоновъ ѣздилъ въ Аткарскій у.; Набоковъ, Сафоновъ и Котляревскій участвовали въ митингѣ на станціи Сиверской, Лужскаго у.; Огородниковъ—въ с. Жарки, Костромской г.; Новосильцевъ—въ Калужской г.; Френкель—въ Кіевской; Скульскій—въ Ярославской.

ни слова не говоря, вырвалъ этотъ приговоръ, тутъ же разорвалъ и ушелъ [1])».

Подобнаго рода «опытное обученіе» происходило и въ другихъ мѣстахъ.

Тормозя посылку приговоровъ въ Думу, правительство пыталось вмѣстѣ съ тѣмъ инсценировать гласъ народа и прибѣгало для этого къ фальсификаціи приговоровъ. О томъ, какъ фабриковались эти приговоры, разоблачила между прочимъ «Н. Ж.», сопоставивъ телеграмму Уфимскаго патріотическаго общества (6 мая) съ адресомъ анонимной монархической партіи гор. Астрахани (8 мая). Телеграммы разнятся лишь словами въ скобкахъ, приписанными авторами астраханскаго адреса въ Петербургѣ. Вотъ эти телеграммы:

«...если они хотятъ работать на помощь тебѣ и народу, пусть работаютъ; если же они вздумаютъ разыгрывать роль вершителей судебъ нашихъ помимо воли нашей, то (убери ихъ и) вѣрь, что весь русскій народъ поддержитъ тебя; здѣсь не придется хитрить и обманывать, а придется только подняться на защиту тебя, оберегающаго народъ свой, и повѣрь, что здѣсь сила наша».

Такая фабрикація черносотенныхъ адресовъ на задворкахъ полицейскихъ участковъ въ Петербургѣ вызвала въ свое время протестъ Думы. Протестъ этотъ нашелъ поддержку кое-гдѣ и въ крестьянскомъ населеніи,—на имя депутатовъ былъ присланъ рядъ приговоровъ съ выраженіемъ негодованія по поводу поддѣлки народнаго мнѣнія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

Связь, установившаяся съ самаго начала между Думой и крестьянствомъ, съ теченіемъ времени все росла. Объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ многочисленные приговора, поступавшіе въ Думу. Я уже говорилъ объ общемъ характерѣ этихъ петицій: основнымъ тономъ ихъ до послѣдняго времени была вѣра въ то, что Дума можетъ и должна улучшить крестьянскую жизнь. «Мы крѣпко вѣримъ, что только вы, народные избранники, выведете насъ изъ тьмы невѣжества и безправія [2])», заявляли тверскіе, а вслѣдъ за ними и другіе крестьяне.

---

[1]) См. «Вѣстникъ Народной Свободы», № 21—22.

[2]) Изъ приговора д. Алешкино, Тверской губ.

И полные вѣры въ то, что Дума услышитъ ихъ голосъ, удовлетворитъ ихъ нужду,—крестьяне спѣшили массами приговоровъ довести до свѣдѣнія Думы объ этихъ нуждахъ. Никогда до того времени голосъ рядового крестьянина не звучалъ болѣе громко. Вотъ почему тщательное изученіе приговоровъ, поступавшихъ въ Думу, крайне важно. Оно помогаетъ разобраться въ «голосѣ народа» и опредѣлить симпатіи массы населенія. Большое количество приговоровъ дѣлаетъ эту задачу весьма благодарной, такъ какъ даетъ возможность уловить общій тонъ и отвлечься отъ случайныхъ заявленій, иногда быть можетъ навѣянныхъ со стороны.

Чего же добивается крестьянство, какъ представляетъ оно себѣ положеніе дѣла?—вотъ основной вопросъ, который настойчиво выдвигаетъ жизнь.

Требованіе «земли» повторяется на всѣ лады въ приговорахъ и составляетъ несомнѣнно основное крестьянское требованіе. Интересно посмотрѣть, какъ крестьянство представляетъ себѣ рѣшеніе аграрнаго вопроса. На это приговора даютъ разнообразные отвѣты.

Нѣкоторые изъ нихъ просто заявляютъ о «прирѣзкѣ земли» и просятъ «выхлопотать хотя небольшой земельный надѣлъ за установленную посильную плату» [1]). «Мы не мечтаемъ о многомъ,—заявляютъ крестьяне с. Расторопова, Весьегонскаго у.—мы были бы счастливы, если бы намъ дали всѣмъ хотя по 4 дес. на ѣдока». «Самое главное и необходимое для нашего народа, по мнѣнію крестьянъ д. Марфино, Мокшанскаго у.: прирѣзка земли». Крестьяне Луговской вол., Лужскаго у. просятъ Думу, черезъ «генерала Муромцева», «увеличить прирѣзкою надѣла земли соотвѣтственно числу наличныхъ душъ» и «дать полное и свободное пастбище для скота нашего въ казенныхъ и дворцовыхъ имѣніяхъ». Крестьяне дер. Веденьевки *Меленковскаго* у. «убѣдительно» просятъ «дать возможность жить свободно и не быть стѣсненными землей». Крестьяне Сокольской вол. *Макарьевскаго* у., жалуясь на то, что ихъ «нужда заѣла», просятъ дать достаточное количество земли отъ казны, удѣловъ и частныхъ владѣльцевъ». Безъ расширенія нашего землевладѣнія, заявляютъ крестьяне дер. Выры: мы положительно не видимъ дальнѣйшей возможности къ существованію на землѣ» и т. д.

---

[1]) Приговоръ крестьянъ Деревенской вол., Льговскаго у.

Другіе приговора идутъ дальше и намѣчаютъ рамки аграрной реформы, затрагивая вопросы о выкупѣ, о фондѣ дополнительнаго надѣленія и пр.

По вопросу о *выкупѣ* намѣтилось нѣсколько теченій. Часть приговоровъ рѣшительно высказывается противъ вознагражденія теперешнихъ владѣльцевъ, другая — допускаетъ уплату и наконецъ третья—самая большая часть—совсѣмъ не затрагиваетъ этого вопроса.

Мотивы перваго рѣшенія приводятся двоякіе. Одни приговора указываютъ на бѣдность крестьянъ, не позволяющую имъ платить выкупъ, другіе ссылаются на этическія соображенія. Такъ, напр.,крестьяне с. Лѣсного Вяса *Саранскаго* у. рѣшительно требуютъ, чтобы была имъ дана достаточная безплатная земля», такъ какъ «обагренная кровью земля принадлежитъ всему русскому страдальцу-народу, а не однимъ помѣщикамъ». «Земля, какъ даръ божій, не сдѣланный руками человѣка, заявляютъ крестьяне с. Сухой Терешни *Хвалынскаго* у.: должна отойти къ народу безъ всякаго выкупа». По мнѣнію крестьянъ д. Моховая Щигровскаго у., «земля, какъ предметъ никѣмъ изъ людей не созданный и необходимый для каждаго человѣка, не можетъ принадлежать въ собственность одному человѣку, а должна быть общимъ достояніемъ всѣхъ, кто обрабатываетъ ее своими руками». Крестьяне с. Борскаго *Самарской* г. полагаютъ, что «какъ воздухъ и вода — земля ни у кого не должна быть въ частной собственности,—пусть всѣ имѣютъ на нее одинаковыя права» и т. д.

Приговоры, стоящіе на точкѣ зрѣнія выкупа, примыкаютъ въ общемъ къ к.-д. рѣшенію аграрнаго вопроса, внося въ него нѣкоторыя, подчасъ весьма существенныя, добавленія.

Слово въ слово к.-д. проэктъ приводится, напр., въ приговорѣ ярцевскаго общества *Бѣльскаго* у [1]). Крестьяне с. Никольскаго Кузнецкого у. высказываются за принудительное отчужденіе частныхъ земель «съ помощью государства» «за плату, которую установятъ справедливые комитеты изъ мѣстныхъ довѣренныхъ людей». Боковское общество *Варнавинскаго* у. высказывается за отчужденіе помѣщичьихъ земель «по самой справедливой оцѣнкѣ» и за даровое отчужденіе прочихъ земель. Крестьяне арзамасцевскаго общества *Бузулукскаго* у. ничего не имѣютъ противъ к.-д. проекта, но желаютъ

[1]) «Вѣстникъ Народной Свободы», № 15.

чтобы думская «комиссія, разсматривая оцѣнку отчуждаемыхъ: земель, точно, путемъ цифръ, сказала бы, что она считаетъ справедливой оцѣнкой. Крестьяне д. Турая *Лужскаго* у. соглашаются выкупать лишь «благопріобрѣтенныя земли»; «дарственныя» же земли помѣщиковъ должны отчуждаться безплатно.

Въ общемъ итогѣ, на основаніи присланныхъ въ Думу приговоровъ, трудно сказать, какого мнѣнія держится большинство крестьянъ о выкупѣ: вопросъ этотъ такъ или иначе опредѣленно разрѣшается лишь немногими изъ нихъ; огромное же большинство просто заявляетъ о необходимости надѣленія землей трудящихся, не касаясь того, платить или не платить за эту землю.

По вопросу о томъ, *откуда взять нужную крестьянамъ землю*, въ приговорахъ больше единодушія и опредѣленности. Почти всѣ они признаютъ необходимымъ отчуждать не только казенныя, удѣльныя, монастырскія и церковныя земли, но и помѣщичьи.

Принципъ «земля для трудящихся» проникаетъ всѣ приговора и составляетъ credo мелкой буржуазіи: «Землей должны пользоваться только тѣ, заявляютъ крестьяне *Яранскаго* у., кто самъ личнымъ трудомъ можетъ ее обрабатывать или трудомъ своей семьи или же трудомъ товарищества, но не наймомъ». При этомъ «тѣмъ землевладѣльцамъ или обществамъ землевладѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ лѣсовъ, дать лѣсныя нарѣзки». Крестьяне м. Корнина *Сквирскаго* у. просятъ «немедленно разрѣшить вопросъ о надѣленіи трудящагося народа землей». Великониколаевскій сходъ *Шенкурскаго* у. желаетъ распредѣленія удѣльныхъ земель «по наличнымъ душамъ трудящихся семей». Крестьяне с. Яковлева *Орловскаго* у. говорятъ о раздачѣ помѣщичьихъ земель «безземельнымъ и малоземельнымъ крестьянамъ». Крестьяне большефроловской вол. *Тетюшскаго* у. мечтаютъ объ отчужденіи всѣхъ земель, съ цѣлью «надѣлить ею всѣхъ желающихъ обрабатывать ее собственнымъ трудомъ». Воробьевское общество *Кашинскаго* у. убѣждало Думу «добиться земли трудящемуся». Новоушицкій сходъ *Подольской* г. просилъ о «надѣленіи землей всѣхъ трудящихся на ней». Въ наказѣ депутату *Ставропольской* г. Мишину признается необходимымъ «передать землю въ руки тѣхъ лицъ, кто всегда занимается обработкой ея, и земля должна быть надѣляема не каждому лицу въ отдѣльности, а

общинамъ, съ предоставленіемъ права пользоваться ею по обоюдному согласію всей общины» [1]).

Выше были приведены наиболѣе типичные приговоры по поводу земельной реформы. Резюмируя ихъ, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что въ крестьянствѣ теперь сильна тенденція въ пользу отобранія всѣхъ земель, въ интересахъ «трудящихся», безъ выкупа. Такой выкупъ признается или несправедливымъ, или же непосильнымъ для обнищавшей деревни. Многіе приговоры не затрагиваютъ вопроса о выкупѣ и какъ бы мирятся съ нимъ, лишь бы земля была передана «въ надѣлъ», «въ пользованіе» и т. д. «трудящихся».

Смыслъ этихъ приговоровъ, изъ которыхъ нѣкоторые трактуютъ «объ уравнительномъ землепользованіи», — одинъ и тотъ же: крестьяне надѣются на увеличеніе надѣла и представляютъ себѣ дѣло такъ, что никакого недостатка въ землѣ не встрѣтится.

Провозглашая, поэтому, право каждаго на землю, крестьяне имѣютъ въ виду пріобрѣсть, а не потерять. Съ другой стороны, трактуя о передачѣ земли «трудящимся», крестьяне повидимому не предвидятъ никакихъ платежей въ пользу «всего народа», собственностью котораго земля должна лишь числится.

Такой же точки зрѣнія придерживался, какъ мы знаемъ, и съѣздъ Крестьянскаго Союза, признавшій, что землей пользоваться могутъ «только тѣ, кто трудится на землѣ самъ съ своей семьей, безъ наемнаго труда».

Мелкобуржуазный характеръ крестьянскаго движенія, ставящаго на своемъ знамени: «земля трудящимся»!, особенно хорошо сказался въ нѣкоторыхъ приговорахъ. Именно тамъ, гдѣ крестьянское правосознаніе пытается примирить уничтоженіе частной собственности на землю съ сохраненіемъ таковой на орудіе и пр. предметы производства. Крестьянамъ нужна во чтобы то ни стало земля, и они должны ее получить, такъ какъ земля «даръ божій», всѣ имѣютъ на нее равное право. Другое дѣло, напр., «движимое имущество, товары разнаго рода, животныя и всякая монета, — это есть чужая и неприкосновенная собственность» [2]).

Вотъ въ общихъ чертахъ та логика, при помощи которой кресть-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что почти ни одинъ приговоръ, даже изъ числа трактующихъ объ уравнительномъ землепользованіи, не разрѣшаетъ этой двойственности.

[2]) Напр., приговоръ Старой Михайловки, Суражскаго у.

янство пытается связать требованіе изъятія земля изъ товар[аг обращенія и закрѣпленія ея за «трудящимися» съ сохраненіемъ въ неприкосновенности прочихъ сторонъ товарнаго хозяйства [1]). Мы видимъ, какъ классъ самостоятельныхъ производителей ищетъ наиболѣе удобной и выгодной ему формы земельнаго строя и находитъ ее въ правѣ каждаго на пользованіе землей въ предѣлахъ трудовой нормы.

Послѣ сказаннаго не трудно видѣть, въ чью сторону склоняются симпатіи крестьянства въ земельномъ вопросѣ.

Партія кадетовъ, туманно трактующая о надѣленіи крестьянъ въ «потребныхъ» размѣрахъ, по «справедливой» оцѣнкѣ, не привлекла вниманія массъ. Лишь немногіе приговора стали на к.-д. точку зрѣнія, при этомъ большинство ихъ ставило вопросъ болѣе опредѣленно, чѣмъ к.-д.

Не больше, чѣмъ к.-д. программа, встрѣтила сочувствія с.-р. программа въ ея чистомъ видѣ. Изъ нея было усвоено лишь два пункта: 1) конфискація помѣщичьихъ земель («даромъ») и 2) передача конфискованныхъ земель трудящимся, сообразно трудовой силѣ семьи, въ дополненіе къ надѣльнымъ землямъ. Эти послѣднія, а также купчія земли крестьянъ, должны остаться неприкосновенными. Ни о какой «соціализаціи» всѣхъ земель не поднималось (за немногими исключеніями) и рѣчи [2]).

Правъ былъ эксъ-соціалистъ-революціонеръ Пѣшехоновъ, когда, на основаніи приговоровъ и отзывовъ большинства трудовиковъ въ Думѣ, полагалъ, что «крестьяне не хотятъ сейчасъ ни соціализаціи (поравненія), ни націонализаціи земли [3]).

Гораздо вѣрнѣе отразила желаніе массы крестьянства записка 102 депутатовъ—трудовиковъ. Сущность ея, какъ извѣстно, сводится къ слѣдующему:

Земли, служащія для сельскаго хозяйства, должны находиться въ пользованіи тѣхъ, кто обрабатываетъ ихъ своимъ

---

[1]) См. «Русское Богатство» 1906 г., №8, стр. 206.

[2]) О передачѣ земли «всему трудящемуся народу» заявляли также приговора: д. Елани Сердобскаго у.; д. Полянки Городищенскаго у.; д. Савли Малмыжскаго у.; с. Раменья Новоторжскаго у.; с. Брыковки Николаевскаго у.; с. Русскаго Камешкира Кузнецкаго у.; д. Паншино Лужскаго у.; д. Ивановки Малоархангельскаго у. и др. Крестьяне 5 селъ Полтавской и Кіевской г. высказываются за уничтоженіе частной собственности на землю и передачу ея трудящимся на основѣ уравнительнаго землепользованія.

[3]) См. приговоръ крестьянъ Ставропольской г. «Вѣстникъ Нар. Св.», № 18.

трудомъ. Казенныя, удѣльныя и пр. земли, а также земли помѣщиковъ, превышающія трудовую норму, поступаютъ въ общенародную собственность. Надѣльныя земли и непревышающія трудовой нормы остаются за теперешними владѣльцами, но не могутъ быть предметомъ товарнаго оборота. Ограничивается и наслѣдованіе ихъ, чтобы предотвратить скопленіе земель въ однѣхъ рукахъ. Вознагражденіе за отчуждаемую землю производится государствомъ. При увеличеніи надѣла до трудовой нормы мѣстному населенію отдается предпочтеніе передъ пришлымъ и земледѣльческому передъ неземледѣльческимъ. Поступившія въ надѣлъ изъ общенароднаго фонда земли подлежатъ справедливому налогу.

Не трудно видѣть, какіе пункты этого проэкта особенно нашли сочувствіе «самостоятельныхъ производителей». Проэктъ обѣщаетъ малоземельнымъ крестьянамъ сохранить ихъ надѣльныя и купчія земли и прирѣзать земли еще до трудовой нормы,—этого идеала «самостоятельныхъ производителей». Кромѣ того, крестьяне гарантируются отъ конкурренціи пришлаго элемента малоземельныхъ губерній и безземельнаго люда. Что касается выкупа частныхъ земель за счетъ государства, то противъ этого не встрѣтится, вообще говоря, возраженій: крестьяне не прочь получить землю за казенный счетъ.

Большой откликъ въ крестьянствѣ нашелъ также отвѣтъ Думы на тронную рѣчь, главнымъ образомъ, та часть его, которая трактуетъ о «трудовомъ крестьянствѣ» и объ удовлетвореніи его нужды въ землѣ «путемъ обращенія на этотъ предметъ земель казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, монастырскихъ, церковныхъ и принудительнаго отчужденія земель частновладѣльческихъ». Въ такой неопредѣленной формулировкѣ думское заявленіе привлекло симпатіи широкихъ слоевъ населенія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ приговора, единодушно заявлявшіе о необходимости отчужденія помѣщичьихъ земель и проч. въ пользу «трудоваго крестьянства».

Въ какой мѣрѣ проэктъ трудовиковъ и отвѣтъ Думы вызвали сочувствіе, въ такой же мѣрѣ враждебно была встрѣчена декларація министерства 13 мая и объясненія по поводу ея Стишинскаго и Гурко.

Мнѣ приходилось уже указывать, какое впечатлѣніе произвели эти акты въ деревнѣ и какую агитаціонную роль сыграли они признаніемъ «безусловной недопустимости» отчужденія помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ. Не могли также

крестьяне согласиться съ г. Стишинскимъ, что имъ выгоднѣе работать на помѣщика, чѣмъ получить помѣщичью землю.

Вообще нужно сказать, что деревня чутко прислушивалась къ тому, что говорилось въ Думѣ о землѣ. Этимъ объясняется между прочимъ желаніе многихъ трудовиковъ сказать во чтобы то ни стало рѣчь по этому вопросу и «попасть» въ газеты, чтобы односельчане знали, какъ стоитъ за нихъ уполномоченный. Какъ чутко деревня относилась къ заявленіямъ о землѣ, показываетъ, напр. слѣдующій случай, приводимый въ «Н. Ж.» Въ Дружковкѣ Екатеринославской губ. разнеслась какъ-то вѣсть, что полицейскій надзиратель, помѣщикъ и еще нѣсколько человѣкъ послали въ Думу телеграмму, будто «мѣстные крестьяне нужды въ землѣ не имѣютъ». Вѣсть эта всѣхъ всполошила. Дали знать въ сосѣднія станицы и къ вечеру собралось до 20 тыс. народу «судить» виновниковъ посылки телеграммы. Судъ этотъ постановилъ: священника выселить изъ Дружковки и требовать его разстриженія; надзирателя выселить (при этомъ были сняты съ него полицейскіе доспѣхи); остальныхъ—бойкотировать.

Земельный вопросъ явился тѣмъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточилась большая часть преній въ Думѣ; этому же вопросу было посвящено больше всего времени въ думскихъ комиссіяхъ; онъ привлекалъ болѣе всего вниманіе крестьянъ и онъ же послужилъ поводомъ для роспуска Думы.

Но нельзя сказать, чтобы въ приговорахъ было удѣлено мало вниманія и др. вопросамъ. Во всѣхъ нихъ неизмѣнно повторяется одинъ и тотъ же рядъ требованій, сводящихся къ слѣдующему: амнистія борцовъ за волю и землю, отмѣна смертной казни и исключительныхъ положеній; отмѣна сословныхъ привиллегій; введеніе подоходнаго налога, всеобщаго безплатнаго обученія; замѣна существующихъ судовъ судомъ присяжныхъ, равнымъ для всѣхъ; реформа земскаго и волостного управленія на основѣ независимости отъ администраціи и всеобщаго избирательнаго права, а также реформа народнаго представительства по 4-хъ-членной формулѣ; осуществленіе политическихъ свободъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ приговорахъ говорится о замѣнѣ арміи народнымъ ополченіемъ [1]); объ удовлетвореніи требованія рабочихъ

[1]) Напр., крестьяне Русскаго Камешкира Кузнецкаго у., Сухой Терешки Хвалынскаго у., Мохова Щигровскаго у. и др.

о 8-ми часовомъ днѣ [1]); о томъ, чтобы Россія осталась «единой и недѣлимой» [2]) и т. д.

Особенно много вниманія было удѣлено приговорами вопросу объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Объ удаленіи министерства Горемыкина говорится почти во всѣхъ заявленіяхъ послѣ декларацiи 13 мая.

Много жалобъ раздавалось также на притѣсненія духовенства, на обременительность его поборовъ съ населенія, и выражалось пожеланіе, чтобы духовенство получало жалованье изъ казны.

Подводя итоги всему сказанному въ этой главѣ, мы должны признать, что *Дума* сослужила большую службу въ интересахъ пробужденія крестьянства. Она *явилась тѣмъ общенароднымъ фокусомъ, въ которомъ сосредоточились мужицкія надежды на лучшую долю, на полученіе земли и «правовъ»*.

Выборы въ Думу и наступившая затѣмъ «свобода» дали первый толчекъ для пробужденія деревни, скованной терроромъ карательныхъ отрядовъ. Снова, какъ и до погромовъ въ окт. стали вырабатываться приговора, наказы депутатамъ и т. д. На этотъ разъ движеніе приняло несравненно болѣе широкіе размѣры, и вмѣсто десятковъ приговоровъ въ Думу потекли тысячи телеграммъ, наказовъ и пр.

Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ крестьяне стремились формулировать свои нужды, ставя на первое мѣсто требованіе земли а затѣмъ и воли.

Связь между этими требованіями становилась для массы все яснѣе и яснѣе по мѣрѣ того, какъ развивались событія: упорство министровъ, съ одной стороны, и думскія пренія, особенно по земельному вопросу, съ др. стороны,—все болѣе склоняли симпатіи крестьянъ въ пользу Думы и заставляли ихъ громче и громче требовать удаленія безотвѣтственнаго министерства. Само «правительство» принимало въ глазахъ населенія все болѣе конкретный образъ.

Крестьянамъ становилось также яснѣе безсиліе Думы и

---

[1]) Тѣ-же деревни, а также: Вышнегрунское общество Льговскаго у., Верхнедубенское и Хановеское Кузнецкаго у.

[2]) См. приговоръ д. Желиковки Самарской губ.

причина этого безсилія. Такимъ образомъ, на сцену естественно выдвинулся вопросъ *о борьбѣ* за землю и волю. Народъ началъ понимать, что не Дума дастъ ему то и другое, а лишь самъ онъ можетъ добиться ихъ.

Разгонъ Думы послужилъ новымъ и самымъ сильнымъ подтвержденіемъ тѣхъ сомнѣній, какія непрерывно выростали по мѣрѣ работы Думы и ея столкновеній съ правительствомъ.

ГЛАВА IX.

Указомъ 8 іюля Дума была распущена. Въ манифестѣ, по этому поводу, ставится депутатамъ въ вину то, что «вмѣсто работы строительства законодательнаго» они «уклонились въ непринадлежащую имъ область» разслѣдованія дѣйствій властей, а также прибѣгли «къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію». «Смущенное таковыми непорядками крестьянство, говорилось въ манифестѣ:.. перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ».

Оканчивался манифестъ обѣщаніемъ, что «пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ земельная тѣснота, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе».

Такимъ образомъ, правительство еще разъ выступало съ обѣщаніемъ «русскому пахарю» улучшить «законнымъ способомъ» его жизнь и «расширить землевладѣніе».

Такое обѣщаніе было дано уже, какъ мы видѣли, манифестомъ 26 февраля 1903 г., указомъ 12 декабря 1904 г., рескриптомъ 18 февраля 1905 г., манифестомъ 3 ноября 1905 г. и т. д. Каждый разъ населеніе приглашалось при этомъ «спокойно ждать» рѣшенія свыше и не посягать на «чужую собственность».

Распуская Думу, правительство однако не надѣялось, что «русскій пахарь» внемлетъ его увѣщаніямъ и обѣщаніямъ. Въ виду этого были всюду предприняты мѣры, чтобы сдавить всякую самостоятельную жизнь, загнать движеніе въ подполье.

На первый взглядъ могло казаться, что правительству удалось осуществить задачу: никакихъ волненій по поводу рос-

пуска Думы не послѣдовало; даже обычные «безпорядки» (стачки, поджоги) съ іюля замѣтно сократились. Перестали также составляться (по крайней мѣрѣ открыто) ненавистные приговора, устраиваться митинги и т. д. Словомъ, все какъ будто обстояло благополучно, народный организмъ легко перенесъ совершенную надъ нимъ 8 іюля ампутацію.

Въ дѣйствительности однако было не такъ. Крестьяне не могли легко примириться съ роспускомъ Думы и ждать выбора «богатырей мысли и дѣла». Уменьшеніе аграрныхъ безпорядковъ объясняется причинами, ничего общаго съ роспускомъ Думы не имѣющими. Точно также, вопреки распространенному взгляду, затишье въ началѣ 1906 г. объясняется не ожиданіемъ Думы, а совершенно иными причинами: усиленіемъ репрессій, реакціей въ настроеніи населенія и т. д.

Что политическое движеніе въ крестьянствѣ съ роспускомъ Думы отнюдь не замедлилось, объ этомъ свидѣтельствуютъ различные факты: участились, напр., тайныя митинги, собранія, усилилось движеніе въ пользу отказа отъ выбора членовъ въ землеустроительныя комиссіи и пр. Словомъ, движеніе приняло иныя формы, но оно не стало отъ этого менѣе интенсивно.

Въ періодъ дѣятельности Думы преимущественной формой движенія въ деревнѣ явилось составленіе приговоровъ, наказовъ, а также схода для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью Думы.

Первое время послѣ роспуска Думы преимущественной формой организованнаго движенія въ деревнѣ явились массовые отказы отъ участія *въ землеустроительныхъ комиссіяхъ*.

Комиссіи эти, учреждавшіяся на основаніи указа 4 марта 1906 г., имѣли назначеніемъ «постепенно облегчить насущныя нужды сельскаго населенія при непремѣнномъ сохраненіи правъ частныхъ владѣльцевъ». Для этого комиссіи должны были «содѣйствовать крестьянскому банку», «принимать участіе въ дѣлахъ о сдачѣ крестьянамъ въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей», оказывать «посредничество между крестьянами и частными землевладѣльцами для полюбовнаго разверстанія чрезполосныхъ угодій, общихъ владѣній и сервитутовъ», а также вообще оказывать «содѣйствіе сельскимъ обществамъ въ улучшеніи условій землевладѣнія и порядковъ землепользованія и въ установленіи болѣе совершенныхъ способовъ веденія хозяйства на надѣльныхъ земляхъ.

Такая огромная задача возлагалась на «землеустроительныя

комиссіи» изъ чиновниковъ [1]) и «общественныхъ дѣятелей» въ лицѣ 3-хъ членовъ по избранію земства и 3-хъ уполномоченныхъ отъ волостей—въ уѣздныхъ комиссіяхъ, и 6 членовъ (въ томъ числѣ 3-хъ отъ крестьянъ), избираемыхъ губ. земствомъ въ губернскую комиссію.

До іюня не было сдѣлано ничего для образованія этихъ комиссій. Правительство не спѣшило, надѣясь, повидимому, разрѣшить вопросъ при посредствѣ покорной Думы. Надежды эти, какъ извѣстно, не оправдались, и съ перваго же дня засѣданій у Думы возникли конфликты съ министерствомъ. Причемъ однимъ изъ центральныхъ пунктовъ столкновенія послужилъ аграрный вопросъ. На адресъ Думы, говорившій объ отчужденіи помѣщичьихъ земель, министерство отвѣтило декларацією 13 мая; на думскія работы по аграрному вопросу—оно отвѣтило опубликованіемъ 15 іюня своего «сообщенія», признававшаго недопустимымъ осуществленіе к.-д. проэкта земельной реформы. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство рѣшило, не обращая вниманія на Думу, приступить къ «землеустройству» крестьянъ самостоятельно. Въ виду этого М. В. Д. издалъ *15 іюня циркуляръ*, предписывавшій немедленно приступить къ образованію «землеустроительныхъ» комиссій.

На первыхъ же порахъ правительству пришлось, однако, встрѣтить отпоръ со стороны крестьянъ: еще при Думѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля, нѣкоторые волостные схода отказались выбирать въ комиссіи [2]), мотивируя отказъ тѣмъ, что земельный вопросъ рѣшается Думой и поэтому надобности въ комиссіяхъ нѣтъ. Съ роспускомъ Думы отказы сходовъ выбирать въ землеустроительныя комиссіи приняли массовый характеръ. Сплошной отказъ отъ выборовъ имѣлъ мѣсто всего въ 14 уѣздахъ. Затѣмъ во многихъ уѣздахъ отказалась выбирать значительная часть сходовъ [3]).

Мотивъ отказа былъ повсюду одинъ и тотъ-же. «Разрѣшеніе

---

[1]) Губернаторъ, предв. дворянства, земскіе начальники, податные инспектора, представители вѣдомствъ.

[2]) Напр., въ м. Вержевѣ, Нѣжинскаго уѣзда; во всѣхъ волостяхъ, кромѣ одной, Юрьевскаго у.; въ 4 изъ 19 волостей Бобровскаго у., въ м. Корминѣ Скворцовскаго у. и т. д.

[3]) Въ Петровскомъ у. 9 изъ 21; въ Сердобскомъ—12 изъ 36; въ Княгининскомъ—5 изъ 13; въ Арзамасскомъ—8 изъ 12; въ Лукояновскомъ—6 изъ 16; въ Нижегородскомъ—18 изъ 28; въ Курской г.—почти всѣ схода; въ Сергачскомъ—14 изъ 29; въ Глуховскомъ—всѣ кромѣ одной; въ Павлоградскомъ—11 изъ 25; въ Ново-

земельнаго вопроса мы поручили избраннымъ нами депутатамъ, заявлялъ, напр., Малосеменовскій сходъ *Балашовскаго* у.: теперь-же, когда Дума распущена и о дѣятельности ея по земельному вопросу депутатами намъ отчета не дано, избрать кандидата въ уѣздную землеустроительную комиссію не находимъ нужнымъ, такъ какъ земельный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ Государственной Думой, которая, какъ намъ хорошо извѣстно, будетъ созвана 20 февраля 1907 г.»

«На що ви Думу распустили, говорили крестьяне земскому начальнику въ Диканькѣ *Полтавской* г.: намъ комысій не треба!». «Покупать землю по 200—300 р. мы сумѣемъ и безъ всякихъ комиссій. Пусть Дума рѣшаетъ о землѣ, ей одной мы вѣримъ», заявляли крестьяне на Быковскомъ волостномъ сходѣ *Землянскаго* у. «Землеустроительныя комиссіи, по мнѣнію схода въ с. Рыбушкѣ *Саратовскаго* у.: есть ничто иное, какъ новая попытка обмануть крестьянство, посуливъ ему покупать черезъ Крестьянскій Банкъ... Поэтому мы отказываемся признавать з.-у. комиссіи, поэтому мы называемъ предателями земскихъ гласныхъ, избранныхъ въ комиссію, и тѣхъ, которые избрали ихъ. Мы полагаемъ, что самъ народъ долженъ рѣшить на всенародномъ собраніи, избранномъ на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. Только такое рѣшеніе мы признаемъ правильнымъ» [1]).

Въ такомъ же смыслѣ дѣлали постановленія и др. схода, отказавшіеся отъ выборовъ въ з.-у. комиссіи.

На нѣкоторыхъ сходахъ приводился и др. мотивъ. Напр., на Ставропольскомъ сходѣ *Орловскаго* у. крестьяне говорили: «выбрали одного депутата (члена Думы Стефашина), да и то теперь непріятностей сколько: бѣдный конопли нашей сколько потопталъ, хоронясь отъ полиціи». («Орловскій Вѣстникъ»).

Массовый отказъ сходовъ выбирать въ з.-у. комиссіи представляетъ фактъ крупнаго политическаго значенія. Никогда еще крестьянство не выступало такъ планомѣрно на политическую сцену. Стихійные погромы, поджоги, эпидеми-

---

московскомъ—36 изъ 40; въ Верхнеднѣпровскомъ—всѣ отказались, также и въ Симферопольскомъ; въ Николаевскомъ—7 волостей. Отказались выбирать многіе схода въ уѣздахъ: Борисоглѣбскомъ, Ливенскомъ, Орловскомъ, Заславльскомъ, Спасскомъ, Рязанскомъ, Аткарскомъ, Саратовскомъ, Черкасскомъ, Ставропольскомъ (Самарской губ.), Землянскомъ, Усманьскомъ, Роменскомъ и т. д.

[1]) «Приволжскій Край» 1906 г., № 144.

ческія вспышки стачекъ, порубки и т. д. служили у насъ преимущественной формой движенія. Движеніе же въ пользу образованія союзовъ, братствъ и пр. пока не имѣло широкаго характера. Значительно распространеннѣе было «приговорное» и «петиціонное» движеніе, но и оно не было столь внушительно, какъ массовые отказы волостныхъ сходовъ избирать въ з.-у. комиссіи. Вышеуказанные приговора исходили чаще отъ наиболѣе сознательныхъ крестьянъ и рѣже отъ сельскихъ, а тѣмъ болѣе волостныхъ сходовъ. Теперь поднялись и «старики», заговорили волостные схода. Поэтому отказы волостныхъ сходовъ являются лучшимъ показателемъ того глубокаго броженія, которое совершается теперь въ низахъ деревенскаго населенія.

Распустивъ Думу, правительство не уничтожило ея престижа въ глазахъ крестьянскаго населенія. Скорѣе наоборотъ: послѣдовавшими послѣ разгона Думы преслѣдованіями депутатовъ была создана еще новая связь между деревенскимъ населеніемъ и его избранниками,—тѣмъ болѣе, что эти преслѣдованія стояли обыкновенно въ связи съ попытками депутатовъ дать отчетъ своимъ избирателямъ и ознакомить ихъ, какъ съ дѣятельностью Думы вообще, такъ и съ послѣднимъ актомъ ея, вызвавшимъ распущеніе Думы. При этомъ были случаи, когда попытки властей арестовать депутата встрѣчали серьезный отпоръ со стороны крестьянъ. Такъ, напр., когда крестьяне с. Каменокъ *Пензенской* г. узнали объ арестѣ депутата-односельчанина Врагова, они немедленно ударили въ набатъ, созвали народъ изъ сосѣднихъ деревень и освободили Врагова. Освободивъ его, огромная толпа (до 1000 человѣкъ) устроила демонстрацію съ красными флагами и пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ [1]). Въ с. Косѣ *Сердобскаго* у. полиція пыталась арестовать деп. Кузнецова. Въ происшедшемъ столкновеніи 1 крестьянинъ былъ убитъ, но въ концѣ концовъ полиція отступила, послѣ чего состоялся огромный митингъ [2]).

Въ др. случаяхъ полиція дѣйствовала съ бо́льшимъ успѣхомъ, и репрессіи сыпались на головы депутатовъ въ изобиліи. Такъ, напр., были арестованы: Бибиковъ (въ Брянскомъ у.); Окуневъ (Тамб. г.); Кутомановъ (Курск. г.); Медвѣдевъ и Торшинъ (Воронеж. г.); Кукановъ (Малоарх. у.); Тарасенко (Чер-

---

[1–2]) См. «Вѣстникъ народной свободы», №№ 23—24 и 25—26.

ниг. г.); Витковскій (Сувалк. г.); Онипко (Ставр. г.); Френкель (Кіев. г.); Садыринъ (Вят. г.) и др.

Объ обыскахъ и т. п. «непріятностяхъ» нечего, конечно, и говорить: онѣ сыпались на депутатовъ при всякой попыткѣ вступить въ общеніе съ населеніемъ. Въ результатѣ всего этого, многіе депутаты принуждены были скрываться и вести нелегальный образъ жизни.

Др. депутатовъ постигла иная кара. Напр., священникъ Донской Обл. Афанасьевъ лишенъ права священнослуженія и заключенъ въ монастырь. Въ отвѣтъ на это постановленіе Афанасьевъ опубликовалъ открытое письмо Синоду, въ которомъ подвергъ рѣзкой критикѣ поведеніе Синода, въ связи съ освободительнымъ движеніемъ, и указалъ на незаконность примѣненной къ нему репрессіи. Депутатъ Вятской г., протоіерей Огневъ (к.-д.), лишенъ права священнослуженія и т. д. [1]).

Все это не могло, понятно, внести успокоеніе въ крестьянское населеніе,—тѣмъ болѣе, что дѣло обычно не ограничивалось одними депутатами, но затрагивалось также и населеніе: аресты и ссылки страшно участились.

Однимъ изъ поводовъ къ этимъ репрессіямъ служило распространеніе или подозрѣніе въ распространіи Выборгскаго воззванія, которое, благодаря содѣйствію «крайнихъ» партій, получило въ населеніи огромное распространеніе. Несмотря на стараніе властей, подогрѣваемое приказами департамента полиціи [2]), онѣ были безсильны воспрепятствовать распространенію воззванія. На базарахъ, площадяхъ,—всюду оно было расклеено въ деревняхъ и привлекало вниманіе населенія. Сами крестьяне, прослышавъ о «бумагѣ», стремились ознакомиться съ ней.

Какъ извѣстно, Выборгское воззваніе приглашало населеніе не платить податей и не давать рекрутовъ. Опасаясь, что этотъ призывъ найдетъ откликъ въ широкихъ слояхъ населенія, правительство поспѣшило принять предупредительныя мѣры, которыя способны были лишь толкнуть массы на путь открытой борьбы. Напр., былъ изданъ циркуляръ, которымъ губернато-

---

[1]) Интересно отмѣтить, что происходившіе кое-гдѣ послѣ роспуска Думы съѣзды духовенства носили оппозиціонный характеръ. Напр., на Тамбовскомъ съѣздѣ священники выразили сочувствіе освободительному движенію и порицаніе своимъ собратьямъ, примкнувшимъ къ «союзу русскихъ людей».

[2]) «Вѣстникъ Народной Свободы», № 25.

рамъ предписывалось «мощное проявленіе силъ въ борьбѣ съ движеніемъ (отказъ платить подати), направленнымъ противъ основныхъ устоевъ государственной жизни». Приэтомъ «упорство недоимщиковъ должно быть сломлено всѣми законными мѣрами, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ не были».

Правительство не видѣло, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ отказъ платить подати вызывался обнищаніемъ крестьянъ. Оно настаивало на томъ, что «уклоненіе населенія отъ уплаты повинностей» происходитъ лишь потому, что «населеніе не встрѣчаетъ должнаго отпора со стороны правительственныхъ органовъ».

Такимъ образомъ, обычный неплатежъ, усилившійся вслѣдствіе неурожая и голодовки [1]), правительство возвело въ рангъ «умышленнаго» подрыванія основъ и направило въ эту сторону все усердіе своихъ покорныхъ агентовъ. Какіе при этомъ получались результаты, хорошо показываетъ слѣдующій случай въ Уржумскомъ у. [2]).

Руководствуясь предписаніемъ не останавливаться передъ самыми рѣшительными мѣрами, полиція прибыла 28 августа въ д.д. Густавино и Зайцево взыскивать недоимки. Когда она начала отбирать у крестьянъ имущество, собралась толпа и стала бросать въ полицію камнями, нанесла побои исправнику, двумъ приставамъ и 12 стражникамъ. «Кто тебя послалъ грабить насъ? Какое ты имѣешь право описывать и отбирать имущество»? говорили крестьяне. Исправнику пришлось ни съ чѣмъ удалиться.

Вообще слѣдуетъ сказать, что движеніе въ пользу неплатежа повинностей носило до сихъ поръ «самобытный, стихійный характеръ; оно выросло на почвѣ протеста, а вовсе не есть (въ большинствѣ случаевъ) слѣдствіе... революціонной агитаціи [3])».

Вотъ этого-то обстоятельства правительство и не можетъ

---

[1]) Случаи отказа платить подати имѣли мѣсто еще въ концѣ 1905 г. въ промышленныхъ губерніяхъ (Московской, Владимірской, Костромской, Ярославской и др.). Въ 1906 г. подобные случаи стали повторяться чаще, гл. обр. въ слѣдующихъ уѣздахъ: ростовскомъ (Яросл. г.), малоархангельскомъ, валковскомъ, балашовскомъ, сердобскомъ, мологскомъ, пошехонскомъ, ефремовскомъ, аткарскомъ, солигаличьскомъ, тихвинскомъ и др.

[2]) См. «Свобода и Жизнь», № 2 и «Товарищъ, № 75.

[3]) «Товарищъ», № 57.

понять, и всѣ его мѣры лишь обострили этотъ «самобытный, стихійный протестъ».

Послѣ Выборгскаго воззванія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состоялись приговора о закрытіи винныхъ лавокъ [1]), но сколько-нибудь широкаго характера это движеніе не получило.

Провозглашая своимъ девизомъ: «сначала порядокъ, а потомъ реформы», министерство сдѣлало однако исключеніе для крестьянскаго вопроса и стало водворять въ деревнѣ параллельно и то и другое.

Какъ происходило насажденіе «порядка», мы уже видѣли; теперь посмотримъ, что представляли изъ себя «реформы» министерства Столыпина.

Въ августѣ и сентябрѣ 1906 г. были опубликованы 3 указа: *12 августа* о продажѣ черезъ Крестьянскій Банкъ удѣльныхъ земель (по мѣрѣ прекращенія арендныхъ договоровъ), а въ Архангельской и Вологодской г. и лѣсныхъ угодій удѣла. Затѣмъ *27 августа*—о распродажѣ крестьянамъ оброчныхъ казенныхъ земель (также по мѣрѣ окончанія аренды ихъ) и тѣхъ лѣсныхъ угодій казны, которыя будетъ признано «возможнымъ назначить къ отчужденію «безъ ущерба для нуждъ мѣстнаго населенія и правильнаго лѣсного хозяйства». Наконецъ, *19 сентября*—объ отводѣ переселенцамъ кабинетскихъ земель на Алтаѣ.

Удѣльныя и казенныя земли, подлежащія отчужденію, передаются въ распоряженіе землеустроительныхъ комиссій для продажи ихъ черезъ Крестьянскій Банкъ. Притомъ «количество продаваемой земли не должно превышать, по разсчету на одного домохозяина, вмѣстѣ съ его надѣльной и ранѣе купленной имъ землей опредѣленнаго размѣра», устанавливаемаго з.-у. комиссіями.

Въ распоряженіе этихъ комиссій поступилъ, такимъ образомъ, весьма значительный фондъ, а именно 1.930 тыс. дес. удѣльныхъ земель и 4.422 тыс. казенныхъ въ 46 губ. Европ.

---

[1]) Напр., въ Тавридѣ Мелитопольскаго у.; въ Покровскомъ Екатеринославской г.; въ Ракитной Курской г.; въ Бабиничахъ Горецкаго у. и др.

Россіи [1]). Въ тотъ же фондъ отчислены 1.980 тыс. дес., принадлежавшихъ Банку ко времени открытія комиссій.

На первый разъ было назначено учредить з.-у. комиссіи въ 184 уѣздахъ (32 губерній).

Чтобы оцѣнить значеніе вышеуказанныхъ мѣръ, необходимо имѣть въ виду, что удѣльныя и казенныя земли расположены крайне неравномѣрно [2]). Главная масса и тѣхъ и другихъ сосредоточена въ слѣдующихъ губерніяхъ (десятины):

Губерніи:	Казен.	Удѣльн.
Самарская	1.357.896	594.291
Астраханская . . .	840.704	—
Саратовская	228.413	121.233
Симбирская	8.221	246.933
Оренбургская . . .	225.837	16.280
Херсонская	218.553	16.267
Пермская	357.230	28.177
Таврическая	214.602	9.114
Уфимская.	190.711	45.823
Вологодская	95.859	60.253
Вятская.	41.589	97.992
Екатеринослав. . . .	107.936	13.205
Костромская	21.150	82.447
Харьковская	81.225	12.722
Кіевская	5.615	74.234
Тамбовская	72.390	—
Гродненская	65.926	—
Воронежская	20.920	37.415
Бессарабская	47.919	—
Новгородская. . . .	17.612	28.505
Подольская	756	42.651
Казанская.	39.739	12.237
Нижегородская . . .	11.534	28.427
Тверская	15.079	15.128

Мы видимъ, что огромная часть удобныхъ земель казны и удѣловъ лежитъ *въ окраинныхъ губерніяхъ* — восточныхъ и

[1]) См. П. Соковнинъ. «Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ». Изд. Деп. Землед. 1906 г.

[2]) Рѣчь идетъ лишь объ удобныхъ, нелѣсныхъ пространствахъ.

южныхъ. Нужна крайняя планомѣрность, чтобы при сравнительно небольшомъ фондѣ—около 10 мил. д.—удовлетворить наиболѣе острую нужду. Ожидать этого отъ бюрократическихъ комиссій нѣтъ, однако, никакихъ основаній. Всѣ эти земли перейдутъ либо къ зажиточнымъ крестьянамъ, либо хотя и къ нуждающимся, но относительно менѣе. По крайней мѣрѣ населеніе центра и др. губерній, гдѣ казенныхъ и удѣльныхъ земель мало, останется въ сторонѣ отъ новыхъ милостей [1]).

Съ другой стороны слѣдуетъ принять во вниманіе, что названныя земли находятся теперь въ пользованіи крестьянъ, причемъ значительная часть ихъ *арендуется сельскими обществами*. Въ 1905 г., напр., 36,6% оброчныхъ статей казны въ Е. Россіи состояло за сельскими обществами, 17,4%— за товариществами крестьянъ; 37%— за отдѣльными крестьянами и 12%—у лицъ проч. сословій. Слѣдовательно, площадь землепользованія наиболѣе нуждающейся части населенія замѣтно не увеличится отъ распродажи названныхъ земель.

Въ третьихъ, земли казны и удѣловъ находятся въ арендѣ на болѣе или менѣе продолжительные сроки и поэтому не могутъ поступить въ продажу *сразу* [2]). А между тѣмъ время не ждетъ: крестьяне требуютъ скорѣйшаго надѣленія землей и обѣщаніе продать имъ землю черезъ нѣсколько лѣтъ едва ли въ состояніи ихъ успокоить.

Въ четвертыхъ, наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе *цѣны*, по какимъ крестьянамъ придется покупать земли казны и удѣловъ. Въ настоящее время арендная плата за казенныя земли значительно ниже, чѣмъ за частновладѣльческія. Напр., въ 1900 г. она равнялась въ среднемъ 1 р. 47 к. за дес., тогда какъ помѣщичьи земли сдавались по 9 р. 14 к. и удѣльныя по 2 р. 67 к. При продажѣ казенныхъ земель комиссіямъ предписано руководствоваться цѣнами, получающимися отъ капитализаціи средней доходности ихъ. Эти цѣны гораздо ниже тѣхъ, по которымъ придется крестьянамъ покупать удѣльныя

---

[1]) Нужно имѣть въ виду, что «наказомъ», изданнымъ для з.-у. комиссій, каждый уѣздъ трактуется, какъ нѣчто цѣлое: земли каждаго уѣзда предназначаются для удовлетворенія земельной нужды лишь мѣстнаго населенія уѣзда.

[2]) Обычно срокъ аренды превосходитъ годъ. Напр., въ Саратовской г. 2/3 казенной земли арендуется на 9 лѣтъ; одногодичная сдача составляетъ лишь около 18%.

и помѣщичьи земли черезъ Банкъ, такъ какъ продажа эта будетъ совершаться по высокимъ цѣнамъ послѣднихъ лѣтъ.

Приступивъ послѣ долгихъ обѣщаній къ «расширенію крестьянскаго землепользованія», правительство сразу обнаружило полную неспособность рѣшить задачу. Не желая упорно прибѣгнуть къ отчужденію помѣщичьихъ земель, оно пытается удовлетворить крестьянскую нужду въ землѣ нѣсколькими милліонами десятинъ удѣльной и казенной земли, распродавая ее черезъ Крестьянскій Банкъ. Поэтомъ крестьяне самыхъ малоземельныхъ губерній, не воспользуются столь долго жданными благами, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ названныхъ земель ничтожное количество.

Въ общемъ, принимая все это во вниманіе, нетрудно видѣть, что предпринятыя послѣ роспуска Думы земельныя реформы лишь запутаютъ дѣло, изъявъ недостаточно цѣлесообразно нѣсколько милліоновъ десятинъ изъ того фонда, который, при болѣе раціональномъ употребленіи, удовлетворилъ бы наиболѣе острую нужду населенія въ землѣ.

И въ довершеніе всего за полученную такимъ путемъ землю населенію придется платить долгое время ненавистные выкупы и пр. Слишкомъ долго затягивалось рѣшеніе вопроса, слишкомъ большую остроту онъ пріобрѣлъ въ настоящее время, чтобы можно было серьезно разсчитывать подобными реформами водворить порядокъ и внести успокоеніе въ крестьянство.

Распродажа казенныхъ и удѣльныхъ земель, а также усиленная дѣятельность Крестьянскаго Банка будетъ имѣть въ результатѣ одно: распродаваемыя земли попадутъ въ руки болѣе зажиточной части деревенскаго населенія и такимъ образомъ, несомнѣнно, усилится консервативный элементъ, долженствующій служить опорой отживающему строю. На такой эффектъ, повидимому, и бьютъ прежде всего реформы министерства Столыпина. Не удовлетворяя наиболѣе острую нужду въ землѣ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ вносятъ расколъ въ среду крестьянства.

Выше мнѣ приходилось уже говорить о дѣятельности крестьянскаго банка въ этомъ направленіи. За 20 лѣтъ его дѣятельности черезъ посредство банка куплено крестьянами 8 мил. дес. и безъ его помощи $5^1/_4$ мил. Изъ указанныхъ 8 мил. только 2 мил. дес. куплено тѣми, кто имѣетъ на душу менѣе 3 дес., остальныя 5 мил. пріобрѣтены зажиточными слоями крестьянства. Такіе же результаты будетъ имѣть и теперешняя усиленная скупка помѣщичьихъ земель Банкомъ и затѣмъ пере-

продажа ихъ крестьянамъ. Всего послѣ манифеста 3 ноября 1905 г. по 1 октября 1906 г. Банкъ купилъ у помѣщиковъ 2¼ мил. дес. за 276 мил. р. (въ среднемъ около 125 р. за дес.) и кромѣ того выдалъ крестьянамъ ссуду на покупку 600 тыс. дес. Изъ 2¼ мил. дес., купленныхъ Банкомъ у помѣщиковъ, лишь нѣсколько сотъ тыс. дес. было распродано крестьянамъ къ концу 1906 г. Огромное же большинство купленной земли оставалось на рукахъ Банка, не находя себѣ сбыта.

Усиленная ликвидація помѣщиками своихъ земель ляжетъ въ концѣ концовъ тяжелымъ бременемъ на крестьянское населеніе. Уже теперь, какъ мы видѣли, Банкомъ закуплено изрядное количество имѣній, которыя онъ не можетъ распродать крестьянамъ и оставляетъ за собой. И чѣмъ крупнѣе помѣщикъ, тѣмъ скорѣе и выгоднѣе удается ему сбыть свою землю Банку.

Крестьянъ, конечно, привлекаютъ сравнительно льготныя условія покупки черезъ Банкъ: выдача ссуды иногда въ размѣрѣ полной оцѣнки, уменьшеніе % по ссудамъ и т. д. Но всѣ эти выгоды оказываются призрачными, если принять во вниманіе, что главнымъ факторомъ въ данномъ случаѣ является не % и не % ссуды, а цѣна, по какой приходится покупать землю. Взять хотя бы *указъ 14 октября 1906 г.* объ уравненіи процентовъ, взимаемыхъ Крестьянскимъ и Дворянскимъ Банками. По этому указу %% (съ погашеніемъ) въ Крестьянскій Банкъ понижены съ 5 р. 25 к. до 4 р. 50 к. на каждые 100 р. Но что значитъ это пониженіе, когда помѣщики, при благосклонномъ содѣйствіи з.-у. комиссій, имѣютъ возможность еще болѣе повысить цѣны на землю?

Въ результатѣ, земли, покупаемыя крестьянами сгоряча по высокой цѣнѣ, скоро ими забрасываются и затѣмъ поступаютъ въ продажу съ торговъ. Тысячи десятинъ, такимъ образомъ, поступило уже послѣднее время въ продажу и еще больше поступитъ, навѣрное, въ близкомъ будущемъ.

Нужно быть окончательно ослѣпленнымъ узко-классовыми побужденіями, чтобы не замѣчать такого эффекта отъ правительственныхъ реформъ послѣдняго времени. Цѣль ихъ ясна: это, какъ я сказалъ, желаніе создать *слой зажиточнаго крестьянства*, на который могла бы опереться реакція въ ея борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ вообще и съ крестьянскими «бунтами» деревенской бѣдноты—въ особенности. Такую же цѣль преслѣдуетъ и указъ 9 ноября 1906 г. объ облегченіи отдѣльнымъ домохозяевамъ выхода изъ общины.

Сущность этого указа заключается въ томъ, что «каждый домохозяинъ, владѣющій землей на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собой въ личную собственность причитающейся ему части изъ означенной земли». Приэтомъ «причитающейся» частью считается та земля, какой крестьянинъ пользовался согласно послѣднему общему передѣлу. Лѣса, выгоны, луга и т. п. по прежнему остаются въ общемъ владѣніи крестьянъ, хотя бы часть ихъ перешла къ подворному владѣнію пахатной землей. Выдѣлъ производится «обязательно въ мѣсячный со дня подачи заявленія срокъ»; приэтомъ, «если общество въ теченіе указаннаго срока такого приговора не постановитъ, то, по ходатайству подавшаго упомянутое заявленіе домохозяина», выдѣлъ производится земскимъ начальникомъ который «разбираетъ *по существу* всѣ возникающіе приэтомъ споры и объявляетъ свое по сему предмету постановленіе».

Община погибла, широкая дорога открылась «чумазому» въ деревнѣ!.— такъ охарактеризовали этотъ актъ правительства народолюбивые интеллигенты, питавшіе все время надежду на то, что община наша является ближайшей ступенью къ соціализму. Вѣра въ это составляла символъ вѣры народническихъ упованій на то, что Россіи суждено миновать капиталистическую стадію развитія благодаря.... общинѣ. Смѣшно было бы теперь разоблачать всю призрачность подобныхъ упованій. Община не была въ состояніи задержать нашествія капитализма; самое большее, что могла она осуществить—это затормозить развитіе капитализма въ деревнѣ или, вѣрнѣе, придать ему болѣе уродливыя формы. И подобную роль община до нѣкоторой степени играла. Вотъ почему соц'алъ-демократія требовала «отмѣны *всѣхъ* законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землей», и между прочимъ законовъ *удерживавшихъ* крестьянина въ рамкахъ общины.

Указомъ 9 ноября эти рамки разрушены, но ошибочно было бы думать, что с.-д. можетъ взять подъ свою защиту *такую* мѣру. Должны быть уничтожены всякія *препятствія* къ выходу крестьянина изъ общины,—такъ говоритъ с.-д., предполагая, само собой разумѣется, что при такомъ выходѣ будутъ обезпечиваться интересы наиболѣе нуждающейся въ защитѣ части населенія,— бѣдноты. Указомъ же 9 ноября разрушеніе общины поручается блюсти земскимъ начальникамъ, которые «разбираютъ» дѣло «по существу» и объявляютъ «свое по сему

предмету постановленіе». Интересы бѣдноты при такомъ порядкѣ не будутъ обрѣтаться, конечно, въ авантажѣ.

Приэтомъ слѣдуетъ отмѣтить, что указомъ 9 ноября предписывается при выдѣлахъ исходить изъ status quo, принимать во вниманіе размѣры существующаго землепользованія каждаго домохозяина. Такимъ образомъ санкціонируются всѣ уродливые наросты, образовавшіеся на общинномъ организмѣ за 45-лѣтній промежутокъ времени при господствѣ «уравнительныхъ» началъ.

Смыслъ указа 9 ноября не подлежитъ сомнѣнію: земскіе начальники призваны усиленнымъ темпомъ насаждать подворное землевладѣніе, долженствующее дать опору помѣщичье-бюрократической реакціи. Dividé et impereé! ставитъ на своемъ знамени отживающій строй, тщетно пытаясь воздвигнуть прочную бастилію изъ разрозненныхъ консервативныхъ элементовъ. Смѣшно надѣяться удержать потокъ великой революціи подобными плотинами!

Указъ 16 ноября о выдачѣ крестьянамъ ссудъ изъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка подъ залогъ надѣльныхъ земель имѣетъ, между прочимъ, въ виду содѣйствовать переходу къ подворному владѣнію, такъ какъ имъ предусматривается выдача ссудъ: 1) «при переходѣ отъ общиннаго владѣнія къ подворному», 2) при «разселеніи» крестьянъ по хуторамъ и т. п.

Другая цѣль этого указа — помочь крестьянамъ раскупать помѣщичьи земли и тѣ земли, которыя, какъ мы видѣли, скопились на рукахъ Банка и не находятъ себѣ сбыта. Теперь Банкъ будетъ выдавать крестьянамъ ссуды подъ залогъ надѣльныхъ земель, кромѣ указанныхъ выше случаевъ, еще и «для пополненія той части покупной цѣны за земли, пріобрѣтаемыя съ содѣйствіемъ Крестьянскаго банка, которая не покрывается ссудою банка».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что всѣ «реформы» столыпинскаго кабинета бьютъ въ одну точку: онѣ стремятся подмѣнить собой то рѣшеніе вопроса, которое выдвигалось жизнью, рѣшеніе революціоннымъ путемъ. Помогая помѣщикамъ скорѣе и выгоднѣе ликвидировать помѣстья, эти реформы преслѣдуютъ и др. цѣль: онѣ стремятся внести расколъ въ крестьянское движеніе. Какой цѣной будетъ достигнута подобная цѣль, правительство, повидимому, не отдастъ себѣ яснаго отчета. Представимъ себѣ, что «реформы» войдутъ въ жизнь въ скоромъ же времени,—какое значеніе могутъ имѣть онѣ? Прежде всего уменьшится фондъ (казенная, удѣльная и т. п. земли), который при раціональномъ

употребленіи могъ бы удовлетворить наиболѣе острую нужду въ землѣ. Земля эта будетъ расхватана преимущественно болѣе зажиточными элементами деревни. Во-вторыхъ, начнется усиленно-покровительствуемая ликвидація общиннаго владѣнія, и деревенскіе кулаки не упустятъ при этомъ случая погрѣть себѣ руки. Крестьянская бѣднота, если только ожиданіе думскаго рѣшенія не удержитъ ее, станетъ спѣшить закладывать надѣльныя земли и покупать земли черезъ банкъ; цѣны на помѣщичьи земли возрастутъ еще болѣе, банку придется выдавать еще больше ссудъ и доплатъ,—и финаломъ этой скачки можетъ быть только крахъ. Крестьянство,—обнищавшее, толкаемое острой нуждой,—плохой плательщикъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ «реформъ», какъ я сказалъ, долженъ наступить крахъ—«реформы» лишь оттянутъ наступленіе его и... сильно осложнятъ положеніе дѣла.

Министерство роспуска Думы не ограничилось реформами, касающимися «расширенія крестьянскаго землевладѣнія»; оно выступило и съ реформами «правопорядка» деревенской жизни: указомъ 5 октября отмѣнены нѣкоторыя сословныя ограниченія для крестьянъ.

Реформа эта была обѣщана еще указомъ 12 декабря 1904 г., но съ тѣхъ поръ ничего не предпринималось для отмѣны сословныхъ ограниченій крестьянъ. Теперь шагъ къ этому сдѣланъ. *Указомъ 5 октября* крестьяне уравнены со «всѣми россійскими подданными»: 1) «въ отношеніи правъ гражданской службы»; 2) въ отношеніи поступленія въ учебныя заведенія и на гражданскую службу; 3) въ отношеніи свободнаго избранія мѣста жительства; 4) въ отношеніи семейныхъ раздѣловъ, обязыванія векселями и т. д.; 5) дана бо́льшая самостоятельность сельскимъ и волостнымъ сходамъ; 6) отмѣнено право земскихъ начальниковъ налагать административно взысканія и 7) предоставлено выбирать земскихъ гласныхъ безъ утвержденія кандидатовъ губернаторомъ.

И только! Конечно, всѣ эти мѣры являются шагомъ впередъ, особенно облегченіе семейныхъ раздѣловъ и отмѣна права земскихъ начальниковъ налагать взысканія въ администра-

тивномъ порядкѣ. Но, если принять во вниманіе цѣлый рядъ ограниченій, продолжающихъ тяготѣть надъ крестьянствомъ (обособленное управленіе, судъ; натуральныя повинности—полицейская, по тушенію пожаровъ, подводная и т. д.), то этотъ шагъ не покажется большимъ [1]). А если къ тому же принять во вниманіе, что указъ 5 октября претендуетъ на коренное рѣшеніе крестьянскаго вопроса, какъ бы закрывая путь къ болѣе широкимъ мѣрамъ, то значеніе этой реформы получается весьма и весьма небольшое.

Но если положительное значеніе акта 5 октября не велико. то его агитаціонное значеніе нельзя цѣнить слишкомъ низко, Крестьянству дано еще и еще разъ понять, что полной воли, также какъ и всей земли, оно добьется лишь тогда, когда получитъ въ свои руки власть.

ГЛАВА X.

Усиленно проводя мѣропріятія въ цѣляхъ «умиротворенія» деревни, правительство, однако, съ тревогой взираетъ на исходъ выборовъ во вторую Государственную Думу; оно не надѣется, повидимому, что его «реформы» по крестьянскому вопросу создадутъ ему симпатіи въ широкихъ слояхъ населенія, которые и дадутъ ему опору для подавленія освободительнаго движенія. Поэтому наряду съ «реформами» слѣдуютъ въ изобиліи репрессіи, «разъясненія» Сената, ограничивающія избирательныя права крестьянъ, и т. п. мѣропріятія, имѣющія назначеніемъ отфильтровать изъ массы крамольнаго населенія «богатырей дѣла и мысли».

Спеціально для ограниченія избирательныхъ правъ крестьянъ предприняты, между прочимъ, такія мѣры, какъ ли-

[1]) Циркуляромъ м. вн. дѣлъ, послѣдовавшимъ въ разъясненіе указа 5 октября, земскимъ начальникамъ внушается, что отмѣной нѣкоторыхъ сословныхъ ограниченій для крестьянъ «отнюдь не имѣлось въ виду умалить авторитетъ и значеніе» ихъ, земскихъ начальниковъ,— и что хотя они не могутъ болѣе налагать административныя взысканія на крестьянъ вообще, но имѣютъ право сажать въ кутузки и штрафовать должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія, и «эти полномочія... являются вполнѣ достаточными для поддержанія должнаго авторитета власти».

шеніе права баллотировать и баллотироваться всѣхъ не «домохозяевъ». Такимъ образомъ, не пройдетъ въ Думу ненавистная сельская интеллигенція (учителя, статистики и пр.), не выписавшаяся изъ общества, но и не ведущая «хозяйства». Съ др. стороны, лишены избирательныхъ правъ (по съѣзду мелкихъ землевладѣльцевъ) крестьяне, пріобрѣтшіе въ собственность землю сверхъ надѣльной. Благодаря этому ограниченію, число избирателей повсюду сократилось въ нѣсколько разъ.

Мѣропріятія и «реформы» слѣдуютъ одни за другими, но грядущее для начальническаго взора остается попрежнему загадочнымъ. Крестьянство—это сфинксъ. Только недавно выступило оно на политическую сцену, только еще начинаетъ развертываться передъ его взорами картина политической дѣятельности, и трудно сказать, какія формы приметъ это движеніе и какую настойчивость проявитъ крестьянство въ близкомъ будущемъ въ борьбѣ за землю и волю. Несомнѣнно лишь то, что «реформами» бюрократіи крестьянская масса сознательно не удовлетворится. Спѣшно выбрасываемыя уступки въ видѣ распродажи казенныхъ, удѣльныхъ и др. земель могутъ произвести въ концѣ концовъ одинъ эффектъ: онѣ возбудятъ еще больше аппетиты массъ, не будучи въ состояніи ихъ удовлетворить. Крестьянская революція у насъ еще не исчерпала себя и крестьянству предстоитъ сказать рѣшительное слово. Какъ и при какихъ условіяхъ это произойдетъ, съ увѣренностью сказать нельзя.

До сихъ поръ, начиная со взрыва въ концѣ 1905 г., движеніе въ деревнѣ развивалось такъ, что всѣ попытки предугадать дальнѣйшія стадіи его были болѣе или менѣе неудачны. Вслѣдъ за погромной волной конца 1905 г. на долгіе мѣсяцы наступило затишье, никакъ не мирившееся съ тѣмъ, что было извѣстно о продовольственной нуждѣ населенія въ концѣ зимы, о карательныхъ экспедиціяхъ, испытывавшихъ терпѣніе деревни и т. д. Къ веснѣ, вопреки весьма и весьма распространенному ожиданію, не послѣдовало захватовъ и занахиваній помѣщичьихъ земель. Населеніе, какъ говорили, выжидаетъ, что скажетъ Дума. Несомнѣнно, что Дума съ самаго начала послужила тѣмъ центромъ, около котораго стали сосредоточиваться мужицкія чаянія на полученіе земли и «правовъ», но ошибочно было бы придавать этой Думѣ такое большое значеніе. Она революціонизировала крестьянство, но лишь постепенно, по мѣрѣ своей дѣятельности; самое же «ожиданіе» Думы

не имѣло такого значенія, какое ему обыкновенно приписывалось.

Въ іюнѣ и въ началѣ іюля аграрныя волненія замѣтно возросли, но было бы ошибочно полагать, какъ это говорится въ правительственномъ сообщеніи по поводу роспуска Думы, будто такіе «непорядки» вызвала Дума. Движеніе на почвѣ аграрныхъ «недоразумѣній», какъ мы видимъ, происходило въ большинствѣ случаевъ совершенно самостоятельно, независимо отъ тѣхъ или др. шаговъ Думы.

Роспускъ Думы не вызвалъ, какъ многіе ожидали, крестьянскаго возстанія, и даже аграрныя волненія въ послѣдующіе мѣсяцы замѣтно стихли. Это, конечно, не значитъ, что населеніе отнеслось равнодушно къ разгону своихъ представителей, но это свидѣтельствуетъ о томъ, что развитіе революціоннаго сознанія и организованности крестьянскихъ массъ не подвинулось такъ далеко, чтобы онѣ могли *планомѣрно* реагировать на вызовъ реакціи.

Вообще нужно сказать, что въ крестьянскомъ движеніи слишкомъ преобладаетъ элементъ стихійности, что «современный складъ жизни крестьянина далеко опередилъ собою складъ его мысли»[1]); поэтому есть всѣ основанія полагать что и въ ближайшемъ будущемъ крестьянское движеніе будетъ развиваться импульсивно, болѣе подчиняясь своей внутренней логикѣ, чѣмъ *согласуясь* съ тѣми или другими политическими выступленіями Думы, пролетаріата и т. д. Такая согласованность явится лишь результатомъ болѣе или менѣе продолжительнаго политическаго воспитанія крестьянскихъ массъ; событія однако развиваются слишкомъ быстро и трудно думать, что такая согласованность пролетарскаго и крестьянскаго выступленія будетъ имѣть мѣсто теперь же и что моменты «рѣшительнаго выступленія» крестьянства и пролетаріата совпадутъ. Намъ представляется болѣе вѣроятнымъ иной исходъ революціоннаго движенія: разрушеніе современнаго политическаго строя явится результатомъ послѣдовательныхъ натисковъ крестьянскихъ массъ и городской демократіи. Шагъ за шагомъ самодержавіе принуждено будетъ уступать свои позиціи, и моментъ, когда оно сдастъ свои твердыни, отнюдь не долженъ обязательно совпадать съ моментомъ одновременнаго согласованнаго «выступленія» названныхъ выше борющихся силъ. Моментъ этотъ бу-

[1]) Г. В. Плехановъ «Дневникъ» № 5, стр. 15.

детъ находиться больше въ зависимости отъ общей ситуаціи, и то или другое «выступленіе» явится лишь толчкомъ, но характера «рѣшающей битвы» имѣть не будетъ.

Всякая революція избираетъ свои пути, свои средства для достиженія цѣли, и средства эти находятся въ зависимости отъ самыхъ различныхъ условій: отъ степени техническаго развитія страны, ея экономическаго развитія и т. д. Въ Россіи мы имѣемъ въ настоящее время такое сочетаніе условій, такую комбинацію пролетарской революціи и революціи крестьянской, какихъ не знала ни одна страна; поэтому рисовать себѣ предстоящее «выступленіе» по типу извѣстныхъ уже историческихъ переворотовъ—значитъ обнаруживать схематизмъ и рутинность мышленія, прилагать старыя мѣрки къ сильно усложнившимся условіямъ жизни.

Все предыдущее изложеніе достаточно показало, намъ думается, какъ неравномѣрно революціонное напряженіе въ крестьянствѣ на всемъ протяженіи огромной страны и насколько неодинаковый характеръ—по крайней мѣрѣ въ сознаніи самихъ участниковъ движенія—носитъ это движеніе. Въ виду этого едва ли приходится говорить даже о томъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ крестьянскія «выступленія» въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ сольются въ одинъ общій, согласованный потокъ. На Кавказѣ, напр., уже нѣсколько лѣтъ крестьянами ведется упорная борьба, но движеніе это протекало до сихъ поръ изолированно отъ движенія крестьянъ въ другихъ частяхъ Россіи,—въ Прибалтійскомъ краѣ, въ Центрѣ, въ Поволжьѣ и т. д. И пройдетъ, можетъ быть, не мало времени, прежде чѣмъ эти отдѣльные потоки вольются въ общее русло, и идея всероссійскаго возстанія крестьянства пріобрѣтетъ плоть и кровь. Весьма возможно, что бастилія самодержавія падетъ прежде, чѣмъ это осуществится; падетъ подъ натискомъ не общаго «выступленія» пролетаріата и крестьянства, а подъ напоромъ вспышекъ, мѣстныхъ толчковъ и частныхъ «выступленій», будучи дезорганизована и расшатана «перманентной» революціей.

СОДЕРЖАНІЕ:

стр.

ГЛАВА I. Общія условія крестьянскаго движенія. Волненія 1902 г. Мѣры правительства по поводу ихъ. Реформы по крестьянскому вопросу въ 1903 г. (учрежденіе стражниковъ и отмѣна круговой поруки). Комиссія Стишинскаго и «Особое совѣщаніе о нуждахъ с.-х. промышленности». Агитаціонная роль комитетовъ о нуждахъ с.-х. промышленности. Волненія 1903 г. 3.

ГЛАВА II. Роль революціонной пропаганды и войны. Манифестъ 11 августа 1904 г. «Весна» и крестьянскій вопросъ. Указъ 12 декабря 1904 г. Циркуляръ 31 декабря 1904 г. «Губернскія совѣщанія» по указу 8 января 1905 г. . . . . 25.

ГЛАВА III. Движеніе начала 1905 г. «Особое совѣщаніе» Горемыкина. Указы 3 и 10 апрѣля 1905 г. Циркуляръ 15 апрѣля о борьбѣ съ крестьянскимъ движеніемъ. Преобразованіе Министерства Земледѣлія. Волненія лѣтомъ 1905 г. . . . . 31.

ГЛАВА IV. Агитація среди крестьянъ земствъ въ 1905 г. Конфликтъ земцевъ съ населеніемъ. . . . . 41.

ГЛАВА V. Указъ 16 февраля 1905 г. о петиціяхъ. Его использованіе реакціонными и революціонными элементами. Образованіе «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза». Его съѣзды и организація въ 1905 и 1906 г.г. . . . . 58.

ГЛАВА VI. Неурожай 1905 г. и мѣры правительства по поводу его Взрывъ возстанія въ октябрѣ и ноябрѣ 1905 г. Манифестъ 3 ноября 1905 г. и мѣры правительства относительно крестьянъ бунтовщиковъ. Указъ 31 октября о командированіи для усмиреній ген.-адъютантовъ. Циркуляръ 15 ноября о продажѣ земель черезъ Крестьянскій Банкъ. Указъ 6 декабря о формированіи полицейской стражи частными лицами. Мѣропріятія земствъ и дворянскихъ собраній въ связи съ аграрными волненіями . . . . . 83.

ГЛАВА VII. Волненія въ 1906 г.: порубки, поджоги и погромы, стачки и др. Столкновенія съ полиціей и убійства помѣщиковъ . . . . . 108.

ГЛАВА VIII. Выборы въ Государственную Думу. Роль Думы въ развитіи крестьянскаго движенія. Анализъ приговоровъ и наказовъ депутатамъ Думы . . . . . 132.

ГЛАВА IX. Первые мѣсяцы послѣ роспуска Думы. Правительственныя мѣропріятія для рѣшенія крестьянскаго вопроса. Указы: 12 и 27 августа, 19 сентября, 5 и 14 октября, 9 и 16 ноября 1906 г. . . . . 154.

ГЛАВА X. Заключеніе. . . . . 169.

